

#правильные_книги

Божественная комедия

ДАНИТЕ
АДЛГБЕРИ

#правильные_книги

Данте Алигьери
Божественная комедия

«ЭКСМО»

1307–1321

УДК 821.131.1-1
ББК 84(4Ита)-44

Данте Алигьери

Божественная комедия / Данте Алигьери — «Эксмо», 1307–1321 — (#правильные_книги)

ISBN 978-5-699-98195-3

«Божественная комедия» – главное произведение Средневековья, которое не поддавалось ни забвению, ни обветшанию. Когда в загробный мир спускается поэт, Ад, Чистилище и Рай перестают быть абстрактностями и наполняются яркими деталями и неординарными явлениями. Смертные грехи, благодетели и великая любовь будут спутниками поэта во время его путешествия. Поэму Данте до сих пор можно читать как самый большой вызов божественному мирозданию. Будет смешно и больно.

УДК 821.131.1-1

ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-699-98195-3

© Данте Алигьери, 1307–1321

© Эксмо, 1307–1321

Содержание

Ад	6
Песня первая	6
Песня вторая	12
Песня третья	17
Песня четвертая	23
Песня пятая	29
Песня шестая	35
Песня седьмая	40
Песня восьмая	45
Песня девятая	51
Песня десятая	56
Песня одиннадцатая	62
Песня двенадцатая	67
Песня тринадцатая	74
Песня четырнадцатая	81
Песня пятнадцатая	88
Песня шестнадцатая	94
Песня семнадцатая	100
Песня восемнадцатая	106
Песня девятнадцатая	111
Песня двадцатая	117
Песня двадцать первая	123
Песня двадцать вторая	130
Песня двадцать третья	136
Песня двадцать четвертая	143
Песня двадцать пятая	150
Песня двадцать шестая	156
Песня двадцать седьмая	163
Песня двадцать восьмая	170
Песня двадцать девятая	177
Песня тридцатая	184
Песня тридцать первая	191
Песня тридцать вторая	198
Песня тридцать третья	205
Песня тридцать четвертая	212
Чистилище	219
Песня первая	219
Песня вторая	226
Песня третья	233
Конец ознакомительного фрагмента.	241

Данте Алигьери

Божественная комедия

© ООО «Издательство «Э», 2017

Ад

Песня первая

Поэт рассказывает, что, заблудившись в темном, дремучем лесу и встречая разные препятствия для достижения вершины горы, он настигнут был Вергилием. Последний обещался показать ему муки грешников в Аду и Чистилище и сказал, что потом Беатриче покажет поэту Райскую обитель. Поэт последовал за Вергилием.

¹ Когда-то я в годину зрелых лет
В дремучий лес зашел и заблудился.
Потерян был прямой и верный след...

⁴ Нет слов таких, чтоб ими я решился
Лес мрачный и угрюмый описать,
Где стыл мой мозг и ужас тайный длился:

⁷ Так даже смерть не может устрашать...
Но в том лесу, зловещей тьмой одетом,
Средь ужасов обрел я благодать.

¹⁰ Попал я в чащу дикую; нигде там
Я не нашел, объят каким-то сном,
Знакомого пути по всем приметам.

¹³ Пустыня предо мной была кругом,
Где ужасом невольным сердце сжалось.
Я увидал перед собой потом

¹⁶ Подножие горы. Она являлась
В лучах светила радостного дня
И светом солнца сверху позлащалась,

¹⁹ Прогнавшим страх невольный от меня.
В душе моей изгладилось смущенье,
Как гибнет тьма от яркого огня.

²² Как выброшенный на берег в крушение
В борьбе с волной измученный пловец
Глядит назад, где море в исступленье

²⁵ Ему сулит мучительный конец;
Так точно озирался я пугливо,

Как робкий, утомившийся беглец,

²⁸ Чтоб еще раз на страшный путь тоскливо,
Переводя дыхание, взглянуть:
Доныне умирало все, что живо,

³¹ Свершая тот непроходимый путь.
Лишившись сил, как труп, в изнеможенье
Я опустился тихо отдохнуть,

³⁴ Но снова, переселив утомленье,
Направил шаг вперед по крутизне,
Все выше, выше каждое мгновенье.

³⁷ Я шел вперед, и вдруг навстречу мне
Явился барс, покрытый пестрой кожей
И с пятнами на выгнутой спине.

⁴⁰ Я, как врасплох застигнутый прохожий,
Смотрю: с меня он не спускает глаз
С решимостью, на вызов мне похожей,

⁴³ И заграждает путь, на нем ложась,
Так что я думать стал об отступленье.
На небе утро было в этот час.

⁴⁶ Земля очнулась после пробужденья,
И плыло солнце в небе голубом,
То солнце, что во дни миротворенья

⁴⁹ Зажглось впервые, встречено кругом
Сияньем звезд, с их ясным, кротким светом...
Ободренный веселым, светлым днем,

⁵² Румяным и торжественным рассветом,
Я выносил без страха барса гнев,
Но новый ужас ждал меня при этом:

⁵⁵ Передо мной вдруг очутился лев.
Назад закинув голову, он гордо
Шел на меня: стоял я, присмирив.

⁵⁸ Смотрел в глаза так алчно он и твердо,
Что я как лист затрепетал тогда;
Гляжу: за ним видна волчицы морда.

⁶¹ Она была до ужаса худа:

Ненасытимой жадностью, казалось,
Волчица подавляема всегда.

⁶⁴ Уже не раз перед людьми являлась
Она, как гибель их... В меня она
Чудовищными взглядами впивалась,

⁶⁷ И стала вновь отчаянья полна
Моя душа. Исчезла та отвага,
Которая вести была должна

⁷⁰ Меня на верх горы. Как жадный скряга
Рыдает, потерявши капитал,
В котором видел счастье, жизни благо,

⁷³ Так перед диким зверем я рыдал,
Путь пройденный теряя шаг за шагом,
И снова вниз по крутизне сбегал

⁷⁶ К тем безднам и зияющим оврагам,
Где блеска солнца видеть уж нельзя
И ночь темна под вечным, черным флагом.

⁷⁹ С стремнины на стремнину вниз скользя,
Я человека встретил той порою.
Безмолвие собой изобразя,

⁸² Он словно так был приучен судьбою
К молчанию, что голос потерял,
Увидя незнакомца пред собою.

⁸⁵ В пустыне мертвой громко я воззвал:
«Кто б ни был ты – живой иль привиденье,
Спаси меня!» И призрак отвечал:

⁸⁸ «Когда-то был живое я творенье;
Теперь перед тобой стоит мертвец.
Я в Мантуе рожден в одном селенье;

⁹¹ В Ломбардии жил прежде мой отец.
Жизнь начал я при Юлии и в Риме
В век Августа жил долго, наконец,

⁹⁴ Когда богами ложными своими
Считали люди идолов. Тогда
Я был поэт, писал стихи, и ими

⁹⁷ Энея воспевал и те года,
Когда распались стены Илиона...
А ты зачем стремишься вниз сюда,

¹⁰⁰ В обитель скорби, скрежета и стона?
Зачем с пути к жилищу вечных благ
Под благодатным блеском небосклона

¹⁰³ Стремишься к тьме неудержимо так?
Иди вперед и не щади усилий!»
И, покраснев, ему я сделал знак

¹⁰⁶ И спросил: «Ужели ты Вергилий,
Поэтов всех величие и свет?
Пусть о моем восторге и о силе

¹⁰⁹ Моей любви к тебе, святой поэт,
Расскажет слабый труд мой и творенья
И то, что изучал я много лет

¹¹² Великие твои произведения^[1].
Смотри: я перед зверем трепещу,
Все жилы напряглись. Ищу спасенья,

¹¹⁵ Певец, твоей я помощи ищу».
«Ты должен поискать пути иного,
И этот путь я указать хочу».

¹¹⁸ Услышал я из уст поэта слово:
«Знай, страшный зверь-чудовище давно
Путь этот заграждает всем сурово

¹²¹ И губит, и терзает всех равно.
Чудовище так жадно и жестоко,
Что вечно не насытится оно

¹²⁴ И жертвы рвет в одно мгновенье ока.
К нему на смерть несчетное число
Творений жалких сходит издалёка, —

¹²⁷ И долго будет жить такое зло,
Пока Пес Ловчий^[2] с зверем не сразится,

^[1] «И то, что изучал я много лет / Великие твои произведения». – Еще до появления «Божественной Комедии» Данте был уже известен как автор многих произведений на латинском и итальянском языках.

^[2] *Ловчий Пес* – Так называл Данте владельца Вероны Кана Гранде делла Скала, известного своей храбростью и благородством. Имя *Пес* он получил, по свидетельству своих современников, из-за того, что его мать во время беременности видела сон, будто она разрешилась от бремени собакой. При жизни его называли Великим за подвиги. Именно при его дворе

Чтобы вредить уж больше не могло

¹³⁰ Чудовище. Пес Ловчий возгордится
Не жалким властолюбием, но в нем
И мудрость, и величье отразится,

¹³³ И родиной его мы назовем
Страну от Фельтро и до Фельтро^[3]. Силы
Италии он посвятит; мы ждем,

¹³⁶ Что с ним опять воспрянет из могилы
Италия, где прежде кровь лилась,
Кровь девственной, воинственной Камиллы,

¹³⁹ Где Турн и Низ нашли свой смертный час^[4].
Преследовать от града и до града
Волчицу эту будет он не раз,

¹⁴² Пока ее не свергнет в кратер Ада,
Была откуда изгнана она
Лишь завистью... Спасти тебя мне надо

¹⁴⁵ От этих мест, где гибель так верна;
Иди за мной, – тебе не будет худо,
Я выведу – на то мне власть дана —

¹⁴⁸ Тебя чрез область вечности отсюда,
Чрез область, где услышишь ты во мгле
Стенания и вопли, где, как чуда,

¹⁵¹ Видения умерших на земле
Вторичной смерти ждут и не дождутся^[5]
И от мольбы бросаются к хуле.

¹⁵⁴ Потом перед тобою пронесутся
Ликующие призраки в огне,
В надежде, что пред ними распахнутся,

Данте, изгнанный из Флоренции, нашел себе пристанище. Так как Данте начат писать «Божественную Комедию» еще до своего изгнания, когда Кан был ребенком, то комментаторы полагают, что стихи о Ловчем Псе вставлены поэтом уже после, в те дни, когда на Кана Гранде современники возлагали все свои надежды.

^[3] «И родиной его мы назовем / Страну от Фельтро и до Фельтро». – Здесь речь идет о Вероне, которая с одной стороны граничит с Тревизакою, где находится местечко *Фельтро*, а с другой примыкает к Романии, где есть гора, называемая тоже *Фельтро*.

^[4] «Кровь девственной, воинственной Камиллы, / Где Турн и Низ нашли свой смертный час». – Камилла – воинственная дева, дочь Метаба, царя вольсков, и Турн – сын Дауна, царя ругулов, защищая Лациум, погибли в битве с выходцами из Трои. Там же был убит мужественный Низ вместе со своим другом Эвриалом.

^[5] «Видения умерших на земле / Вторичной смерти ждут и не дождутся...» – Души грешников, осужденные на адские муки, призывают забвение этих мучений – вторичную смерть.

¹⁵⁷ Быть может, двери в райской стороне
И их грехи искупятся страданием.
Но если обратишься ты ко мне

¹⁶⁰ С желанием в Раю быть – тем желаньем
Давно уже полна душа моя —
То есть душа другая: по деяньям

¹⁶³ Она меня достойнее, и я
Ей передам тебя у райской двери
И удалюсь, печаль свою тая.

¹⁶⁶ Я был рожден в иной и темной вере,
К прозрению не приведен никем,
И места нет теперь мне в райской сфере,

¹⁶⁹ И я пути не укажу в эдем.
Кому подвластны солнце, звезды эти,
Кто царствует в веках над миром всем,

¹⁷² Того обитель – Рай... На этом свете
Блаженны все, им взысканные!» Стал
Тогда искать опоры я в поэте:

¹⁷⁵ «Спаси меня, поэт! – я умолял. —
Спаси меня от бедствий ты ужасных
И в область смерти выведи, чтоб знал

¹⁷⁸ Я скорбь теней томящихся, несчастных,
И приведи к священным тем вратам,
Где Петр Святой обитель душ прекрасных

¹⁸¹ Век стережет. Я быть желаю там».
Мой проводник вперед шаги направил,
И следовал я по его пятам.

Песня вторая

Во второй песне поэт, после обычного вступления, начинает сомневаться в своих силах для предстоящего пути и думает, что не в состоянии будет сойти в Ад вместе с Вергилием. Ободренный Вергилием, он решается наконец следовать за ним как за своим наставником и путеводителем.

¹ День потухал. На землю сумрак лег,
Людей труда к покою призывая.
Лишь я один покойным быть не мог,

⁴ Путь трудный, утомительный свершая.
Все то, что предстояло мне вперед —
Страдания и обаянье Рая, —

⁷ То в памяти навеки не умрет...
О, музы, о святое вдохновенье!
Теперь вы мой единственный оплот!

¹⁰ Запомни, память, каждое явление,
Которое заметил только взгляд!
«Скажи, поэт! — воскликнул я в волненье. —

¹³ Мой путь тяжел, в пути препятствий ряд...
По силам ли мне подвиг предстоящий?
Ты описал, как раз спускался в Ад

¹⁶ Герой Эней^[6], тогда еще носящий
Людскую плоть, и вышел невредим:
Сам вечный Бог, на свете зло разящий,

¹⁹ Всегда стоял защитником над ним
И чтит родоначальника в нем Рима;
И знаем мы — на этот славный Рим

²² Сошло благословение незримо...
Святынею, источником добра
Да будет град, где власть неутомима

²⁵ Наместников святителя Петра!..
Спустился в Ад Эней, тобой воспетый,
В нем не нашедший смертного одра,

^[6] Эней — отец Сильвия, сын Анхиза, брат Приама, завоеватель Лациума, где властвовали его потомки, от которых производят род Ромула, основателя Рима.

²⁸ Но знаньем и прозрением согретый,
Величье пап из Ада вынес он.
Позднее же с земли печальной этой

³¹ Сам Павел был на Небо вознесен,
Где стал опорой нашего спасенья.
Но я – тяжелым подвигом смущен,

³⁴ Я трепещу за дерзкие стремленья.
Я не апостол Павел, не Эней, —
Избрать их путь кто дал мне позволение?

³⁷ Вот почему являться в мир теней
Боюсь с тобой. Уж не безумен я ли?
Но ты меня мудрее и сильнее:

⁴⁰ Покорствую тебе в моей печали». —
Как человек, лишенный воли вдруг,
В котором мысли новые сменяли

⁴³ Ряд прошлых дум и помыслов и мук,
Так точно я в пути стал колебаться
И озибался с трепетом вокруг,

⁴⁶ И быстро стала робостью сменяться
Моя решимость. Призрак мне сказал:
«Ты начал низкой трусостью слушаться.

⁴⁹ Подобный страх нередко отвращал
От славных дел. Так тени зверь боится.
Но я рассею страх твой. Я блуждал

⁵² Средь призраков, и ждал, когда решится
Над участью моею приговор,
Вдруг слышу, — я не мог не удивиться, —

⁵⁵ Святая Дева в тихий разговор
Со мной вступила. Счастья не скрывая,
Я Деве покорился с этих пор.

⁵⁸ Как звезды неба не жили, сверкая,
Ее глаза и голос так звучал,
Как пенье херувимов в царстве Рая:

⁶¹ «О, ты поэт, чей гений засиял
И будет жить до разрушенья света,

Иди! На крутизне пустынных скал

⁶⁴ Мой друг ждет и опоры, и совета,
Препятствиями страшными смущен.
Иль для него погибло все? Ответа

⁶⁷ Я буду ждать: он будет ли спасен?
Иди к нему и силой строгой речи
Да будет от беды избавлен он.

⁷⁰ Мне имя – Беатриче; издалече
Явилась я. Меня любовь вела,
Моя любовь с тобой искала встречи:

⁷³ Я помощи твоей с мольбой ждала.
В обитель Бога скоро я предстану
И там, где гибнет всякая хула,

⁷⁶ Тебя я славословить громко стану...»
И Беатриче смолкла. Я сказал:
«Клянусь, тебе служить я не устану!

⁷⁹ Ты святости высокой идеал,
Ты образ добродетели чудесной!
Все радости земли, что Бог нам дал,

⁸² Доводишь ты до радости Небесной!
Тебе легко повиноваться мне...
И если бы, о призрак бестелесный,

⁸⁵ Твою я волю выполнил вполне,
То все бы постоянно мне казалось,
Что действовал я вяло, как во сне,

⁸⁸ Что дело слишком медленно свершалось.
Твои желанья мог я оценить,
Но отвечай: как ты не побоялась

⁹¹ В жилище преисподнее сходить
Из той святой обители надзвездной,
Которую не можешь ты забыть?...»

⁹⁴ «Без страха я скольжу над этой бездной, —
Сказала Беатриче, — и, поэт,
Могу тебе совет я дать полезный:

⁹⁷ Поверь — когда злых помыслов в нас нет,

Нам ничего не следует бояться.
Зло ближнему – вот где источник бед,

¹⁰⁰ И только зла нам нужно всем пугаться.
Благое Небо крепость мне дает,
Чтоб не могла страданьем я терзаться

¹⁰³ И даже пламя ног моих не жжет.
Там в Небесах есть Дева Всеблагая^[7],
И ей-то, Всеблагой, стал жалок тот,

¹⁰⁶ Кого спасти ты должен, сберегая.
И к Лючии^[8] пришла с мольбой она:
«Спешి помочь тому ты, дорогая,

¹⁰⁹ Которому рука твоя нужна».
И Лючия то место посетила,
Любви и сострадания полна,

¹¹² Где я с Рахилью старой говорила,
И молвила: «Настал ужасный миг!
Что, Беатриче, ты не поспешила

¹¹⁵ Спасти того, кто в мире стал велик,
Любив тебя? Иль ты не слышишь, что ли,
Знакомый вопль и о спасенье крик?

¹¹⁸ Не видишь, как жилец земной юдоли
В борьбе со смертью грозной изнемог,
Которая страшна в безумной воле,

¹²¹ Как океана бешеный поток...»
Никто быстрее не мчался для добычи,
Никто от бед бежать скорей не мог,

¹²⁴ Как бросилась сюда я, Беатриче,
Покинувши приют святых теней,
И одного тебя на помощь клича.

¹²⁷ Ты даром слова в мире всех сильней,
И я в твоих словах ищу опоры...»

^[7] *Дева Всеблагая* – олицетворение милосердия. Не проще ли – что это образ Богоматери, Мадонны? Толкователи Данте даже в лице Беатриче ищут олицетворение богословия, хотя Данте, кажется, просто воссоздавал в ней образ своей первой и единственной любви. Беатриче была источником его еще младенческого вдохновения. Известно, что когда Данте было только девять лет, он полюбил восьмилетнего, прекрасного ребенка – Беатриче Портинари, которая умерла юной. Идеальной любви к Беатриче Данте оставался верен до конца жизни.

^[8] *Лючия* – фантастический образ, по-видимому, олицетворение небесной благодати и сострадания.

Тогда на мне безмолвно, без речей,

¹³⁰ Она в слезах остановила взоры,
И я к тебе на помощь поспешил
Не медля, – мне страшны ее укоры;

¹³³ Волчицу я к тебе не допустил
И на гору открыл тебе дорогу...
Что ж медлишь ты? Иль в сердце не смирил

¹³⁶ Ты робости напрасную тревогу?
Когда три девы в вечных Небесах
За жизнь твою мольбы возносят к Богу,

¹³⁹ Когда во мне, во всех моих словах
Находишь ты привет и поощренье,
Ужель в тебе не утихает страх?»

¹⁴² Как от холодных ветров дуновенья,
От стужи наклоняются цветы
И утром вновь встают в одно мгновенье

¹⁴⁵ Под блеском солнца, полны красоты,
Так точно я от страха вдруг очнулся,
Воскликнув: «Будь благословенна ты,

¹⁴⁸ В чьем состраданье я не обманулся,
Ты, бодрость заронившая мне в грудь,
Когда мой стан от ужаса согнулся...

¹⁵¹ И ты, поэт, благословенным будь,
Исполнив повеленье Девы Рая.
С тобой готов начать я смело путь,

¹⁵⁴ Желаньем трудных подвигов сгорая.
С тобой мне не страшна пучина зол...
Веди ж меня, путей не разбирая...»

¹⁵⁷ Так я сказал и за певцом пошел.

Песня третья

Данте, следуя за Вергилием, достигает дверей Ада, куда оба входят, прочитавши у входа страшные слова. Вергилий, указывая поэту на мучения, которые заслужили трусы, ведет его далее. Они приходят к реке, называемой Ахерон, у которой находят Харона, перевозящего души на другой берег. Когда Данте переехал чрез Ахерон, то он заснул на берегу этой реки.

¹ «За мной – мир слез, страданий и мучений,
За мною – скорбь без грани, без конца,
За мной – мир падших душ и привидений.

⁴ Я – правосудье высшего Творца,
Могущества и мудрости создание,
Творение Небесного Отца,

⁷ Воздвигнутое раньше мироздания.
Передо мной – прошел столетий след,
Удел мой – вечность, вечность наказанья,

¹⁰ За мной ни для кого надежды нет!»
Над входом в Тартар надпись та чернела.
Я страшные слова прочел. «Поэт,

¹³ Смысл этих слов, – воскликнул я несмело, —
Наводит страх!» Вергилий угадал,
Что сердце у меня оледенело.

¹⁶ «Здесь места страху нет, – он отвечал. —
Мы подошли к обители печали
Тех падших душ, – Вергилий продолжал, —

¹⁹ Что на земле безумцами блуждали»^[9].
И мне с улыбкой руку сжал певец;
Я стал бодрей, и вот мы увидали

²² Обитель вечной тайны, наконец,
Где в безрассветном мраке раздавались
Вопль и стенанья из конца в конец;

²⁵ Повсюду стоны, где мы ни являлись,
И я заплакал, выдержать не мог...

^[9] «Что на земле безумцами блуждали». – Т. е. те, которые на земле были поражены безумием. Слово «безумие» в этом месте нужно понимать не в смысле упомошательства, а как общее понятие о людях, здравый смысл которых часто подавляется их страстями.

Мы ближе, – вопли грешников сливались

²⁸ В смесь разных языков, в один поток.
Хулы, проклятья, бешенства визжанье,
Ужасные движенья рук и ног, —

³¹ Все в гул сливалось в общем завыванье.
Так ураган крутит степей пески.
Ревет и губит все, без состраданья.

³⁴ В неведение, исполненный тоски,
Воскликнул я невольно: «О, учитель!
Уже ль грехи теней так велики,

³⁷ Теней, попавших в страшную обитель?
И кто они?» «Ничтожество – они
В толпе людей, – сказал путеводитель. —

⁴⁰ При жизни на земле в иные дни
Жалчайшими их тварями считали.
Им на земле, – кругом себя взгляни, —

⁴³ Хулы иль похвалы не воздавали;
Теперь – они вступили в сонм духов,
Которые Творцу не изменяли,

⁴⁶ Но грех давил их тяжестью оков
И не было в них веры в Провиденье.
Великий Бог их свергнул с облаков,

⁴⁹ Чтоб Небеса не знали оскверненья,
И даже Ад впустить их не хотел:
В Аду гнушалось даже преступленье

⁵² Ничтожеством и мерзостью их дел».
«Какие же назначены им муки?
Какой у них, наставник мой, удел?

⁵⁵ Пронзительны их страшных воплей звуки...»
И отвечал Вергилий: «Лишены
Они надежды; скованы их руки.

⁵⁸ В их настоящем скорби так сильны,
Что худшей доле, большему мученью
Они всегда завидовать должны.

⁶¹ Мир их забыл – и нет конца забвенью:

Их не щадят, но также не казнят,
Приговоривши к вечному презрению.

⁶⁴ Но прочь от них и брось вперед свой взгляд,
Иди теперь за мной неумолимо».
Я сделал шаг, но отступил назад:

⁶⁷ Передо мной промчалось знамя мимо,
Так быстро, словно вихорь уносил
Его вперед, вперед неудержимо.

⁷⁰ За ним летели призраки могил
Несчетной вереницей: страшно было,
Что столько жизней в мире, столько сил

⁷³ Смерть в призраки немые обратила.
Один из них мне словно был знаком:
Известный образ память сохранила.

⁷⁶ Смотрю: да, это точно он, о ком
Народ с презреньем часто отзывался,
Кто, покривя душой и языком,

⁷⁹ Высоким отреченьем запятнался^{10}.
Тут понял я, что этот сонм теней
Собраньем душ отверженных являлся,

⁸² Презренных для врагов и для друзей.
Их жизнь была не жизнь, а прозябанье,
И здесь теперь, при наготы своей,

⁸⁵ Достались эти жалкие создания
На жертву насекомых – мух и ос —
И терпят беспрерывные терзанья.

⁸⁸ По лицам их, мешаясь с током слез,
Струилась кровь и к их ногам стекала,
Где множество червей в крови вилося,

^{10} *Смотрю: да, это точно он, о ком / Народ с презреньем часто отзывался...* – В буквальном переводе: «Вглядываюсь и узнаю в ней того, кто опозорил себя высоким отречением». Это место очень спорное. Некоторые предполагают, что Данте подразумевал Исава, продавшего право первородства (предположение более чем неправдоподобное); другие – Диоклициана, отрекшегося от престола; папу Целестина V, сложившего папскую тиару по проискам кардинала д'Анани, впоследствии папы Бонифация VIII; Торреджиано де Черки, предводителя партии Белых, отказавшегося от начальства над войсками. Учитывая то, с каким ожесточением преследовал Данте в своей поэме папскую власть, скорее всего, речь идет о Целестине V, тем более что отречение этого папы свершилось при жизни поэта. Скандальный характер этого отречения поразил в свое время всю Западную Европу. Говорили, что каждую ночь кардинал д'Анани, искавший папского престола, прятался в храме, где молился папа, и приказывал ему сложить тиару. Целестин повиновался, принимая его слова за голос свыше. Это объяснение, как и многие другие, на которые мы указываем, делает переводчик дантовского «Ада» Фан Дим, комментировавший Данте по древнему словарю «Vocabolario degli Accademici della Crusca».

⁹¹ И эту кровь мгновенно пожирало.
От них я отвернулся. Вдалеке
Немало новых призраков стояло

⁹⁴ На голом берегу, столпясь к реке.
«Учитель, – я спросил, – чьи тени эти,
Что переправы словно ждут в тоске?

⁹⁷ Их вижу я едва при тусклом свете».
«Об этом ты узнаешь, – молвил он, —
Когда, – я побледнел при том ответе, —

¹⁰⁰ Откроется пред нами Ахерон».
Мы дальше шли, и я хранил молчанье,
Пока не увидел со всех сторон

¹⁰³ Большой реки, бежавшей без журчанья.
Вот подплыл к нам седой старик в челне.
«О, горе вам, преступные создания! —

¹⁰⁶ Он закричал Вергилию и мне. —
Надежды все вам нужно здесь оставить,
Вам Неба не увидеть в вышине.

¹⁰⁹ Я здесь, чтобы туда вас переправить,
Где холод вечный царствует и ночь,
Где пламя в состояние все расплавить.

¹¹² А ты, – он мне сказал, – отсюда прочь!
Среди умерших места нет живому».
Не в силах любопытства превозмочь,

¹¹⁵ Не двигался я с места. «По иному
Пути ты поплывешь, – прибавил он, —
И переправит к берегу другому

¹¹⁸ Тебя челн легкий...» «Знай же ты, Харон, —
Ему сказал мой спутник хладнокровный, —
Что ты напрасным гневом возмущен:

¹²¹ Тот, воля чья, закон есть безусловный,
Так повелел, и должен ты молчать».
И смолкнул разом лодочник огромный,

¹²⁴ И перестали бешенством сверкать
Его глаза в их огненных орбитах,

Но призраки, успев слова поймать,

¹²⁷ Проклятьем разразились; в ртах открытых
Их зубы стали громко скрежетать;
В их мертвых лицах, язвами изрытых,

¹³⁰ Явилась бледность. Нагло изрыгать
Они хулы на целый мир пустились,
Творца и предков стали проклинять

¹³³ И самый час, когда они родились.
Потом, с рыданием к берегу скользя,
К ужасной переправе устремились:

¹³⁶ Избегнуть общей кары им нельзя.
Их гнал Харон, глазами вкруг сверкая,
Веслом отставших призраков разя.

¹³⁹ Как в осень листья падают, мелькая,
Пока ветвей совсем не обнажат,
В наряд поблекший землю облекая,

¹⁴² Так тени на пути в глубокий Ад
На зов гребца в ладью его бросались,
Теснились и помещались в ряд.

¹⁴⁵ Едва они через поток помчались,
Как к перевозу страшному опять
Уже другие призраки сбегались.

¹⁴⁸ «Мой сын, – сказал поэт, – ты должен знать,
Что души осужденных прилетают
Отвсюду к Ахерону. Разгадать

¹⁵¹ Они свое грядущее желают,
Спеша переплывать через поток,
И вечно их желанья пожирают

¹⁵⁴ Узнать ту казнь, что ждет их за порок.
Еще никто с душой неразвращенной
Здесь чрез реку переплывать не мог;

¹⁵⁷ Вот почему отверг Харон бессонный
Тебя, мой сын, и гневом запылал,
Твоим явленьем сильно раздраженный».

¹⁶⁰ Поэт умолк, и вдруг я услышал

Ужасный грохот, – почва задрожала...
Холодный пот на теле выступал.

¹⁶³ Над головою буря застонала,
И полосой кровавой в Небесах
Извилистая молния сверкала...

¹⁶⁶ Меня сковал какой-то новый страх,
И я в одну минуту чувств лишился,
Не в силах удержаться на ногах,

¹⁶⁹ И, как во сне, на землю опустился.

Песня четвертая

Поэт вслед за Вергилием спускается в первый круг Ада, где в особой светлой обители находит призраки знаменитых людей древности, которые приветствуют их и продолжают с ними путь. Ряд других знаменитых мужей. Вергилий ведет поэта дальше в Царство мрака.

¹ Раскатом грома был я пробужден
И от его ударов содрогнулся.
Развеялся тяжелый, смутный сон;

⁴ Раскрыв глаза, кругом я оглянулся,
Желая знать, где я, куда попал,
И над зиявшей бездною нагнулся:

⁷ Из бездны гул стенаний долетал
До нашего внимательного слуха, —
Внизу под нами вечный стон стоял,

¹⁰ То грозен был, то замирал он глухо,
Была темна той бездны глубина,
И если вопль мог долетать до уха,

¹³ То глаз не мог увидеть бездны дна,
Хоть напрягал усиленно я зренье.
«Пусть эта пропасть вечная мрачна, —

¹⁶ Сказал поэт и побледнел в мгновенье, —
Мы в этот мрачный мир теперь сойдем;
За мною смело следуй без смущенья».

¹⁹ В лице переменился он. О том
Заметил я: «Уж если ты бледнеешь,
В моих сомненьях ставши мне щитом,

²² Могу ль быть смел, когда ты сам робеешь?»
Он отвечал: «В лице, в моих глазах
Всех чувств моих читать ты не умеешь.

²⁵ Я чувствую теперь не жалкий страх,
Но ощущаю только состраданье
К судьбе теней, томящихся впотьмах,

²⁸ Под безысходной карой наказанья.
Иди за мной. Наш путь еще далек,

Нам медленность не принесет познания...»

³¹ И за собой поэт меня увлек
К ограде первой бездны непроглядной.
Хоть вопль теней к нам долетать не мог,

³⁴ Но самый воздух пропасти той смрадной,
Казалось, словно вздохами стонал:
То было Царство скорби безотрадной,

³⁷ Отчаянья без боли, где блуждал
Сонм призраков – мужчины, жены, дети.
Тогда путеводитель мне сказал:

⁴⁰ «Что же меня не спросишь ты, кто эти
Несчастные? Ты должен все узнать,
Чем были эти призраки на свете,

⁴³ Пока вперед мы не пошли опять.
Так знай: им неизвестно преступленье,
Но недоступна Неба благодать

⁴⁶ Лишь потому, что таинством крещения
Своих грехов омыть им не пришлось, —
Они бродили в вечном заблужденье

⁴⁹ В те дни, когда в мир не сходил Христос.
Их вера до Небес не воспарила.
Я сам в незнание их когда-то рос:

⁵² Неведенье одно нас погубило,
И за него мы все осуждены
На вечное желанье за могилой,

⁵⁵ Надежды, милый сын мой, лишены...»
От этих слов тоска мне сердце сжала:
Страдать все эти призраки должны,

⁵⁸ Хоть их чело величием блистало.
Кто скажет им, что в будущем их ждет?
И я хотел, во что бы то ни стало,

⁶¹ Проникнуть в тайну Неба и вперед
Узнать предел их горького страданья;
И так сказал: «Меня желанье жжет,

⁶⁴ Поэт. Скажи мне: в Царстве наказанья

Ужель никто доныне не умел
Спасенье заслужить и оправданье

⁶⁷ За подвиги и славу прежних дел?
Ужель никто спасти их не решался?»
И отвечал учитель: «Мой удел

⁷⁰ Еще мне нов был здесь, когда спускался
Сюда во мрак Спаситель мира сам
И лаврами победы увенчался.

⁷³ Спасен был им наш праотец Адам,
И Ной, и Моисей – законодатель,
И царь Давид, и старый Авраам,

⁷⁶ Рахиль, – и многих спас тогда Создатель,
И в горние селенья перенес,
Прощая их, Божественный Каратель.

⁷⁹ До той поры до мира вечных слез
Ни разу не коснулось искупленье...»
Мы дальше шли. И скоро нам пришлось

⁸² Переходить пространство. Привиденья,
Как лес густой, являлись впереди,
Неуловимы, точно сновиденья.

⁸⁵ Оставивши вход в бездну назади,
Мерцавший свет во тьме я вдруг заметил,
И сердце шевельнулося в груди.

⁸⁸ Я угадал, что в сумраке был светел
Душ избранных особый уголок.
«Учитель мой! Я жду, чтоб ты ответил

⁹¹ И назвал тех, кому всесильный рок
Дал светлую, особую обитель
И в бездну тьмы с другими не увлек!»

⁹⁴ «Их слава, – отвечал путеводитель, —
Их пережив, живет до поздних дней,
И им за то Небесный Вседержитель

⁹⁷ Отличье дал в обители теней».
И в тот же миг слышали мы слово:
«Привет певцу! Привет его друзей!

¹⁰⁰ В мир призраков он возвратился снова...»
Тут голос стих. Четыре тени шли
Навстречу к нам. Страдания немого,

¹⁰³ Иль светлой, чистой радости земли,
Иль затаенной на сердце печали —
В их лицах прочитать мы не могли.

¹⁰⁶ Тогда слова поэта прозвучали:
«Смотри, с мечом^{11} вот выступил вперед
Певец Омир: царем его считали

¹⁰⁹ Поэзии. Гораций с ним идет,
А вот Лукан с Овидием. Привета,
Такого же привета, как и тот,

¹¹² Что я сейчас услышал от поэта,
Они достойны все...» И я вошел
В собрание певцов великих света,

¹¹⁵ В ту школу, где над всеми, как орел,
Вознесся царь высоких песнопений...
Кружок теней со мною речь завел,

¹¹⁸ Приветствуя мой восходящий гений;
Вергилий тут не мог улыбки скрыть.
Затем, вслед за приветствием видений,

¹²¹ Певцами был я приглашен вступить
В их тесный круг, и был шестым меж ими.
Мы стали меж собою говорить

¹²⁴ В согласии, как братья. Вместе с ними
Я шел туда, где бледный свет мерцал;
И с спутниками, сердцу дорогими,

¹²⁷ Величественный замок увидал,
Кругом семью стенами обнесенный;
Поток реки тот замок обвивал.

¹³⁰ И чрез поток, певцами окруженный,
Я перешел, как через сушу, вдруг;
Чрез семь ворот вступил я, пораженный,

^{11} «Смотри, с мечом...» — Меч здесь — символ войн, воспетых когда-то Омиром.

¹³³ На длинный двор, где цвел зеленый луг.
На том лугу иные тени были:
На лицах их – спокойствие без мук

¹³⁶ И словно думы строгие застыли.
Величие запечатлен их вид;
Они почти совсем не говорили,

¹³⁹ Но мне казалось – голос их звучит,
Как музыка. С холма смотреть мы стали
Кругом себя, – с холма был нам открыт

¹⁴² Весь светлый луг, где призраки блуждали.
На множество прославленных теней
Мне спутники в то время указали

¹⁴⁵ Среди поляны. Видел я на ней
Электру^{12} вместе с многими тенями:
Вот Гектор, всем известный, вот Эней,

¹⁴⁸ Вот Цезарь с ястребиными очами,
С Камиллою^{13} Пентесилея^{14} вот,
Вот царь Латин^{15} с Лавинией пред нами;

¹⁵¹ Вот Брут, а вот Лукреция идет,
Вот призрак одинокий Саладина^{16},
Тень Марции^{17} и Юлии^{18} встает

¹⁵⁴ С Корнелией^{19}; вот новая картина:
Вкруг мудреца^{20} философы сидят,
Ему дивясь и славя воедино;

¹⁵⁷ Сидел Платон, с ним рядом и Сократ.
Вот тени Диогена, Демокрита^{21};
Вот призраки знакомые стоят

^{12} *Электра* – некоторые думают, что Данте говорит об Электре – дочери Атланта и супруге Карита – царя Италии, которая от Юпитера родила царя Дардана, основателя Трои. Другие же признают в этом случае Электру за дочь Агамемнона, известную своими несчастьями и упоминаемую в трагедиях Софокла.

^{13} *Камилла* – дочь Метаба, царя вольсков.

^{14} *Пентесилея* – царица амазонок, убитая Ахиллом при защите Трои.

^{15} *Латин* – царь абorigенов, отец Лавинии, которая была обещана в жены Турну – царю рутулов, но впоследствии вышедшая за Энея, что вызвало войну между Энеем и Турном.

^{16} *Саладин* – султан Египта и Сирии.

^{17} *Марция* – жена Катона Утицкого.

^{18} *Юлия* – дочь Цезаря и жена Помпея.

^{19} *Корнелия* – мать Гракхов.

^{20} *Вкруг мудреца...* – Данте говорит об Аристотеле, учение которого пользовалось в его время большим почетом.

^{21} *Демокрит* – древнегреческий философ, приписывавший создание мира действию одной только случайности.

¹⁶⁰ Фалеса, Эмпедокла, Гераклита.
Вот и Зенон, и он, Диоскорид^{22},
В котором знания много было скрыто;

¹⁶³ Анаксагор и геометр Евклид,
Вот призрак Цицерона и Орфея,
Тит-Ливия, Сенеки; вот скользит

¹⁶⁶ Тень Иппократа с тенью Птолемея;
Вот Галиен, мудрец Аверроэс^{23}...
Не в силах передать теперь вполне я

¹⁶⁹ Всех предо мной являвшихся чудес
И слов не нахожу для выраженья.
Перед мной круг спутников исчез.

¹⁷² Из светлого приюта в то мгновенье
Мой проводник со мной спускаться стал
В зловещий, мрачный мир грехопаденья,

¹⁷⁵ Где даже воздух самый трепетал,
Куда сквозь мрак, который там гнезился,
Луч света никогда не западал.

¹⁷⁸ И в этот мир с поэтом я спустился.

^{22} *Диоскорид* – уроженец Сицилии, известный своим трактатом «О лекарственных веществах».

^{23} *Аверроэс* – родом из Кордовы, был известен как лучший толкователь Аристотеля.

Песня пятая

Вергилий вводит Данте во второй, меньший круг Ада. Они видят свирепого Миноса, творящего суд и расправу с кающимися душами грешников и распределяющего их по разным отделам Ада. Казнь за преступную любовь. Франческа де Полента. Ее рассказ. Поэт лишается чувств и падает.

¹ Круг первый Ада нами был пройден,
И во второй – в круг меньший – мы спускались,
Где жалобней звучали плач и стон

⁴ И муки бесконечнее казались.
Там злобный Минос с скрежетом зубов
Внимал, как тени, плача, признавались

⁷ В своих грехах, и, их казнить готов,
Произносил свой суд неотразимый.
Признания их слушая, без слов,

¹⁰ Своим хвостом, судья неумолимый,
Всегда спешил обвиться столько крат
Вокруг себя, лишь бешенством томимый,

¹³ На сколько ступеней пониже в Ад
Им осужденный призрак повергался,
И тем хвостом, свернувшимся в обхват,

¹⁶ Род казни их всегда определялся.
Пред Миносом, покаявшись в грехах,
Ряд призраков один другим сменялся

¹⁹ И падал в бездну с воплем и в слезах.
Меня увидя, Минос суд ужасный
Остановил с проклятьем на губах:

²² «Зачем ты здесь, скажи, пришлец несчастный?
Здесь мир скорбей и ужаса приют.
Сюда тебе ворота отпрут,

²⁵ Но выйти вон отсюда очень трудно».
«К чему грозишь? – сказал мой проводник. —
Мы не пойдем друг друга обоюдно:

²⁸ Тот, кто своим могуществом велик,
Сойти сюда ему дал позволение.

Впусти ж его и удержи язык».

³¹ И вопли я услышал в отдаленье,
Когда вступил в тот мрачный, адский круг,
Где раздавались стоны исступленья,

³⁴ Где омертвел, казалось, свет вокруг,
Где, словно вечный ропот океана,
Носился гул неутихавших мук;

³⁷ Где адские порывы урагана,
Бичуя и терзая и кружа,
За тенью тень несли среди тумана,

⁴⁰ И души падших грешников, дрожа,
Стеня, хулы на Бога изрыгали.
За чувственность казнь эту заслужа,

⁴³ Как я узнал, те души в Ад попали...
Как стаи птиц в холодный день зимы
В бессилии мнутятся, так летали,

⁴⁶ Вперед и взад метались в Царстве тьмы
Страдальческие тени. В их страданье
Надежды нет; должны смутиться мы —

⁴⁹ Лишенные в грядущем упованья,
Им отдыха в мучениях не знать.
Как в небе журавли в ночном молчанье

⁵² Начнут, порою, жалобно кричать,
Так тени, в общем плаче надрываясь,
Неслись в Аду, не в силах устоять

⁵⁵ В круженье вихря знойного. Теряясь,
Про сонм тех душ поэта я спросил,
Их адскому круженью ужасаясь.

⁵⁸ «Вот первая, — Вергилий говорил, —
Народов многих гордая царица.
Пороком лишь — он ей законом был —

⁶¹ Жила сластолюбивая блудница,
Открыто поощрявшая разврат.
Звалась Семирамидой та срамница.

⁶⁴ Она была, как хроники гласят,

Женою и преемницею Нина,
Владея краем, – край тот был богат,

⁶⁷ Где властвует Судан теперь. Кручина
Другую тень смущает: то жена —
Самоубийца^[24]. Горькая судьбина

⁷⁰ Ее любви печальна и страшна.
Вот призрак Клеопатры сладострастной...»
Затем Елену видел я: она

⁷³ Являлась на земле звездой несчастной;
За нею шли – великий муж Ахилл,
Погибший от любви своей напрасной,

⁷⁶ Парис, Тристан^[25]... Вергилий повторил
Имен людей прославленных немало,
Которых пыл их страсти погубил.

⁷⁹ От сострадания к ним изнемогала
Моя душа, и был я поражен,
Когда близ нас собрание предстало

⁸² Известнейших мужей и славных жен.
И я сказал: «Мне хочется, Вергилий,
Речь повести с четой теней, как сон,

⁸⁵ Скользящей и несущейся без крылий». —
«Пусть ближе налетят они, тогда, —
Сказал поэт, – мы можем без усилий

⁸⁸ Для той беседы вызвать их сюда,
Любовью, их связавшей, заклиная». —
Вот дунул ветер. Как облаков гряда

⁹¹ Несется, воли собственной не зная,
Приблизились к нам тени. Оживясь,
Воскликнул я, к себе их призывая:

⁹⁴ «О, страждущие тени! Если нас
Беседой подарить вы в состоянье,
Поговорите с нами!» Как подчас,

^[24] «То жена-самоубийца». – Речь идет о Дидоне, изменившей памяти своего первого мужа Сихея и вышедшей замуж за Энея. Брошенная Энеем, Дидона лишила себя жизни.

^[25] *Тристан* – племянник Марко, короля Корнваллийского, первый из рыцарей Круглого стола двора короля Артура. Он любил Изольду, супругу Марко, который, уличив попавшихся любовников, умертвил Тристана.

⁹⁷ При радостном, веселом воркованье
К родимым гнездам голуби летят,
Так при моем невольном восклицанье

¹⁰⁰ Чета теней, сквозь общий вихрь и смрад,
Толпу тех душ покинув, где стояла
Несчастливая Дидона, – тихо, в ряд,

¹⁰³ Порхнула к нам. Одна из них сказала:
«Ты, ради нас сошедший в эту тьму,
Ты, чья душа к нам жалость испытала,

¹⁰⁶ Хотя преступны все мы, – твоему
Величию не можем не дивиться,
И если бы, в грехах своих, Ему,

¹⁰⁹ Творцу миров, мы смели помолиться,
Просили б мы, чтоб мир и благодать
На голову твою могли спуститься

¹¹² За то, что нам ты можешь сострадать.
О, говори – тебя мы слушать станем,
Расспрашивай – мы станем отвечать,

¹¹⁵ Пока в пучину бездны вновь не канем...
Мой край родной – на берегу морском,
Где волны По бегут, подобно ланям,

¹¹⁸ Теряясь в океане голубом.
Любовь, души прекрасная подруга,
В груди Паоло вспыхнула огнем.

¹²¹ Он был пленен той красотой юга,
Которая была во мне и вдруг
Исчезла от жестокости супруга.

¹²⁴ Любовь – призыв души, как сладкий звук,
Откликнулась в душе моей любовью,
Которая не убоялась мук,

¹²⁷ Не умерла, хоть истекала кровью.
Любовь нас к ранней смерти привела, —
Но казнь – братоубийце! К изголовью

¹³⁰ Его, так много сделавшего зла,

Должны спуститься адские страдания...»^{26}
Умолкла тень. Не поднимал чела

¹³³ Я, слушая ее повествование,
И долго пересилить не умел
Невольного, глубокого молчанья.

¹³⁶ «Куда с своей ты думой залетел?» —
Спросил поэт. «О, сколько наслаждений?
И чудных грез им посулил удел,

¹³⁹ Но вместо них дал вечный гнет мучений!» —
Воскликнул я и тени молвил вновь:
«Франческа, ты несчастней всех видений!

¹⁴² Волнует сострадание мне кровь...
Поведай же: когда ты угадала
В себе свою неясную любовь

¹⁴⁵ И чувство непонятное узнала?»
Франческа мне дала такой ответ:
«Воспоминания язвят меня, как жало!..

¹⁴⁸ Ужасней и сильнее скорби нет —
О днях блаженства вспомнить в дни печали;
О том тебе расскажет твой поэт,

¹⁵¹ С тобой идущий. Если о начале
Моей любви ты хочешь правду знать,
Так слушай же, как мы любовь узнали:

¹⁵⁴ Рассказ мой слезы будут дополнять...
Однажды Ланчелота^{27} приключенья
Мы с любопытством начали читать,

¹⁵⁷ Где он любви испытывал волненья.
Чувств собственных не ведая тогда,
Одни мы оставались в те мгновенья.

¹⁶⁰ От книги отрываясь иногда,
Бледнели мы, и чтение забывалось;

^{26} «Ты, ради нас сошедший в эту тьму...» — Так говорит у Данте прекрасная Франческа, дочь Гвидо да Полента, владельца Равенны. Насильно обвенчанная с Джанчиотто, старшим сыном Малатесты, владельца Римини, она любила его младшего брата Паоло. Джанчиотто был безобразен, хром, зол и скуп; Паоло же был прекрасен, добр, щедр и страстно любил Франческу. Ревнивый муж узнал о любви своей жены к Паоло и умертвил их обоих.

^{27} *Ланчелот* — рыцарь, прославленный в романах Круглого стола. Он любил королеву Жиневру, и она отвечала ему взаимностью.

Мы трепетали вместе, но когда

¹⁶³ Одна страница в книге нам попалась,
Решилась вдруг судьба обоих нас:
Читали мы, как сладко улыбалась

¹⁶⁶ Влюбленная красавица в тот час,
Когда любовник пламенный и страстный
Поцеловал в уста ее. Зардясь,

¹⁶⁹ Тогда и он, Паоло мой прекрасный,
Трепещущий, прильнул к моим устам.
И книга та, как Галеот^{28} опасный,

¹⁷² Служила искушеньем сладким нам.
В тот день мы уже больше не читали». Умолкла тень. Внимая тем словам,

¹⁷⁵ Другая тень, не в силах скрыть печали,
Заплакала так горько, что терял
Сознание я... мне силы изменяли,

¹⁷⁸ И я, как труп безжизненный, упал.

^{28} *Галеот* – был наперсником и помощником в любви Ланчелота и королевы Жиневры. Франческа называет Галеота искусителем потому, что с его помощью Ланчелот в первый раз решился поцеловать любимую королеву.

Песня шестая

Поэт вслед за своим путеводителем спускается в третий круг Ада, где Вергилий умиряет адского Цербера. Сластолюбцы и обжоры. Признание призрака Чиакко и его речь о будущей судьбе Флоренции. Грешники, ожидающие дня Страшного суда, и их слабая и смутная надежда на прощение.

¹ Когда опять от тяжкого забвенья
Очнулся я, о муках душ скорбя,
Лишившись чувств своих из сожаленья,

⁴ Я снова увидал вокруг себя
Ряд призраков и новых мук картины.
То был круг третий Ада, где, губя

⁷ Все встречное, струился дождь на льдины;
Проклятый, страшный дождь, и крупный град,
И грязный снег слетали на вершины

¹⁰ Угрюмых скал. Зловоние и смрад...
Там Цербер отвратительно ужасный,
С тройною пастью, лаял, дикий взгляд

¹³ Бросая вкруг, и с жалобой напрасной
Тонули тени, вспугнутые им.
Цвет грозных глаз его – кроваво-красный.

¹⁶ Он отличался бешенством своим,
Когтями лап и безобразным чревом.
Неутомимой злобой одержим,

¹⁹ Он грешников царапал с адским гневом
И на клочки их кожу разрывал...
О, грешники! Достались муки все вам!

²² Пронзительный их дождик бичевал;
Они, как псы, уныло завывали...
То грудь, то спину призрак укрывал,

²⁵ Где гнойных язв следы не заживали,
То беспрерывно двигался, кружась,
Чтоб хоть движенья муку облегчали.

²⁸ Едва заметил только Цербер нас,
Как у него раскрылась пасть тройная,

Сверкнул огонь его кровавых глаз,

³¹ И задрожал от злобы он, не зная,
Кто нас привел, как мы сюда зашли.
Тогда рукой горсть праха поднимая,

³⁴ В пасть гадины мой спутник ком земли
Швырнул без слов. Как по добыче вывший
Смолкает жадный пес, когда в пыли

³⁷ Тербит тихо жертву, так, открывший
Тройную пасть, умолкнул Цербер вдруг,
Чудовищные челюсти смеживший.

⁴⁰ Рев, в трепет повергавший все вокруг,
В минуту стих. Мы дальше подвигались,
Стонали всюду призраки от мук

⁴³ И нашими ногами попирались,
Склонясь к земле от адского дождя.
Все тени распростертыми казались,

⁴⁶ Когда я шел близ мудрого вождя;
Лишь только тень одна с земли привстала,
За нами очень пристально следя.

⁴⁹ «О, ты, сошедший в Ад, — она сказала, —
Узнай меня, коль это можешь ты.
Ты был рожден, когда еще не знала

⁵² Я этих адских мук». «Твои черты, —
Я отвечал, — быть может, изменились
Среди страданий вечной темноты

⁵⁵ И так под адским ливнем исказились,
Что мне тебя припомнить средства нет.
Кто ты? Иль Небеса так возмутились

⁵⁸ Твоим грехом, что ты покинул свет
Для этих отвратительных страданий?»
«В том городе, — мне тень дала ответ, —

⁶¹ Где много так завистливых созданий,
Я был, как ты, на этот свет рожден.
И жил, не зная тяжких испытаний,

⁶⁴ Мой грязный грех — обжорство, бог мамон.

Известен я под именем Чиакко^{29}
И за порок обжорства осужден

⁶⁷ Томиться под дождем в жилище мрака.
На эту казнь, за тот же самый грех
Не я один здесь осужден, однако:

⁷⁰ Приговорили к казни этой всех
Отверженных, что вокруг меня теснятся». —
И после слов и после жалоб тех

⁷³ Умолкла тень. «Чиакко, удержаться
Нельзя от слез, — я вновь проговорил, —
Твои страдания видя... Может стать,

⁷⁶ Ты будущность Флоренции открыл:
Скажи, что с этим городом случится?
Иль нет людей там праведных? Иль пыл,

⁷⁹ Пыл мятежей в нем ввек не прекратится?»
И призрак отвечал мне: «Вновь и вновь
Мятеж за мятежом там разразится,

⁸² И долго будет литься граждан кровь.
Сперва Лесные^{30} сделают восстание,
С насилием изгнав своих врагов;

⁸⁵ Продолжится три года ликованье, —
Потом падут Лесные, наконец,
И гордость Черных, после испытанья,

⁸⁸ Поднимет, ими вызванный, пришлец^{31}.
И долго над врагом своим кичиться
Там станет победитель, как боец,

⁹¹ Который угнетенья не стыдится.
Два праведника только там живут^{32},
Но их народ не знает, не боится.

^{29} Чиакко – на флорентийском наречии значит «свинья». Неизвестно, кого из своих сограждан Данте заклеил этим названием в своей поэме.

^{30} Лесные – т. е. партия Белых, к которой принадлежал сам Данте. Эта партия называлась Лесной потому, что ее предводитель Вieri де Черки был уроженцем лесистой провинции Вальди-Ниеволе.

^{31} «И гордость Черных, после испытанья, / Поднимет, ими вызванный, пришлец». – Здесь речь идет о Карле Валуа, прозванном Безземельным, брате Филиппа Прекрасного, короля французского. Карл Валуа, по просьбе партии Черных и по приглашению папы Бонифация VIII, под личиной миротворца явился во Флоренцию, откуда скоро изгнал партию Белых и возвысил вражескую ей партию Черных.

^{32} «Два праведника только там живут...» – Полагают, что двумя праведниками Данте называет самого себя и своего друга Гвидо Кавальканти.

⁹⁴ Три страшных искры сердце граждан жгут:
Гордыня, зависть и любостяжанье».
Он замолчал, но я заметил тут:

⁹⁷ «Тень бедная, прерви свое молчанье
И отвечай, хоть речь тебе тяжка:
Где Фарината? Местопребыванье

¹⁰⁰ Где Рустикуччи, Арриго, Моска,
Тегьяйо^{33}? В мире добрыми делами
Они известны были. Иль горька

¹⁰³ В Аду их участь, или Небесами
Дарована теперь им благодать
И мир овладевает их сердцами?

¹⁰⁶ Так где ж они? И как мне их узнать?»
Чиакко мне сказал: «Искать их надо
Не в Небесах, – там их не отыскать, —

¹⁰⁹ Но ниже, в глубине подземной Ада, —
Ты встретишь их, когда сойдешь туда,
В числе теней: прощенье и пощада

¹¹² Им неизвестны будут никогда.
Прошу тебя: из этих мест унылых,
Когда вернешься к людям ты, тогда

¹¹⁵ Им обо мне напomini... Я не в силах
Вновь говорить. Дождь жжет сильней огня...»
Его глаза, – темно в них, как в могилах, —

¹¹⁸ Перекосились вдруг; он на меня
Взглянул и снова низко опустился
В среду слепцов^{34}, чело свое склоня.

¹²¹ «Пока, трубя, архангел не явился,
Пока Судья Небесный не сойдет», —
Сказал поэт, – и сильно я смутился:

¹²⁴ «Казня теней, дождь адский не пройдет.

^{33} «Где Фарината? Местопребывание / Где Рустикуччи, Арриго, Моска, Тегьяйо...» – перечисляются имена знатных флорентийцев.

^{34} *Ненова низко опустился / В среду слепцов...* – «Слепцами» Данте, по-видимому, называет всех ослепленных безумием и сошедших с пути добродетели.

А в Судный день все тени возвратятся
В свои могилы; быстро в свой черед

¹²⁷ В свой прежний образ, в плоть преобразятся
И будут ждать последнего Суда».
Вперед мы стали тихо подвигаться

¹³⁰ По мрачному пространству, и тогда
Смесь грязи и Теней мы увидали;
Про Страшный суд в грядущие года

¹³³ Мы по дороге тихо толковали.
«Учитель! – между прочим я спросил, —
Усилятся ль их муки и печали,

¹³⁶ Иль ослабеют кары адских сил,
Когда суда последний день настанет?»
«Знай, смертный, – спутник мой проговорил, —

¹³⁹ Чем ближе к совершенству каждый станет,
Тем ближе для него добро и зло.
Хоть эту сволочь адскую не тянет

¹⁴² Достичь до совершенства, – не могло
Родиться в них подобное стремление, —
Но осеняет грешников чело

¹⁴⁵ Надежда, и пощады и прощенья
Все ждут они в день Страшного суда».
Мы шли. Не передам я в песнопенье

¹⁴⁸ Всего, что говорили мы тогда.
Но вот у спуска Плутуса^{35} нашли мы,
Который был врагом людей всегда:

¹⁵¹ Для Плутуса все люди нестерпимы.

^{35} *Плутус* – бог богатства, и поэт делает его владыкой того круга, где заключены скупцы и расточители. Плутуса не нужно путать с мифологическим богом Ада – Плутоном.

Песня седьмая

Путники спускаются в четвертый круг Ада, где у входа встречают Плутуса. Вергилий его умиряет, и он падает ниц. Круг, где страдают скупцы и расточители, раскрывается перед путниками. Рассуждение Вергилия о фортуне. Он ведет Данте в другой круг Ада, где тени караются за зверство.

¹ «Papé Satán, papé Satán, aleppe!»^{36} —

Так грозно адский Плутус зарычал,
Встречая криком нас в своем вертепе.

⁴ Но мне певец всеведущий сказал:

«Не бойся неожиданной преграды...
Вредить он нам не может... Прочь, шакал!»

⁷ Он говорил, остановивши взгляды

На демоне: «Молчи и пожирай
Ты сам себя от бешеной досады:

¹⁰ Спуститься должен смертный в адский край,

Куда идет по воле Провиденья...
Молчи и злобой внутренней сгорай...»

¹³ Как мачта корабельная в крушение,

В морскую бездну с парусом летит,
Повергнута, изломана в мгновенье,

¹⁶ Пал Плутус ниц, приняв покорный вид,

А мы все глубже в тартар углублялись,
В вертеп, который грешникам открыт,

¹⁹ Которым все пороки поглощались.

О, Боже мой! Могу ль я передать
Ряд новых мук, что предо мной являлись?

²² Ужель за грех так можно пострадать?

Как меж собой сшибаются в смятенье
Харибды волны с ревом, чтоб опять

²⁵ Бежать назад, так в вечном исступленье

Должны сшибаться тени меж собой.

^{36} «Papé Satán, papé Satán, aleppe!» – Стих этот подвергался разным толкованиям. Все комментаторы, однако, соглашались, что слова этого стиха не принадлежат ни одному европейскому наречию. По толкованию римского ориенталиста Ланчи, приведенный стих состоит из еврейских слов, которые можно перевести на русский язык следующим образом: «Восстань, сатана, восстань в своем блеске, Царь тьмы».

Их много здесь, кричащих в озлобленье.

²⁸ Двойной толпой они вступают в бой
И, тяжести огромные бросая
Друг в друга, поднимают дикий вой,

³¹ С упреками такими отступая:
«Что бросил ты?» «А ты что не бросал?»
И, двигаясь и вновь в борьбу вступая,

³⁴ Ревут, бегут, как моря грозный шквал,
И снова отступают и мнутятся,
И снова бой... Скорбеть о них я стал,

³⁷ Успела жалость в сердце шевельнуться.
«О, кто они? Поведай мне, поэт!
Вон там, левей, – иль мог я обмануться?..

⁴⁰ Толпа духовных лиц... Сомненья нет:
На них я вижу знаки постриженья». —
«Знай, все они, – мудрец мне дал ответ, —

⁴³ Свой разум довели до ослепленья,
И грех их – расточительность. Взгляни
На их толпу, на шумное движенье:

⁴⁶ Здесь гранью полукруга все они
Отделены от области другого
Греха. Ты угадал – в иные дни

⁴⁹ Тех призраков, чьи головы сурово
Обнажены, – монахами мир звал.
Здесь можешь встретить папу ты иного,

⁵² Здесь не один погибший кардинал». —
«Но как же между ними, мой учитель,
Знакомых лиц пока я не узнал,

⁵⁵ Которых грех смутил, как искуситель?»
«Напрасно разглядеть их хочешь ты, —
Мне отвечал тогда путеводитель, —

⁵⁸ Грехи так исказили их черты,
Что лиц их распознать нам невозможно;
И вечно в этом Царстве темноты

⁶¹ Сшибаться будут призраки тревожно,

Пока день воскресенья не придет.
Тогда они восстанут осторожно

⁶⁴ Из тьмы могил, иные сжавши рот
И с сжатою рукою, а другие
Лишенные волос своих. Как мот,

⁶⁷ Так и скупец, все блага дорогие,
Все радости земного существа
Теряют навсегда. Грехи такие,

⁷⁰ Как скупость и безумье мотовства,
Приводят к мукам вечного боренья
Без отдыха, без криков торжества.

⁷³ Так гибельны фортуны искушенья,
Хотя за них людской безумный род,
Не ведая в раздорах пресыщенья,

⁷⁶ Терзается и много крови льет.
Все золото, и все богатство света
Людей не избавляют от забот

⁷⁹ И не внесут покой в жилище это,
Где мук неотразим жестокий гнет». —
«Но объясни, — я спрашивал поэта, —

⁸² О, кто она, смущавшая народ,
Богиня, что Фортуною зовется?
Всех благ земных и всех земных щедрот

⁸⁵ Из рук ее источник вечный льется». —
«Безумцы! Ваш рассудок омрачен,
Вам в заблужденье правда не дается», —

⁸⁸ Сказал мудрец и продолжал так он:
«Так слушай же ты истинное слово:
Мир видимый едва был сотворен,

⁹¹ Как власть уж для него была готова,
Чтоб в мире свет равно распределять,
И эта власть, как сам закон, сурова.

⁹⁴ Над благами земными наблюдать
Другая власть поставлена; власть эту
Фортуною привыкли люди звать;

⁹⁷ Богатства и сокровища по свету
Дарит и отнимает вкруг она,
Переходя от холода к привету,

¹⁰⁰ Любя то те, то эти племена
Иль возвышать, иль в грязь топтать бесстрастно.
Фортуны той над миром власть сильна,

¹⁰³ Сопротивляться стали б ей напрасно.
Вот почему, порой, иной народ
В падении страдает ежечасно,

¹⁰⁶ Другой же процветает и живет
В довольстве, не смущаемый бедами:
Фортуна всех незримо стережет,

¹⁰⁹ Как лютый змей, сокрытый под цветами.
Ей ум людской – пути не преградит,
И, властвуя над нашими умами,

¹¹² Она провидит все, она царит
В пределах власти, данной ей. Преграды
Ни в чем ей нет. Вперед она спешит,

¹¹⁵ Как будто ждет там, впереди – награды.
Вот вечная фортуна какова.
Ее хулить нередко люди рады,

¹¹⁸ Ей вслед бросая гневные слова,
Хоть к ней питать должны благоговенье.
Она же под лучами Божества,

¹²¹ Не замечая общего хуленья,
Живет среди созданий неземных,
Рожденных в первый день миротворенья,

¹²⁴ Блаженствует средь радостей иных,
И катит шар свой... Далее иди же
К другим теням, чтоб видеть муки их,

¹²⁷ Которые ужаснее, чем ближе.
Все звезды, освещавшие восток,
Склоняются на западе все ниже.

¹³⁰ Иди скорей! Нам дан недолгий срок».
И мы границу круга миновали;
Пред нами встал кипящийся поток.

¹³³ Бесцветные и мутные бежали
Потока волны; далее ручьем
Они в болоте гнусном пропадали;

¹³⁵ Болото это Стиксом мы зовем.
И по пути неровному к нему-то
Мы подошли. Бросая взгляд кругом,

¹³⁹ Увидел я, – ужасная минута! —
Толпы нагих и бешеных теней,
В зловонии болота вывших люто.

¹⁴² Они кусались с яростью зверей,
В клочки одна другую разрывали
Зубами и при помощи когтей.

¹⁴⁵ «Они за зверский нрав свой пострадали, —
Сказал певец. – В воде и над водой,
Куда бы взгляды мы ни обращали,

¹⁴⁸ Они томятся вечною чредой».
И в тине голоса их раздавались:
«На свете, в блеске жизни молодой,

¹⁵¹ Мы преступленьем только упивались;
От копоты душа у нас черна,
И за порок в болота мы попались».

¹⁵⁴ Их жалоба была едва слышна,
Немел язык в их огненной гортани...
Дорогой, что была едва видна,

¹⁵⁷ По берегу скользили мы в тумане,
Большую часть болота обошли
И, наконец, в виду зловещей грани,

¹⁶⁰ К подножью страшной башни подошли...

Песня восьмая

Пятый круг Ада. Флегиас перевозит чрез болото Стикса Вергилия и Данте. Отвратительные мучения Филиппа Ардженти. Путники приближаются к адскому укреплению Дитэ, где адская стража демонов преграждает им вход в проклятый город.

¹ Когда к стенам мы башни приближались,
То видели еще издалика,
Что на ее вершине загорались,

⁴ Как звездочки средь тьмы, два огонька,
И, по условью точно, засверкали
Такие же два яркие значка

⁷ На дальней башне. Путь мы продолжали.
И я сказал: «В всеведение глубок,
Как море, ты. Зачем же запылала

¹⁰ Те огоньки? Скажи, кто их зажег?
Что означают огненные знаки?»
Поэт ответил: «Если бы ты мог

¹³ Поверхность вод распознавать во мраке,
То знал бы сам, что впереди нас ждет...»
Неуловимы молнии зигзаги,

¹⁶ Неуловим и быстр стрелы полет,
Но тот челнок, что нам навстречу мчался,
Скользя под испареньями болот,

¹⁹ Быстрее стрелы и молнии казался.
Один гребец сидел в нем и кричал:
«Преступный дух! Ты наконец попался!

²² Ты уже здесь!» Мой спутник отвечал:
«О, Флегиас^{37}! Ты сердишься напрасно!
Язык твоих угроз бессилен стал:

²⁵ Пока ты можешь только безопасно
Перевезти через болото нас».
Как человек, которому ужасно

^{37} Флегиас – царь лапитов, отец Корониды, обольщенной Аполлоном. В отищение он сжег Дельфийский храм, за что был убит Аполлоном и свержен им в Ад. В личности Флегиаса Данте олицетворяет бешенство и неукротимый гнев.

²⁸ Скрывать бессильный гнев, так Флегиас
Умолкнут вдруг. Учитель в челн спустился,
Я вслед за ним, и челн на этот раз

³¹ Гораздо глубже в волны погрузился.
Когда по темной, мертвой глубине
Летели мы, вдруг грешник появился,

³⁴ Весь тиною покрыт, и молвил мне:
«Скажи, кто ты? Зачем ты раньше срока
Блуждаешь в этой адской тишине?»

³⁷ Я отвечал: «То время недалёко,
Когда могу отсюда я уйти.
Но кто ты сам, скажи мне, так жестоко

⁴⁰ Истерзанный? Кто ты?» «В своем пути
На вечный, вечный плач осуждена я», —
Сказала тень. «Лети же ты, лети,

⁴³ Проклятый дух, спокойствия не зная!
Рыдания и скорби – твой удел.
Твое лицо в грязи распознавая,

⁴⁶ Тебя теперь припомнить я успел», —
Ответил я... Тут грешник обе руки
Простер к челну, как будто бы хотел

⁴⁹ В нем отдохнуть от нестерпимой муки,
Но спутник мой столкнул его назад:
«Иди ты прочь, туда, где слышны звуки

⁵² Проклятий псов, как ты, попавших в Ад».
Затем поэт, меня обняв, как брата,
Поцеловал и молвил: «О, стократ

⁵⁵ Блаженна мать, носившая когда-то
Тебя во чреве! Чистая душа,
Себя ты уберег среди разврата.

⁵⁸ Знай: эта тень^{38}, всю жизнь свою греша,
Всех презирала в собственной гордыне,
Лишь злобой постоянно дыша.

^{38} «Знай: эта тень...» – Речь идет о Филиппе Ардженти, богатом и знатном флорентийце, известном своим бешеным нравом.

⁶¹ Беснуется и здесь она доныне.
И много гордых некогда владык
В зловонье этой мерзостной пустыни,

⁶⁴ Здесь пресмыкаться будут каждый миг,
Как свиньи, в мире общее презренье
Оставив за собою. Их постиг

⁶⁷ Стыд и позор». «Могу ль без затрудненья,
Учитель, – я сказал, – теперь взглянуть,
Как будет это жалкое творенье

⁷⁰ В грязи и тине медленно тонуть?..»
И мне ответил мудрый мой учитель:
«Еще в ладье мы не окончим путь,

⁷³ Увидишь ты, как флорентийский житель
Казним в Аду...» И видел я вблизи,
Как грешника карает Вечный Мститель.

⁷⁶ Его давили призраки в грязи;
«Филипп Ардженти! – все они кричали. —
Вот он! Сюда! Дави его, рази!»

⁷⁹ И призрак флорентинца окружали,
А он с себя зубами тело рвал...
За эту казнь, не чувствуя печали,

⁸² Я Небеса тогда благословлял.
Тут мы его оставили... Стенанья
Вдруг поразили слух мой, и сказал

⁸⁵ Вергилий мне: «Ты обрати вниманье
На этот город: Дис^[39] его зовут.
Преступники в нем терпят наказанья,

⁸⁸ В Аду их духи мрака стерегут».
«Учитель, – я воскликнул, – на поляне,
Мне кажется, я вижу, как встают

⁹¹ В багровом, в ярко-огненном тумане
Вершины башен». «Да, – сказал поэт, —
Горит огонь в них вечный, – знай заране,

^[39] *Дис* – название города Дитэ объясняют словом «Дис» – так греки и римляне называли Плутона.

⁹⁴ Что он стенам дает багровый цвет.
Печальный град был рвами опоясан,
Где челн наш оставлял чуть видный след;

⁹⁷ Ряд стен был из железа, и для нас он
Казался неприступным. Наконец
Мы к берегу пристали. В этот час он

¹⁰⁰ Пустыней был. Тут закричал гребец:
«Здесь вход. Идите!» И над воротами
Увидел я, бледнея, как мертвец,

¹⁰³ Сонм демонов в тьму бездны Небесами
Низвергнутый. Их крик достиг до нас:
«Кто в Царстве мертвых бродит между нами?

¹⁰⁶ Для вас еще не пробил смертный час!...»
Мой спутник подал знак им, что желает
Им молвить слово втайне, и, смутясь,

¹⁰⁹ Они смирили гнев свой. Восклицает
Один из них: «Лишь ты к нам подойди,
А смертный, что с тобой в наш Ад вступает,

¹¹² Пускай уйдет и путь свой назад
Переследит без страха, если может,
Тебя оставив здесь!...» В моей груди

¹¹⁵ Проснулся ужас: кто теперь поможет
Мне выбраться когда-нибудь назад?
Кто мне в пути преграды уничтожит?

¹¹⁸ «Наставник мой! Семь раз, спускаясь в Ад,
Избавил от опасности меня ты
И бодро вел сквозь этот адский смрад.

¹²¹ Не оставляй меня ты в тьме проклятой! —
В отчаянии так я восклицал. —
И если впереди нас ждут утраты

¹²⁴ И путь в Аду нам недоступным стал,
То поскорей вернемся мы обратно». —
Но мой путеводитель отвечал:

¹²⁷ «Не бойся, говорю неоднократно,
Никто дороги нам не заградит:
Над нами Тот, чья сила необъятна.

¹³⁰ Здесь жди меня; пусть страх не шевелит
Твоей души; тебя я не покину
В крошечной тьме. Прими спокойный вид».

¹³³ Так нежно говорил он, словно сыну,
И удалился. В страхе и смущен
Остался я и ужаса причину

¹³⁶ Напрасно позабыть хотел. Но он,
Учитель мой, недолго был с бесами.
Что говорил он с ними – посвящен

¹³⁹ Я в это не был, только перед нами
Метаться стали демоны, закрыв
Ворота башни. Тихими шагами

¹⁴² Поэт вернулся, голову склонив.
В его лице заметил я смущенье;
Вздыхнул он, тихо слово проронив:

¹⁴⁵ «Кто вход мне преграждает?» В заключение
Он мне сказал одно: «Да не смутит
Тебя мое невольное волнение.

¹⁴⁸ Пусть нам сонм этих демонов грозит,
Но все ж они должны мне покориться.
Высокомерье их – не ново. Стыд

¹⁵¹ Их поражение должен совершиться,
Как некогда, у первых адских врат,
Где думали преградою явиться

¹⁵⁴ Те демоны; но вход в подземный Ад
Остался без затворов^[40]. Там, у входа,
Заметил надпись страшную твой взгляд.

¹⁵⁷ Но знай, мой сын: в глубь этого прохода
Спускается один сюда с высот
Защитник человеческого рода,

¹⁶⁰ Сюда грядет могучий ангел тот,
Перед которым бесы содрогнутся
И двери недоступных нам ворот

^[40] «Но вход в подземный Ад / Остался без затворов». – Здесь поэт говорит о первых вратах Ада, сокрушенных Спасителем при сошествии его в Ад и оставшихся с тех пор незапертыми.

¹⁶³ Покорно перед нами распахнутся».

Песня девятая

Три адские фурии грозят, что они обратят в камни обоих странников. Сосшествие ангела, который прикосновением своего жезла отворяет врата неприступного города. Демоны разбегаются. Шестой круг Ада, где находятся язычники.

¹ Мое лицо в минуту бледно стало,
Когда певец приблизился ко мне,
Но вдруг его смущение пропало, —

⁴ Он скрыл его в сердечной глубине;
Прислушиваясь, он остановился:
Мрак был так густ в той адской стороне,

⁷ Что зоркий взгляд, куда б ни обратился,
Не мог проникнуть тьмы. «Мы победим!
Мы победим, лишь он бы к нам явился. —

¹⁰ Сказал мудрец. — Приди же, херувим!»
Я понимал, что странными словами
Меня он успокаивал; томим,

¹³ Однако, страхом, этими речами
От робости я не избавлен был
И спросил, чуть шевеля губами:

¹⁶ «В глубь этой бездны кто-нибудь сходил
От самой первой той ограды Ада,
Где нет надежды?» Так я говорил,

¹⁹ И отвечал учитель: «Правду надо
Тебе сказать: еще никто почти
Не достигал до пламенного града,

²² Не шел сюда по нашему пути.
Но некогда в ту бездну я спускался,
Куда меня заставила сойти

²⁵ Жестокая Эрикта^{41}. Покорялся
Ей дух людей умерших и порой
В земное тело снова облекался.

^{41} Эрикта – фессалийская волшебница. О ней упоминает поэт Лукан в своей поэме.

²⁸ Лежал недолго сам я под землей,
Лишась души, когда мне повелела
Сама Эрикта, жезл поднявши свой,

³¹ Спуститься в адский круг той бездны смело,
Чтобы одну из падших душ спасти.
Круг этот глубже всех; отяготела

³⁴ Ночь вечная над ним, но ты идти
Со мной без страха должен. Вот болото
Зловонное пред нами на пути,

³⁷ Весь город охватившее: в него-то
Без боя невозможно нам шагнуть». —
Еще он говорить мне начал что-то,

⁴⁰ Но головы не мог отвернуть
От башни, мрачным светом озаренной.
Трех фурий я увидел: фурий грудь

⁴³ Сочилась кровью; стан их обнаженный
Был гидрами зелеными обвит;
До плеч с их головы окровавленной

⁴⁶ Спадали змеи. Фурий этих вид
Напоминал вид женщин. Были это
«Царицы плача»^{42} спутницы. «Горит

⁴⁹ Их взгляд огнем (так слушал мудреца я);
Эриннами их гнусными зовут.
Вон та, что среди их стоит, рыдая, —

⁵² Алекто; с ней Мегера рядом тут,
А третья по прозванью Тизифона...»
Поэт умолк. Ужасных тех минут

⁵⁵ Мне не забыть. Они слились в три стона
И грудь свою ногтями стали рвать.
Я трепетал. «Сюда, сюда, Горгона^{43}! —

⁵⁸ Так начали те Фурии кричать. —
Мы в камень превратим его! Не мы ли,
Когда Тезей нас вздумал испугать,

^{42} «Царица плача» — Прозерпина, жена Плутона.

^{43} Горгона Медуза — чудовище с женским лицом и змеями вместо волос. Ее голова, отсеченная по приказанию богини Паллады, сохранила силу превращать в камни всех осмеливающихся взглянуть на нее.

⁶¹ Ему за нападение отомстили^{44}?»
«Закрой лицо свое и отвернись,
Иначе здесь погиб ты, как в могиле;

⁶⁴ Лицо Горгоны видеть берегись,
Когда из Ада хочешь возвратиться...»
Так, голову мне наклонивши вниз,

⁶⁷ Сказал поэт. Боялся положиться
Он на меня, и собственной рукой
Закрыв мои глаза... Кто умудрится

⁷⁰ Постичь умом – ужасный смысл какой
Таится в этих строчках?.. Гул жестокий
Стоял над мутной, мертвою рекой

⁷³ И повергал невольно в страх глубокий.
Два берега дрожать он заставлял.
Так ураган среди пустынь Востока

⁷⁶ Под знойным небом часто налетал
На темный лес, все на пути ломая,
И мял цветы и с корнем вырывал

⁷⁹ Могучий дуб, столб пыли поднимая,
И гнал зверей и мирных пастухов...
Затем поэт, глядеть мне разрешая,

⁸² Сказал: «Смотри на пену тех валов,
Где гуще водяные испаренья,
Принявшие вид мутных облаков».

⁸⁵ Как бегают у берега в смятенье
Лягушки, увидавшие ужа,
И, роясь в тине, ищут в ней спасенья,

⁸⁸ Так легионы призраков, дрожа
От ужаса, вдруг бросились толпами
Бежать, худые члены обнажа,

⁹¹ От призрака. Он тихими стопами
Чрез Стикс, как через сушу, проходил;
Он воздух отведал перед глазами

^{44} «Не мы ли, / Когда Тезей нас вздумал испугать...» – Когда Тезей сходил в Ад для похищения Прозерпины.

⁹⁴ Своей рукой: так зноен воздух был,
И тем движеньем словно утомлялся.
Когда на нем я взгляд остановил,

⁹⁷ Не знаю почему, я догадался,
Что это ангел Божий шел вперед.
Учителя я тотчас попытался

¹⁰⁰ О том спросить таинственно, но тот
Мне подал знак, чтоб молча я склонился.
И ангел шел чрез пену мутных вод;

¹⁰³ Чело его сияло; он стремился
Ко входу в град. Коснулся он ворот
Своим жезлом, и тихо отворился

¹⁰⁶ Пред нами недоступный прежде вход;
И на пороге ставши в это время,
Воскликнул он: «Погибший, жалкий род!

¹⁰⁹ Проклятое, низвергнутое племя!
Вы Небесам противитесь опять!
Иль высшей власти тягостное бремя

¹¹² Крамолами вы думаете смять?
К чему вели все ваши возмущенья?
Они могли лишь только умножать,

¹¹⁵ Усиливать в Аду для вас мученья.
Припомните: ваш Цербер – адский зверь
След роковой неравного боренья

¹¹⁸ На шее носит даже и теперь!..»
И, не сказавши более ни слова,
Покинул он открытую им дверь

¹²¹ И по волнам назад пустился снова.
Казалось, озабочен сильно был
Он думами значения иного

¹²⁴ И о судьбе двух странников забыл.
А мы, им успокоены, вступили
В обитель ту, куда он путь открыл,

¹²⁷ Где духи тьмы уже нам не грозили.
Желая знать про участь тех теней,
Которых в эту крепость заключили,

¹³⁰ Окрестность осмотрел я, и на ней
Печальные поля глазам открылись,
Поля жестокой муки и скорбей.

¹³³ Как ряд холмов близ Арля^{45}, где катились
Спокойней волны Роны, или в том
Местечке возле Пола^{46}, где явились

¹³⁶ Струи Кварнаро резким рубежом
Италии, так точно здесь холмами
Могилы поднимаются кругом;

¹³⁹ Но вид их был ужаснее. Пред нами
Между гробниц везде огонь пылал,
И каждый гроб, охваченный огнями,

¹⁴² С приподнятою крышкою стоял,
Откуда вылетали вопли муки
И голос осужденных вылетал.

¹⁴⁵ Тех голосов мучительные звуки
Я слушал и учителя спросил:
«Чьи тени, поднимающие руки,

¹⁴⁸ Томятся здесь средь огненных могил?»
«Еретики оттенков всевозможных,
Отступники, – мой спутник говорил, —

¹⁵¹ Лежат в гробницах этих придорожных,
Где пламя беспрестанно может жечь
Безумцев, лжеучителей безбожных.

¹⁵⁴ Всем им пришлось под эти склепы лечь,
Где вечно хлещет огненная лава».
Путеводитель мой окончил речь

¹⁵⁷ И меж могил повел меня направо.

^{45} Арль – город в Провансе.

^{46} Пола – город на границе Истрии.

Песня десятая

Перед Данте и Вергилием встает ряд могил, в которых находятся последователи Эпикура. Путники говорят с призраками Фарината дельи Уберти и Кавальканте де Кавальканти. Первый предсказывает Данте изгнание из Флоренции.

¹ Мы шли тропой, которая вилась
Среди могил близ каменной ограды,
И спутника спросил я в этот час:

⁴ «О, ты, мудрец, ведущий сквозь преграды
Меня из круга в круг, дай мне ответ:
Могу ли я, учитель, бросить взгляды

⁷ Внутрь тех гробниц, где крышек вовсе нет?
Могу ль узнать, что в них теперь таится?»
«Гробницы те, – отвечивал поэт, —

¹⁰ Должны своими крышками закрыться,
Когда сюда их души прилетят,
Чтоб в образе земном опять явиться:

¹³ Тела погибших душ теперь лежат
В Иосафатовой долине... Вправо —
Эпикурейцев кладбище. Их взгляд

¹⁶ На жизнь тебе известен. Величаво
Ученье их провозглашалось вслух,
Что для людей бессмертие – забава,

¹⁹ Что с телом умирает вместе дух.
Здесь все твои вопросы разрешатся
И даже те, мой благородный друг,

²² Которые невольно, может статься,
Ты высказать мне прямо не желал».
«Наставник мой, – ответил я, – скрываться

²⁵ Я потому порой предпочитал,
Что сам меня учил ты воздержанью».
«Тосканский гражданин! Ты в град попал,

²⁸ Где пламя предается пожиранию,
Остановись! Я по твоим речам

Признал, их подчиняясь обаянью,

³¹ Что ты вполне принадлежишь к сынам
Отчизны благородной и прекрасной,
Но для которой вреден был я сам!..

³⁴ Для родины я был звездой несчастной!»
Тот голос из гробницы раздался
Внезапно вдруг. Страх чувствуя ужасный,

³⁷ К учителю назад я подался.
«Не бойся, что с тобою? – начал речь он. —
Из гроба Фарината^{47} поднялся,

⁴⁰ И виден нам от пояса до плеч он».
И повстречал я Фаринаты взгляд.
Хоть жар огня в гробу был бесконечен,

⁴³ Но, словно презирая целый Ад,
Он гордо из гробницы поднимался.
Других гробов минуя целый ряд,

⁴⁶ С Вергилием к нему я приближался:
«В речах будь краток», – спутник мне шепнул.
Когда я с Фаринатом поравнялся,

⁴⁹ С надменностью он на меня взглянул
И, помолчав, спросил меня: «Кто были
Твои отцы?» И я не обманул

⁵² И ничего не скрыл, как предки жили.
Тогда, подняв глаза, он молвил мне:
«Они меня и род мой не любили

⁵⁵ И враждовали с нами на войне,
За что ссылал их дважды я в изгнанье».
«Да, дважды по чужой они стране

⁵⁸ Скитались, – отвечал на эту брань я, —
Но дважды возвращались и назад
На родину, чего при всем желанье

⁶¹ Не мог исполнить род твой, говорят,
И не сумел на родину вернуться».
В лицо мое пахнул вдруг новый смрад;

^{47} Фарината Уберти – был вождем гибеллинов и победил гвельфов при Монте-Аперти.

⁶⁴ Другая тень, – не мог не содрогнуться
При этом я, – подняв свое чело,
Явилась сзади гроба, разогнуться

⁶⁷ Не в состоянье; видным быть могло
Одно лицо той новой, бледной тени:
Казалось мне, что муками свело

⁷⁰ Поверженного призрака колени.
Глазами вкруг себя он поводил,
И я услышал жалобное пенье.

⁷³ С рыданием тот грешник возопил:
«О, если в Ад путь длинный и ужасный
Тебе твой гений светлый озарил,

⁷⁶ Зачем же не с тобой мой сын прекрасный?»
«Я собственною властью не мог
Проникнуть в Ад, но этот путь опасный

⁷⁹ Указывал мне тот, к кому был строг
Твой Гвидо^{48}, так его *ценивший* мало...»
Так я сказал: в короткий этот срок

⁸² Я уже знал, чья это тень стонала,
И имя несчастливца угадал^{49}.
Вдруг тень передо мною быстро встала:

⁸⁵ «*Ценивший* мало? – с воплем он сказал. —
Ответь скорее: разве он скончался?
И светлый день из глаз его пропал?»

⁸⁸ Он ждал, когда ж ответа не дождался,
То в гроб свой опрокинулся назад
И больше из него не поднимался.

⁹¹ Меж тем другой безумец, падший в Ад,
Перед которым я остановился,
Стоял все так же смело; даже взгляд

⁹⁴ Такою же надменностью светился.
Он прерванную речь возобновил:
«На родину мой род не возвратился,

^{48} Гвидо Кавальканти – друг Данте. Как философ не уважал поэзии.

^{49} И имя несчастливца угадал. – Это был Кавальканте де Кавальканти – отец Гвидо.

⁹⁷ И мысль о том страшней всех адских сил
Меня казнит и мучает доньне...
Но знаешь ли, что рок тебе сулил

¹⁰⁰ На родине?.. Лик царственной богини,
Богини Ада^{50} здесь не заблестит
Полсотни раз, как снова на чужбине

¹⁰³ Изгнания ты испытаешь стыд...
Но прежде чем в мир светлый возвратиться,
Скажи, за что толпа мой род хулит,

¹⁰⁶ Унизить, оскорбить его стремится?»
«С тех самых пор, как Арбии струи
Могли ужасной кровью обагриться,

¹⁰⁹ С тех пор во храме подвиги твои
Лишь возбуждают общие проклятья»^{51}.
«Не я один повинен в той крови, —

¹¹² Он отвечал, — одно могу сказать я,
Я действовал с другими заодно
И виноват, как все мои собратья.

¹¹⁵ Но там, где было всеми решено
Флоренции прекрасной разрушенье,
Я был один: мной было спасено

¹¹⁸ Величие Флоренции». В смущенье
Я произнес: «Да обретет покой
Твое потомство! Но сомненье

¹²¹ Одно ты разреши мне: род людской
Не ведает *грядущего* прозренье,
Для вас же в нем нет тайны никакой,

¹²⁴ Хоть в *настоящем* многие явленья,
Нам ясные, невидимы для вас».
И высказала тень такое мненье:

¹²⁷ «Лишь видимы для наших слабых глаз

^{50} Богиня Ада – Прозерпина. В этих стихах Фарината предсказывает изгнание Данте из Флоренции.

^{51} «С тех самых пор, как Арбии струи...» – Здесь Данте говорит вождю гибеллинов, что в битве на берегах Арбии, где Фарината остался победителем, столько было пролито крови, что река зарумянилась от нее, и за это, прибавляет Данте, в храме, где собирались правители республики для совещаний о делах, раздавались выражения ненависти и проклятия ко всему роду Уберти.

Предметы отдаленные. Так было
Угодно Небесам. Но всякий раз,

¹³⁰ Когда уже событие наступило,
Прозрение не в силах нам помочь;
Теперь – земная жизнь для нас могила,

¹³³ Где царствует одна глухая ночь.
Мы в настоящем мире постоянно
Неведенья не можем превозмочь.

¹³⁶ И если перед нами вдруг неожиданно
Грядущего запрутся ворота,
Предвиденье умрет в нас... Беспреданно

¹³⁹ Мы ждем того». И тень, закрыв уста,
Умолкла вдруг, и я сказал в волненье:
«Пусть истину теперь узнает та

¹⁴² Душа, что рядом стонет в исступленье;
Поведай же ты грешнику скорей,
Что сын его не умер. Лишь в сомненье

¹⁴⁵ Не кончил прежде речи я своей,
Когда меня он спрашивал...» Тогда-то —
Позвал меня учитель от теней,

¹⁴⁷ Но, торопясь, спросил я Фарината,
Кто с ним еще в гробницу заключен?
«О, многих здесь постигла та ж утрата, —

¹⁵⁰ Не двигаясь в гробнице, молвил он. —
Здесь Фридерик Второй^{52} лежит со мною,
И *кардинал*^{53} вкушает тот же сон.

¹⁵³ Еще лежат... но имена их скрою...»
И он исчез. Пошел к поэту я,
Невольно размышляя той порою

¹⁵⁶ О предсказанье тени и тая
Смушение... «Скажи, чем ты смутился?» —
Путеводитель спрашивал меня.

^{52} *Фридерик Второй* – император, сын Генриха V и племянник Фридерика Барбароссы.

^{53} *Кардинал* – имеется в виду кардинал Октавиан дельи Убальдини. Он был известен в Италии под общим именем *кардинала*.

¹⁵⁹ Я правду рассказать ему решился.
«Запомни все, чем был ты так смущен,
Что выслушать от призрака решился, —

¹⁶² Сказал поэт и руку поднял он. —
Когда пред *лучезарной*^{54} ты предстанешь,
Чье око видит все со всех сторон,

¹⁶⁶ Ты от нее о будущем узнаешь.
Узнаешь все, что ждет тебя вперед.
Теперь же продолжать ты станешь

¹⁶⁹ Со мною путь». И влево он идет.
В глубь города мы стали удаляться
От мрачных стен и городских ворот

¹⁷² И начали к долине подвигаться,
Где стали перед нами в этот час
Густые испаренья подниматься.

¹⁷⁵ В долину ту тропинка шла, крутясь.

{54} «Когда пред *лучезарной*...» – Вергилий говорит о Беатриче.

Песня одиннадцатая

Путники вступают в отвратительное место, где носятся зловонные испарения. Они желают скрыться от них за каменной гробницей папы Анастасия, совращенного еретиком Фотином. Вергилий объясняет Данте степени наказаний в разных кругах и праведное распределение грешников.

¹ Мы шли вдоль по обрыву мимо скал,
Поверженных, как каменные трупы,
И подошли к вертепу: изрыгал

⁴ Он из себя зловония, – и группы
Проклятых душ стонали в нем. Мы шли,
Хватаясь за гранитные уступы,

⁷ И так как выносить мы не могли
Зловонных испарений, то спасенье
За каменной гробницею нашли.

¹⁰ Где надпись увидали в то мгновенье:
«Здесь папа Анастасий заключен,
Что был введен Фотином в искушенье»^[55].

¹³ «Кругом весь воздух смрадом заражен,
И медленней мы будем подвигаться,
Чтоб к смраду понемногу приучен

¹⁶ Был ты и я: не станет он казаться
Нам столько отвратительным потом», —
Так молвил мне учитель. «Может статься, —

¹⁹ Я возразил, – пока вперед идем,
Ты что-нибудь расскажешь мне дорогой?»
«Да, и теперь я думаю о том», —

²² Я услышал поэта голос строгий.
Он продолжал: «Смотри, мой сын, вокруг
(И слушал я его с большой тревогой):

²⁵ В три яруса идет за кругом круг
Средь этих скал, один другого шире.
И каждый круг – обитель вечных мук

^[55] «Здесь папа Анастасий заключен, / Что был введен Фотином в искушенье». – В одной старинной хронике папу Анастасия II совершенно несправедливо обвиняют в покровительстве расколу диакона Фотина Фессалоникского.

²⁸ Для падших душ в подземном этом мире,
Но чтоб тебе, взглянув на них, понять,
Что в Небе, в голубом его эфире

³¹ Пощады им вовек не прочитать, —
Я расскажу, за что их заключили:
Ужасней зла не можем мы назвать,

³⁴ Как ближнего обида. Доходили
До этой цели ложью иногда.
Иль вред через насилье наносили

³⁷ И ближних обирали без стыда.
За этот грех нет в Небесах прощенья.
Обман – порок людей и был всегда

⁴⁰ Караем Богом он без сожаленья,
И каждый злой обманщик, каждый тать
Повержен в самый страшный Ад мученья,

⁴³ Куда не сходит Божья благодать.
Знай: в первый круг попали души мрака,
Виновные в насилье, но опять,

⁴⁶ Так как насилье может быть трояко,
То на три части делится тот круг,
С тройным различьем в грешниках, однако.

⁴⁹ Насилие людских сердец и рук
Бывает против ближних, против Бога
И против жизни собственной. Вокруг

⁵² Увидишь ты таких пороков много:
Убийство, грабежей ночных позор.
Вот первый круг, где наказуют строго

⁵⁵ Насилье против ближних: гнусный вор,
Убийца злой, не пощадивший друга,
В вертепе том томятся с давних пор.

⁵⁸ А во втором подразделение круга
Самоубийц и мотов скорбный ряд,
Всех посягнувших смело, без испуга,

⁶¹ На жизнь свою, – их поглощает Ад —
Иль на свое богатство, достоянье,
И проливавших слез кровавых яд

⁶⁴ В те дни, когда любовь и ликованье
Должны бы были в сердце обитать...
А те преступно жалкие созданья,

⁶⁷ Что стали имя Бога отвергать,
Богохуля, природу оскорбляют,
Те в меньшем круге стали обитать.

⁷⁰ На проклятом челе их замечают
Клеймо неизгладимое почти
Содома и Кагора^{56}. Но бывают

⁷³ Грехи другого рода, и найти
Их можем мы в другом подземном круге.
Запомни те грехи и перечти:

⁷⁶ Грех сводничества, лъстивости услуги,
Татьба, и святотатство, и подлог,
Ложь всякая, когда уж друг о друге

⁷⁹ Забыли люди думать, и порок
Для них стал всякой доблести заменой.
Есть грех еще – он страшен и жесток —

⁸² Он – смерть любви: зовут его изменой.
В одной из самых низших адских сфер,
Где стало средоточие Вселенной,

⁸⁵ Где восседает грозный Люцифер,
Обречена измена вечной казни,
Чтоб казни той был памятен пример».

⁸⁸ «Учитель, – я сказал не без боязни, —
Ты верное понятие мне дал
О пропасти греха и неприязни,

⁹¹ Но ты еще не все мне рассказал.
Я видел много грешников сраженных,
Которых страшный дождик бичевал,

⁹⁴ Толпу теней в болото погруженных,
Гонимых ветром, с скрежетом зубов,
Хулящих Небо, мрачных, исступленных,

^{56} *Кагор* – город в Лангедоке. Во времена Данте Кагор был известен как вертеп ростовщиков.

⁹⁷ И я о них спросить тебя готов:
Когда над ними кара тяготее,
То почему ж за мерзость их грехов

¹⁰⁰ В тот град, что постоянно пламенеет, —
Не заключили их?» Он отвечал:
«Ужель твой ум в безумии темнеет?

¹⁰³ Иль рассуждать ты здраво перестал?
Философа забыл ты наставленье^{57},
Который так грехи подразделял:

¹⁰⁶ Невоздержанье, злобы прегрешенье
И скотобесье. Первый самый грех
Не столько оскорбляет Провиденье

¹⁰⁹ И потому слабей казнится всех
Других грехов. Когда поймешь ты это,
То ясно разгадаешь участь тех

¹¹² Погибших душ, отторженных от света,
Которых Бог карающий щадил
В сиянье бесконечного привета

¹¹⁵ И в высшие круги их поместил,
Где легче казнь и где сносней мученья».
Невольного восторга я не скрыл:

¹¹⁸ «Ты – солнце, возвращающее зренье!
Ответ твой каждый счастье мне несет,
И мне полезно самое сомненье,

¹²¹ Как знание: я вижу в нем оплот...
Еще один вопрос мне разреши ты,
Который мне покоя не дает:

¹²⁴ За что пути к спасению закрыты
Мздоимцам? Вот что хочется мне знать...»
«Нас учит философия – пойми ты, —

¹²⁷ Что мы должны в природе уважать
Божественного разума начало
С его искусством; можно доказать

^{57} «Философа забыл ты наставленье...» – Вергилий намекает на Аристотеля, учению которого следовал сам Данте.

¹³⁰ По книгам, что искусство подражало
Природе всей: так робкий ученик,
Изведавший науку слишком мало,

¹³³ Копировать учителя привык.
Искусство от Небес родится тоже,
Как внук от деда. Двойственный родник —

¹³⁶ Искусства и природы – нам дороже
Всех родников, и в нем лишь почерпать,
В своей душе сомненья уничтожа,

¹³⁹ Мы можем жизнь и жизни благодать.
Мздоимец же идет другой дорогой.
Природу он лишь может презирать,

¹⁴² В искусстве не находит школы строгой,
Нуждается в опоре он иной,
И грудь его полна другой тревогой.

¹⁴⁵ Однако в путь; иди теперь за мной.
На горизонте, вижу я, явилось
Сиянье знака Рыб, а в тьме ночной

¹⁴⁸ На западе почти уже скатилось
Созвездье Колесницы... Мрак глубок...
Вот яркая звезда на небе скрылась.

¹⁵¹ А нам до спуска путь еще далек».

Песня двенадцатая

Данте и Вергилий спускаются в седьмой круг подземного Ада по отвесному обрыву, где на полуразрушенной скале находят чудовище – Минотавра. Вергилий смирят его бешенство. Встреча с центаврами, из которых один – Несс делается проводником двух путников и указывает на кровавый поток, где грешники по степеням терпят кару за насилие.

¹ Дорога, по которой в этот час
Нам приходилось далее спускаться,
Была почти отвесна, и не раз,

⁴ Взглянувши вниз, мог всякий содрогаться.
Гора, с которой сброшен был обвал,
Непроходимой стала мне казаться

⁷ С вершины до подножья: груды скал
Низринуты лежали перед нами.
Таков был спуск, и бездны мрак зиял

¹⁰ Над ним кругом, а близко, под ногами,
Чудовище лежало на скале^{58},
Чудовище, которое сосцами

¹³ Не матери питалось на земле,
Но деревянной телки... Ужас Крита,
Чудовище, заметя нас во мгле,

¹⁶ Себя кусало, пеною покрыто,
Не в состоянье бешенства смирить.
И закричал мой проводник сердито:

¹⁹ «Тварь гнусная! Ты мыслишь, может быть,
Что царь Афин к тебе явился снова,
Чтоб вновь тебя, чудовище, убить?»

²² Прочь, гадина! Для подвига иного
Спустился этот смертный в Ад сюда;
И у него желанья нет другого,

²⁵ Как только посмотреть на Царство мук...»
Как ярый бык в минуту поражения
Срывает узы тягостные вдруг

^{58} Чудовище лежало на скале... – Речь идет о Минотавре, рожденном от Пасифаи, царицы критской. Вероятно, всем известны мифологические предания о любви Пасифаи и сказка об изобретенной Дедалом деревянной телицы для быка.

²⁸ И, силы потерявший, в исступленье,
Бросается то прямо, то назад,
Так Минотавр метался в то мгновенье.

³¹ Поэт сказал с любовью мне, как брат:
«Скорее вниз, пока он бесноваться
Не перестал...» И, не боясь преград,

³⁴ Чрез груды скал мы начали спускаться,
А из-под ног срываясь, камней ряд
Летел и падал в бездну. Подвигаться

³⁷ Я стал вперед, кругом бросая взгляд,
И размышлял, поэта слыша голос:
«Ты думаешь, быть может, мой собрат,

⁴⁰ О той скале, что сверху раскололась,
И где теперь чудовище лежит,
В котором злость с бессилием боролась?

⁴³ Мной усмирен, ужасный зверь молчит.
Так знай же, что, когда еще впервые
Сходил я в Ад, вон той скалы гранит

⁴⁶ Еще был цел, и камни вековые
Не треснули. Случилось то поздней
В другие дни и времена иные,

⁴⁹ Пред тем, как Тот спустился в мир теней,
Который многим в Ад принес спасенье...
Тогда-то с страшным грохотом камней,

⁵² Скалу поколебало сотрясенье
И рухнул сокрушительный обвал.
Подумал я в то самое мгновенье,

⁵⁵ Что от любви весь мир затрепетал,
От той любви, которою держалась
Вселенная. Любовью – я слышал —

⁵⁸ Не раз уже мир обращался в хаос^[59].
Тогда-то раскололась вдруг скала

^[59] *Любовью – я слышал – / Не раз уже мир обращался в хаос.* – Чтобы понять это место, нужно припомнить такое обстоятельство: по системе Эмпедокла, мир существует только войною стихий; не будь этой войны, мир опять обратился бы в прежний хаос.

И грудюю каменьев разметалась.

⁶¹ Но вниз взглянуть тебе пора пришла:
Мы около кровавого потока,
Где в кипяток за грязные дела

⁶⁴ Насилия – повержены глубоко
Преступники. О ты, развратный род,
Жизнь тративший на подвиги порока,

⁶⁷ Вот как тяжел последний твой расчет!»
И вокруг равнины ров дугообразный
Увидел я с кровавой пеной вод,

⁷⁰ А от скалы до рва с пучиной грязной
Центавры появлялись здесь и там
Со стрелами, как на потехе праздной.

⁷³ Когда они домчались ближе к нам
И нас на спуске взоры их открыли,
Они остановились. К тетивам

⁷⁶ Центавры разом стрелы наложили,
И трое, отделившись от других,
К той крутизне, где шли мы, подскочили.

⁷⁹ И крикнул нам тогда один из них:
«Откуда вы? Какой вы казни ждете,
Спускаясь в мир созданий неживых?

⁸² Когда вы мне ответа не даете,
Я с тетивы стрелу спущу тогда,
Которая верна в своем полете».

⁸⁵ «Зачем вдвоем нисходим мы сюда,
Хирону^{60} мы поведаем при встрече.
Ты опрометчив ныне, как всегда,

⁸⁸ В заносчивых желаниях и речи».
Так отвечал Вергилий наотрез
И, положивши руку мне на плечи,

⁹¹ Заметил мне тихонько: «Это – Несс^{61};

^{60} *Хирон* – воспитатель Ахилла.

^{61} *Несс* – центавр, по легенде, раненный отравленной стрелой Геракла, оставил своей любовнице Деянире хитон, омоченный в своей крови, и уверил ее, что она этим хитоном может навсегда приковать к себе любимого ею Геракла. По

Пленный Деянирою прекрасной,
Он умер за нее, но Геркулес

⁹⁴ И сам погиб, надевши плащ ужасный
Покойника. Второй из них – Хирон,
Ахилла пестун; третий Фол^{62}, известный

⁹⁷ По бешенству. Сюда со всех сторон
Свирепые centaвры наезжают, —
Неисчислим их грозный легион, —

¹⁰⁰ И в кипятке потока поражают
Преступных жертв, когда из пены вод
Они чело высоко поднимают,

¹⁰³ Чтоб легче были муки их...» И вот
Мы подошли к centaврам. Под скалою
Хирон раскрыл чудовищный свой рот

¹⁰⁶ И, бороду раздвинувши стрелою,
Товарищам сказал он наконец —
С улыбкой отвратительной и злою:

¹⁰⁹ «Вы видели, как шел второй пришлец?
Он шел – и часто камни рассыпались
Из-под него: не ходит так мертвец.

¹¹² Усопшие сюда так не являлись». —
Мой проводник к centaвру подошел,
В котором две природы совмещались,

¹¹⁵ И возразил: «Да, в это море зол
Действительно сошла душа живая:
И человека этого я вел

¹¹⁸ Через долину тьмы, не уставая.
Не любопытство странника вело
В подземный Ад, но цель вполне благая.

¹²¹ В Эдеме Дева есть – ее чело
Сияньем Рая блещет постоянно.
Покинув Рай, где счастье так светло,

¹²⁴ Она ко мне явилась неожиданно,

просьбе Деяниры Геркулес надел на себя этот хитон и умер в нестерпимых муках.

^{62} Фол – centaвр, известен тем, что участвовал в похищении Гипподамии, жены Перитоя.

Меня на подвиг новый обрекла...
Я чист душой и лгать мне было б странно,

¹²⁷ А этот смертный всякого чужд зла...
Во имя добродетели, ведущей
По Аду нас, где всюду смрад и мгла,

¹³⁰ Чтоб впереди не знать напасти пущей,
Прошу тебя, пускай один из вас
Проводит нас тропею, в Ад идущей,

¹³³ И человека этого сейчас
Пусть на себе перенесет чрез реку.
Не призрак он; и смерти не страшась,

¹³⁶ Нельзя пройти пучину человеку:
Лишь только тень по воздуху скользит».
Таких речей не ведая от века,

¹³⁹ Хирон центавру Нессу говорит:
«Ступай, их проводи и охрани ты,
Когда толпа другая их смутит».

¹⁴² При появление новой той защиты
По берегу мы шли. Кипел поток,
Где были тени злы, полуубиты,

¹⁴⁵ Повержены в кровавый кипяток.
Вплоть до бровей я видел погруженных,
Измученных от головы до ног, —

¹⁴⁸ И, показав рукой на осужденных,
Центавр сказал: «То казнь земных владык,
Невинной кровью ближних обагрённых.

¹⁵¹ Их легион обширен и велик:
Здесь Александр, с ним Дионисий вместе,
Что столько лет давить народ привык

¹⁵⁴ В Сицилии во имя хладной мести,
Здесь Аццолино^[63] грозный заключен;
Казнится здесь и он, Обидзо Эсти,

¹⁵⁷ Что пасынком своим был умерщвлен».

^[63] *Аццолино* – тиран Падуи. В битве против властителей Ломбардии он попал в плен и, не допустив перевязать свои раны, умер в Сончино в 1260 г.

Хотел к певцу я с словом обратиться,
Но, указав на Несса, молвил он:

¹⁶⁰ «Теперь тебе он больше пригодится,
Чем я, мой сын». И в этот самый срок,
Когда певцу спешил я покориться,

¹⁶³ Центавр опять взглянул на кипяток:
«Иные души страждут здесь жестоко,
До шеи погруженные в поток.

¹⁶⁶ Вот там теперь стоящий одиноко
Ужасный грешник, – знаешь ли, кто он?
Господний храм он оскорбил глубоко

¹⁶⁹ И поразил вблизи его колонн
Того, чье сердце люди сохранили
На Темзе вплоть до нынешних времен

¹⁷² И в дорогом ковчеге схоронили^{64}».
Других теней потом я увидал, —
Их головы и груди видны были, —

¹⁷⁵ И я иных невольно узнавал...
Поток все мельче, мельче становился,
Так что в конце лишь ноги покрывал.

¹⁷⁸ Ров этот скоро сзади очутился,
Когда центавр перескочил поток
И мне сказал: «Сейчас ты убедился,

¹⁸¹ Как ров мелел; но страшно он глубок
В другом конце, и в глубине той вечной
Властители страдают за порок

¹⁸⁴ Насилия и власти бессердечной.
Там в пламени несет свой тяжкий крест —
Бич Божий, сам Аттил бесчеловечный;

¹⁸⁷ Там властолюбец Пирр^{65}, разбойник Секст^{66},
Там очи у Реньеро да Корнета,

^{64} *Господний храм он оскорбил глубоко...* – В 1291 г. Гвидо Монфорте, в отместку за смерть своего отца, убил в храме Генриха, племянника Генриха III, короля английского. Сердце убитого было перенесено в Лондон и помещено в золотой ковчег, который был поставлен на колонне возле одного моста на Темзе.

^{65} *Пирр* – царь эпирский, сын Ахилла, по объяснению некоторых комментаторов. Вольни с большим подобием полагает, что Данте говорит здесь совсем о другом Пирре, тоже царе эпирском, ненасытном властолюбце и непримиримом враге римлян.

^{66} *Секст* – сын Помпея, известен своими морскими разбоями.

Реньеро Падзо пламень адский ест.

¹⁹⁰ Они народ терзали, и за это
Кровавый кипяток их вечно жжет,
И впереди нельзя им ждать рассвета».

¹⁹³ И Несс назад отправился чрез брод.

Песня тринадцатая

Путники вступают во второй отдел седьмого круга. Перед ними самоубийцы, превращенные в деревья, и расточители, терзаемые гарпиями. Пьер делле Винье, секретарь Фредерика II.

¹ Едва от нас сокрылся мрачный Несс
И чрез поток еще не перебрался,
Как мы вдвоем вступили в темный лес,

⁴ И лес непроходимым мне казался.
В нем не было тропинки ни одной.
Он зелению лесов не распускался:

⁷ На нем являлись листья предо мной
Все черные; все ветви кривы были,
И не плоды в трущобе той лесной

¹⁰ Росли кругом, но всюду только гнили
Растенья ядовитые везде.
Мы хуже места верно б не открыли

¹³ В лесах Корнето^{67} и Чечины^{68}, где
Лишь дикий зверь в густой листве скрывался
И птицы робко прятались в гнезде.

¹⁶ Но страшный лес, где путь наш потерялся,
Наполнен только гарпиями^{69} был
(С Строфадских островов от них спасался

¹⁹ Когда-то род Троян): меж черных крыл
Они людские головы имели, —
Большой живот, две лапы... Я следил,

²² Как гарпии на деревьях сидели
И по лесу их раздавался вой...
Я чувствовал, что ноги онемели...

²⁵ Тогда сказал учитель добрый мой:
«О, прежде чем вперед ты устремился,
Узнай, что перешел ты во второй

^{67} Корнето — город в бывших папских владениях.

^{68} Чечина — река, текущая в Тосканском герцогстве и впадающая в море между Ливорно и Пиомбино.

^{69} Гарпии — баснословные птицы с женским лицом. Когда трояне по разрушении Трои пристали к Строфадским островам, то гарпии, отравляя съестные припасы путешественников, вынудили их оставить острова (Эн., кн. III).

²⁸ Круг Ада^{70}, и пока нам не открылся
Пустыни вид ужасный, до тех пор
Отсюда ты не выйдешь». Я смутился...

³¹ «Кругом смотри ты зорко, и твой взор
Понять скорей всю истину сумеет:
Тогда с тобой вступлю я в разговор».

³⁴ Смотрю я вкруг, лицо мое бледнеет:
То здесь, то там я слышу тяжкий стон,
Но чьи они? Мой разум цепенеет...

³⁷ Не видя никого со всех сторон,
Прислушиваясь, я остановился
Стенаньями страдальцев изумлен.

⁴⁰ Поэт разубедить меня решился,
Чтоб думать я не мог, что стон теней
Из-за лесной трущобы доносился,

⁴³ И мне сказал: «Чтоб в голове твоей
Мысль приняла другое направленье,
Сломи в лесу любую из ветвей».

⁴⁶ Я увидел колючее растение,
Растущее на деревянном пне.
С него сорвал я ветвь, и в то мгновенье

⁴⁹ Древесный пень со стоном крикнул мне:
«За что меня так больно ты терзаешь?
Или в твоей сердечной глубине

⁵² Нет жалости? Зачем меня ломаешь?»
Облившись черной кровью, он вопил:
«Теперь ты за деревья нас считаешь,

⁵⁵ Но прежде я, как и другие, был
Таким же человеком, как вы оба...
За что ж меня, как враг, ты оскорбил?

⁵⁸ Когда б в тебе не шевелилась злоба,
Ко мне бы прикоснуться ты не мог,
Хотя бы гадом был я...» Вся трущоба

^{70} «Перешел ты во второй / Круг Ада...» – т.е. во второе подразделение седьмого круга.

⁶¹ Завыла вдруг. Как из березы сок,
Под топором, ручьем порою льется,
Так кровь лилась из пня, как бы поток...

⁶⁴ Я чувствовал, как сильно сердце бьется,
И наземь ветвь невольно уронил,
Не в состоянье с жалостью бороться.

⁶⁷ Тогда учитель мой проговорил:
«О, оскорбленный дух! Неосторожно
Он на тебя руки б не наложил,

⁷⁰ Когда б не растолковывал он ложно
Моих стихов. Желанье убедить
В том, что по виду вовсе невозможно,

⁷³ Заставило меня ему внушить
Совет, мне самому невыносимый.
Кто ты – ему ты должен объяснить,

⁷⁶ Чтоб на земле, раскаяньем томимый,
Он о тебе не в силах был забыть...
И в памяти сберег неутомимой...»

⁷⁹ И дерево ответило: «Хранить
Не буду я упорного молчанья.
Речь добрая твоя не может возбудить

⁸² Сомнения. Прошу у вас вниманья.
Я тот, кому был дорог Фредерик^[71]:
Его души все тайны, все желанья,

⁸⁵ Как книгу, я читать всегда привык.
Монарха сердце было мне открыто,
Мне одному, и в мире каждый миг

⁸⁸ Я охранял то сердце, так что свита
Его рабов в глубь царственной души
Проникнуть не могла, была забыта

⁹¹ И заговор затеяла в тиши.
А между тем все силы, все здоровье
Я потерял, не зная сна в ночи:

^[71] «Я тот, кому был дорог Фредерик...» – Пьер делье Винье – любимец императора Фредерика II. Долго пользуясь неограниченным доверием императора, он был обвинен в измене, посажен в темницу и лишен зрения. В отчаянии разбил себе голову о стену своей тюрьмы.

⁹⁴ Готов отдать был Фредерику кровь я,
Но был силен наложницы разврат.
Она, змея порока и злословья,

⁹⁷ Она, зараза цесарских палат,
Она, монархов язва моровая,
На мне остановила злобный взгляд

¹⁰⁰ И, завистью и бешенством пылая,
Умела страсти многих возбудить
Против меня, и Август сам, сгорая

¹⁰³ Досадою, свой лик отворотить
От верного товарища решился,
Успел в печальный траур обратить

¹⁰⁶ Все почести, которыми гордился
Я некогда... В душе моей тогда
Проснулся гнев и умысел родился —

¹⁰⁹ Искать забвенья в смерти от стыда.
И – праведник несправедное дело
Я выполнить решился в те года.

¹¹² Но, слушайте, клянусь теперь я смело,
Что я царю ни в чем не изменял
И верность сохранил к нему всецело:

¹¹⁵ Я кесаря до смерти обожал:
Он стоит и любви, и уваженья...
Пусть тот из вас, кому я жалок стал,

¹¹⁸ Пусть тот из вас, кого ждет возвращенье
В живущий мир, там честь мою спасет
И восстановит истинное мненье

¹²¹ О грешнике, которого гнетет
И клевета, и ненависть людская».
Затем сказал Вергилий в свой черед,

¹²⁴ Речь мудрую ко мне лишь обращая:
«Знай – времени не должен ты терять:
Ему свои вопросы поверяя,

¹²⁷ Расспрашивай – он станет отвечать».
И молвил я: «Прошу тебя – спроси ты

Его о том, что было бы узнать

¹³⁰ Полезно мне – ведь от тебя не скрыты
Все помыслы мои – во мне самом
Теперь все чувства горестью убиты,

¹³³ Лишь состраданье в сердце есть моем».
Тогда сказал поэт: «Твое желанье
Исполнит он. Мы просим лишь о том,

¹³⁶ Чтоб ты сказал, как высшее создание,
Как человек мог обратиться вдруг
В ствол дерева? Ужель для наказания

¹³⁹ Такого нет конца?» Вздохнув от тяжких мук,
Мне, словно вздохом, дерево сказала,
В стенанья обращая каждый звук:

¹⁴² «В той повести ужасного немало:
Знай – всякий раз, когда, покинув грудь,
Душа самоубийцы вылетала,

¹⁴⁵ Тогда в седьмой круг Ада страшный путь
Указывает Минос ей. Тогда-то,
Нигде в пути не смея отдохнуть,

¹⁴⁸ В лес этот попадает без возврата
Дух грешника; кругом в лесу – темно.
Рок, не щадящий злобы и разврата,

¹⁵¹ Несет его, бросает, как зерно,
И он росток пускает, как растение;
Растение это вырасти должно

¹⁵⁴ И, наконец, не ведая гниенья,
Преобразится в дерево. Потом
На нем все листья в диком исступленье

¹⁵⁷ Жрут гарпии и язвами кругом
Все дерево до корня покрывают.
И никогда, пока мы здесь растем,

¹⁶⁰ Нас муки ни на миг не оставляют.
Мы носимся, чтоб плоть свою найти,
Но в тело нас опять не одевают:

¹⁶³ Что раз не сберегли мы на пути,

Того не получить нам в настоящем.
Плоть потеряв, не жить нам во плоти.

¹⁶⁶ Мы наши трупы в этот лес притащим,
И каждый труп повесим мы тогда
На дереве, где с ужасом палящим

¹⁶⁹ Томится дух наш: худшего стыда
Не знаем мы...» Стояли, ожидая
Дальнейшей речи, мы; вдруг – новая беда;

¹⁷² Шум страшный услышал в лесу тогда я.
Как дикий вепрь, спасаясь от собак,
Бежит порой, деревья вокруг ломая,

¹⁷⁵ С ужасным, хриплым воем, точно так
Две тени впереди нас быстро мчались.
Истерзан каждый призрак был и наг,

¹⁷⁸ Пред ними ветви хрупкие ломались.
Та тень, что быстро мчалась впереди:
«Эй, смерть, сюда!» – вопила, и старалась

¹⁸¹ Другая тень, что мчалась назади,
Не отставать и громко восклицала
На всем бегу: «О, Лано^{72}, погоди!

¹⁸⁴ Я за тобой той быстроты не знала
В сражении при Топпо». И потом
Как бы в изнеможении упала

¹⁸⁷ Она, бежать не в силах, под кустом.
А по лесу за этими тенями,
Раскрывши пасти с черным языком,

¹⁹⁰ Псы жадные неслись меж деревьями.
В несчастного, что под кустом упал,
Они впились с неистовством зубами,

¹⁹³ И страшную он участь испытал:
Разорван был собаками он в клочья.
И за руку меня мой спутник взял

¹⁹⁶ (Едва мог тайный трепет превозмочь я),
И подошел к тому кусту со мной.

^{72} *Лано* – сиенец; был убит в сражении при Пиеве-дель-Топпо, не желая спастись бегством.

И куст заговорил: «О, чем помочь я

¹⁹⁹ Тебе мог, Сант-Андреа^{73}? И зачем
За мною ты решился укрываться?
Я ль виноват, что пренебрег ты всем,

²⁰² Чтоб жизнь преступной наслаждаться?»
Учитель мой сказал ему затем:
«Кто ты, уставший кровью обливаться

²⁰⁵ Из вечных ран? О чем страдаешь ты?»
Он отвечал: «О, души! Посмотрите:
Ужасным истязаньем все листы

²⁰⁸ Оборваны на мне. Их соберите
Вокруг меня. Я в городе рожден, —
Не скрою я, когда вы знать хотите, —

²¹¹ Известном вам; переродился он,
Им позабыт был гордый покровитель^{74}.
За что навек, изменой возмущен,

²¹⁴ Для города неутомимый мститель
Останется опасным, и давно
Его руки боится каждый житель.

²¹⁷ О, если б на мосту через Арно
Не видели его изображения,
То все для граждан было б решено.

²²⁰ И, созидаю град свой, разрушение
Пришлось бы им увидеть в страшный час
На пепелище, полном запустенья,

²²³ Оставленном Аттилою для нас.
Тогда бы целый город развалился,
Когда бы Марс мечом своим потряс...

²²⁶ Я в собственном приюте удавился!»

^{73} *Сант-Андреа* – падуанский дворянин, знаменитый мот своего времени. Истратив свои богатства, он в отчаянии кончил жизнь самоубийством.

^{74} «*Им позабыт был гордый покровитель*». – Флоренция во времена языческие была под покровительством бога Марса.

Песня четырнадцатая

Данте и Вергилий вступают на грань второго отдела седьмого круга Ада. Степь и огненный дождь. Преступники против Бога, природы и искусства. Бешенство Капанея и его наказание. Таинственный исток трех адских рек.

¹ Любовь к отчизне вспыхнула во мне.
Разбросанные листья собирая,
Их отдал я, растроганный вполне.

⁴ Тому, который, скорбь свою скрывая,
Уже замолк. Мы стали на предел
Второго круга с третьим, и тогда я

⁷ Еще полнее вдруг уразумел
Всю силу правосудия. Я буду
Рассказывать: куда я ни глядел,

¹⁰ Степь голая вставала отовсюду:
Ни травки, ни былинки нет кругом,
Лишь страшный лес – доныне не забуду —

¹³ Лес скорби, опоясан темным рвом,
Степь окружал. Мы тут остановились.
С горячим и безжизненным песком

¹⁶ Равнины мертвой степи нам открылись:
Такую степь переходил Катон,
Когда Помпея полчища разбились^[75].

¹⁹ И вот увидел я со всех сторон
Толпы теней нагих и истомленных,
Сливавшихся в один унылый стон.

²² На разные мученья осужденных.
Одни из них лежали на земле,
Другие сидя, членов утомленных

²⁵ Поднять не в силах, с мукой на челе,
Не двигались; иные же бродили
Без устали, без отдыха во мгле.

^[75] С горячим и безжизненным песком / Равнины мертвой степи нам открылись... – Здесь упоминается о ливийских песках, через которые прошел Катон Младший, когда после смерти Помпея он спешил соединиться с армией Юбы, царя нумидийского.

²⁸ Их много было там, а тех, что ныли,
Во прахе лежа, меньше было, но
Они зато охотней говорили.

³¹ Дождь огненный спадал на всех равно,
Как в Альпах снег в безветренную пору,
Как пламенный тот ливень, что давно

³⁴ Случилось в знойной Индии, герою
Путь с войском преградивший. Смелый вождь
Тогда велел смутившемуся строю

³⁷ Топтать ногами землю, чтобы дождь
Не мог вредить, вокруг войска зажигая
Поля, траву и зелень темных рощ, —

⁴⁰ И, волю Александра исполняя,
Тушило войско землю под собой^[76].
И точно так слетал, не уставая,

⁴³ Дождь пламенный, ниспосланный судьбой,
На адскую пустыню, и пылала
Она, как трут, и раздавался вой

⁴⁶ Несчастных жертв: их пламя пожирало.
Метались тени грешников в огне,
Но кара их повсюду ожидала,

⁴⁹ И не могли нигде спастись они
От огненного жупела... «Учитель,
Ты должен на вопрос ответить мне, —

⁵² Я говорил, – в Аду ты мой спаситель,
В Аду ты все преграды победил
И только, мудрый мой путеводитель,

⁵⁵ Двух демонов одних не усмирил
У огненного города. Поведай —
Кто этот великан? С сознаньем сил

⁵⁸ Надменно он глядит вокруг с победой,
Лежит, как бы не чувствуя огня...
О, просвети меня своей беседой».

^[76] *И, волю Александра исполняя, / Тушило войско землю под собой.* – Об огнях, сходявших в Индии на войско Александра Македонского, упоминается в одном письме Александра к Аристотелю, но там сказано, что Александр приказал воинам устилать землю одеждами, чтобы огненный дождь не зажигал земли.

⁶¹ А грешник, посмотревши на меня,
Вдруг понял, что о нем держу я слово,
И произнес: «Мученья все кляня,

⁶⁴ Живой и мертвый тот же я, и снова
Силен теперь. И если бы опять
Юпитер ковачей своих сурово

⁶⁷ Заставил громы новые ковать,
Чтоб поразить меня в одно мгновенье,
Когда б он стал Вулканов всех сзывать,

⁷⁰ Измучил бы их всех до отупленья
И восклицал: ко мне, Вулкан, скорей!
Как в страшный день Флегрийского^{77} сраженья

⁷³ Он говорил; когда б рукой своей
Все молнии на грудь мою направил,
То и тогда б погибели моей

⁷⁶ Он не достиг!» Тут грешника заставил
Умолкнуть мой суровый проводник
Громовой речью; ужас весь представил

⁷⁹ Его греха: мне нов был тот язык
Наставника. Заговорил он гневно:
«О, Капаней! По-прежнему ты дик,

⁸² Твоя гордыня также неизменна,
За то и казнь преступника страшна:
Лишь бешенство дала тебе геенна

⁸⁵ За прежнее безумство, и должна
Та кара быть возмездием достойным
В Аду, где заседает сатана!»

⁸⁸ И с словом, уже более спокойным.
Ко мне тут обратился мой мудрец:
«Перед тобой в вертепе этом знойном —

⁹¹ Великий грешник. Царственный венец
На нем блистал и, Фивы осаждая,
В числе семи царей был он. Гордец,

^{77} Флегра — долина в Фессалии, в которой Юпитер одержал победу над титанами.

⁹⁴ Он, как и прежде, Бога отвергая,
Доныне покориться не хотел
И, постепенно в Тартаре сгорая,

⁹⁷ За гордость в нем находит свой удел...
Иди ж за мной, но бойся погружаться
Ногой в песок: он раскален и бел.

¹⁰⁰ Лесной опушки нужно нам держаться».
В молчанье мы к источнику пришли;
К нему приблизясь, стал я содрогаться:

¹⁰³ Кровавым выбегал он из земли.
Его струи тогда напоминали
Буликаме^{78} кипучие струи,

¹⁰⁶ Где грешницы по берегу блуждали...
Бежал в степи кровавый тот поток,
А берега и ложе состояли

¹⁰⁹ Лишь из камней; берег был отлог...
Я угадал, что наша шла дорога
Вдоль берега, что путь тот был далек.

¹¹² «В своем пути ты видел уже много
Предметов очень странных с той поры,
Когда вошли мы в Ад по воле Бога,

¹¹⁵ В врата едва достигнутой горы;
Но этого источника печали,
Где носятся кровавые пары,

¹¹⁸ Где все огни мгновенно потухали,
Ты ничего ужасней не встречал», —
Так предо мною тихо прозвучали

¹²¹ Учителя слова. Его просить я стал
Со мною вещим знаньем поделиться,
Которым мой наставник обладал.

¹²⁴ И начал он: «Есть в море остров. Длится
За веком век, но все он там стоит,
И жизни шум в то место не домчится.

^{78} *Буликаме* – источник горячей минеральной воды близ Витербо, известный некогда тем, что там во множестве собирались грешницы.

¹²⁷ На острове – его название Крит —
В уединении жил древний царь когда-то^{79}.
И в дни его – предание гласит —

¹³⁰ Не ведал мир пороков и разврата.
На острове была тогда гора,
Ей имя – Ида; царственно богата

¹³³ Была ее природа. Та пора
Уже прошла: исчезли водометы,
Цветов, растений пестрая игра...

¹³⁶ Теперь в забвенье Ида. Нет охоты
Ни у кого об Иде вспоминать.
Но эту гору, полная заботы,

¹³⁹ Когда-то Реа вздумала избрать
Для сына неприступной колыбелью.
Чтоб лучше там ребенка укрывать,

¹⁴² Малютки плач веселых песен трелью
Она всегда старалась заглушать,
Кричать других просила с этой целью.

¹⁴⁵ А в сердце Иды старец древний скрыт;
Спиною к Дамiette обращенный,
Очами – к Риму. Золотом блестит

¹⁴⁸ Его чело; стан, гордо обнаженный,
Из серебра, – от пояса до ног —
Со сталью медь. Из глины обожженной

¹⁵¹ Одна нога, но на нее он мог
Наклонно, с большой силой опираться.
Из старца льются слезы, как поток,

¹⁵⁴ И как поток могучий, пробиваться
Сквозь гору смело могут и спешат
Вот в эту бездну с шумом изливаться,

¹⁵⁷ Где их тройной ужасный водопад
Является рекою Ахероном,
Потоком Стикса – он-то вводит в Ад —

^{79} «В уединении жил древний царь когда-то». – Сатурн, царствовавший во времена золотого века.

¹⁶⁰ И грозным, вечно темным Флегетоном;
Затем последний суженый проток
В мрак черной бездны падает со стоном,

¹⁶³ Откуда уж паденья нет^{80}». Он смолк.
Но я спросил: «Когда источник Ада
Идет с земли, где начал свой исток,

¹⁶⁶ То почему для нашего он взгляда
Заметен только в этой глубине,
Среди зловоний мерзостных и смрада?»

¹⁶⁹ И отвечал путеводитель мне:
«Мы в Ад с тобой идем кругообразно.
И хоть мы шли по левой стороне,

¹⁷² Но многого, что так разнообразно,
Еще не усмотрели; потому
Иди вперед, не рассуждая праздно:

¹⁷⁵ Здесь впереди есть многое, чему
Ты можешь на досуге подивиться». —
Но я опять проговорил ему:

¹⁷⁸ «Еще хочу в одном я убедиться:
Скажи, учитель, где же Флегетон?
И где источник Леты здесь таится?

¹⁸¹ О нем ты умолчал. Так где же он?
Ты передал о первом мне сказанье,
Что он несет с собой со всех сторон

¹⁸⁴ Людские стоны, вздохи и рыдания». —
«Охотно отвечать тебе я рад, —
Он молвил мне, — но это клокотанье

¹⁸⁷ Кровавых вод, бегущих через Ад,
Не лучше ль будет всякого ответа:
Лишь брось вперед свой изумленный взгляд.

¹⁹⁰ А Лету ты увидишь, — только Лета
Еще не здесь, где грех нашел приют,

^{80} «А в середине Иды старец древний скрыт...» — Старец олицетворяет время; голова из чистого золота означает век невинности, или золотой век; грудь и руки из серебра — век, следовавший за золотым, или серебряный; медное туловище и железная нога — века менее счастливые; нога из глины — век, в который жил Данте, век испорченной нравственности и сомнительного счастья. Старец обращен лицом к Риму, как к престолу истинной веры, а спиной к Дамiette, как к гнезду язычества и заблуждений. Слезы, бегущие из расселин времени, — грехи людей, стекающие в адскую бездну.

Но там, где души чистые живут,

¹⁹³ Познавшие за грех свой отпущенье,
И ждущие прощенья Небес...»
Затем поэт прибавил в заключение:

¹⁹⁶ «Теперь покинем мы ужасный лес.
Не отставать за мною ты старайся
Вдоль берега... огонь его исчез.

¹⁹⁹ Ты ног своих обжечь не опасайся».

Песня пятнадцатая

Поэты проходят по каменным переходам Флегетона. Навстречу им попадается Брунетто Латини, бывший учитель Данте, которому он предсказывает славу и несчастья.

¹ По каменному берегу мы шли.
Над пропастью, как облака, вставали
Густые испарения вдали

⁴ И пламя то мгновенно поглощали,
Которое дождем лилось в поток.
Как против волн плотины воздвигали

⁷ Во Фландрии, – напор их был жесток —
Меж Бригге и Кадзантом^{81}, или точно
На Бренте^{82}, часто, полные тревог,

¹⁰ Падуи обитатели нарочно
Окопами спасали города
И замки все, построенные прочно,

¹³ Так зодчий Ада создал навсегда
Плотину вдоль печального потока,
Хотя не так обширна и горда

¹⁶ Она на вид... Оставили далеко
Мы за собой зловещий, темный бор:
Когда б назад мы устремили око,

¹⁹ То леса не заметил бы наш взор.
Толпа теней навстречу нам попалась.
Как в поздний час, когда ночной дозор

²² Начнет луна, прохожему случалось
Внимательно смотреть на нас сквозь мглу,
Что над землей туманом расстилалась,

²⁵ Иль как портной, вдевающий в иглу
Нить тонкую, прищуря глаз единый,
Когда сидит с работой он в углу, —

^{81} Кадзант – маленький остров к северо-западу от Бригге.

^{82} *Брента* – река, вытекающая из той части Альпийских гор, которая называется Киарентата. Летом она разливается от тающих снегов, и жители ограждают свои жилища окопами.

²⁸ Так точно, тихо шествуя долиной,
Смотрели зорко призраки на нас.
Вдруг тень одна с какой-то странной миной

³¹ Воскликнула, невольно ухватясь
Своей рукой за плащ мой: «Что за чудо!»
И от меня не отводила глаз.

³⁴ Обожжено, измучено и худо
Лицо той тени было, но узнать
Успел знакомый образ я, покуда

³⁷ Тень продолжала за полу хватать
Меня рукой. «Брунетто^[83], вы ли это?» —
Тень грешника я начал вопрошать.

⁴⁰ И отвечал с мольбою мне Брунетто:
«Мой милый сын! Прошу я об одном,
Коль стою я участия и привета:

⁴³ Умерим шаг и дальше отойдем
От призраков». И отвечал я тени:
«Отказывать вам не могу я в том

⁴⁶ И, если вы хотите, на мгновенье
Могу теперь присесть я подле вас,
Когда на это даст мне позволение

⁴⁹ Мой спутник, помогавший мне не раз». —
«О, сын мой, — он ответил, — ожидает
Столетняя беда того из нас,

⁵² Кто на пути ужасном отдыхает,
И пролежит за это он сто лет
Под тем дождем, который сожигает;

⁵⁵ За медленность для нас спасенья нет.
Иди же ты вперед своей дорогой,
И за тобой отправлюсь я вослед,

⁵⁸ Чтоб вновь потом с уныньем и тревогой
Пристать к толпе измученных теней,
Не ведавших конца их кары строгой».

^[83] *Брунетто Латини* – учитель Данте и Гвидо Кавальканти, родом из Флоренции. Оратор, поэт, историк, философ, астролог и богослов, он в особенности известен по своему физико-математическому сочинению под названием «Сокровище». Оно написано в Париже, на французском языке, во время изгнания Брунетто.

⁶¹ Я не посмел сойти с тропы моей,
Чтобы идти с несчастной тенью рядом,
И шел вперед дорогою своей.

⁶⁴ С опущенным в задумчивости взглядом
Спросила тень: «Как ты сюда попал,
Когда еще не поглощен ты Адом?

⁶⁷ И кто тебе путь в Тартар указал?»
«Там, на земле, где блещет свет доныне,
Я заплутался, – так я отвечал, —

⁷⁰ В одной глухой, таинственной долине,
Хотя еще пути земного срок
Не перешел. Уже хотел в кручине

⁷³ Вчера поутру я идти назад,
Как пред собой увидел мудреца я,
И с ним тогда, не побоясь преград,

⁷⁶ Ужасные картины созерцая,
Я двинулся по этому пути».
И грешник отвечал: «Не уставая,

⁷⁹ Ты должен за звездой своей идти,
И если я угадывать умею,
То на земле успеешь ты найти

⁸² Удел великий. Участью твоею
Я занялся с успехом, может быть,
Когда бы мог, – о чем я сожалею, —

⁸⁵ В могилу слишком рано не сходить.
И, видя милость Бога над тобою,
Я мог бы каждый труд твой поощрить...

⁸⁸ Поставлен выше многих ты судьбою, —
Но знай, неблагодарный тот народ
За все добро отмстит тебе враждою.

⁹¹ Народ, сошедший некогда с высот
Старинной Фиезолы^[84], беспрестанно

^[84] «Народ, сошедший некогда с высот / Старинной Фиезолы...» – «Неблагодарным и злым» народом Данте называет флорентийцев. Часть из них происходила из Фиезолы – города, расположенного в гористых окрестностях, в близком расстоянии от Флоренции.

Тебя везде преследовать начнет.

⁹⁴ Но это, сын мой, вовсе мне не странно:
С рябиной горькой рядом не растет
Развившийся в саду благоуханно

⁹⁷ Румяный, наливной и сладкий плод.
О, жалкое, безнравственное племя!
Недаром про него молва идет,

¹⁰⁰ Что тяготит на нем пороков бремя...
Грехами их себя не оскверни.
О, от тебя недалеко то время,

¹⁰³ Когда слепцы очнутся, и они
Начнут тебя молить о возвращенье,
Поклонятся тебе в иные дни,

¹⁰⁶ Но уж бесплодны будут их моления.
Пусть, как скоты, толпа фиезолов
На месте мрет, не видя сожаленья,

¹⁰⁹ Но пусть нога бессмысленных граждан
До почвы той случайно не коснется,
Где семя благородное римлян,

¹¹² Быть может, неожиданно пробьется.
Я отвечал: «Доныне, может быть,
Вам не пришлось бы с смертью бороться.

¹¹⁵ Доныне бы могли вы в мире жить,
Когда б моим молениям внимали...
Но в памяти я бережно хранить

¹¹⁸ Ваш образ буду, с трепетом печали
Припоминая прошлые года,
Когда еще вы в мире обитали

¹²¹ И были в нем отцом моим, когда
К бессмертию мне путь прямой открыли,
Путь славы и упорного труда,

¹²⁴ И я – клянусь – с собой в одной могиле
О вас воспоминанье схороню...
А все, что мне вы в будущем открыли,

¹²⁷ Я запишу и вместе сохраню

С другими предсказаниями до слова:
Их тайный смысл тогда я оценю,

¹³⁰ Когда его мне разъяснить готова
Святая дева^{85} будет, если я
Когда-нибудь с ней повстречаюсь снова.

¹³³ Но знайте вы, – скажу я, не тая:
Готов на все я в жизни испытанья,
Была бы лишь чиста душа моя.

¹³⁶ Не страшны для меня все предсказания...
Так пусть, не подчиняясь никому,
Фортуна награждает, и старанье

¹³⁹ Приложит каждый к делу своему».
Тогда учитель тихо мне заметил:
«Не изменяет память лишь тому,

¹⁴² Кто слушал чутко всех, кого он встретил».
И подвигался дальше я вперед
И ждал, чтобы Брунетто мне ответил.

¹⁴⁵ Кто жалкий жребий вместе делит с ним
И кто его товарищи в несчастье.
Он отвечал: «Их много здесь. К иным

¹⁴⁸ Питаю я невольное участие,
О многих же не стоит говорить,
А время мчится быстро. Вне пристрастья,

¹⁵¹ Однако, их умею я ценить:
Из звания духовного на свете
Поистине могли те люди слыть

¹⁵⁴ Учеными, и все попали в сети
Единого греха... Вот Присциан^{86}
Идет в толпе, где плачут тени эти,

¹⁵⁷ И слезы их текут по язвам ран.
А вот Франциск д'Аккорсо^{87}. Если б даже
Ты захотел увидеть сквозь туман

^{85} Святая дева – т.е. Беатриче.

^{86} Присциан из Кесарии – известный римский грамматик VI столетия.

^{87} Франциск д'Аккорсо – знаменитый проповедник.

¹⁶⁰ То зрелище, которого нет гаже,
То я б тебе на призрак указал
Развратника^{88}. Он под охраной стражи, —

¹⁶³ Как Господа служитель приказал^{89},
Был сослан к берегам Бакилионе,
Где смерть от истощения узнал.

¹⁶⁶ О множестве ужасных беззаконий
Тебе, мой сын, я мог бы рассказать,
Но впереди я вижу чад зловоний:

¹⁶⁹ Оттуда к нам идет другая рать
Несчастных душ, но с ними здесь встречаться
Не должен я...» И побежал он вспять.

¹⁷² Так на бегу Веронском люди мчатся
За призом из зеленого сукна^{90},
И каждому могло бы показаться,

¹⁷⁵ Что впереди несчастного должна
Приветствовать победа и награда
В том месте, где угрюмый сатана

¹⁷⁸ Терзает лишь всех поселенцев Ада.

^{88} «То я б тебе на призрак указал / Развратника». — Т. е. на Андрея де Моцуи, епископа флорентийского, который за свою известную безнравственность был переведен в Виченцу, где протекает река Бакилионе.

^{89} Господа служитель... — т. е. служитель служителей Господа. Так называют себя папы в своих буллах.

^{90} За призом из зеленого сукна... — В Вероне были установлены соревнования по бегу, на которых каждый победитель получал в награду кусок зеленого сукна. Эти соревнования, как правило, проходили в первый день Великого поста.

Песня шестнадцатая

Продолжение третьего подразделения седьмого круга. Путникам попадаются навстречу три призрака. Их жалобы и признания, которые глубоко трогают поэта. Новое виденье.

¹ Когда к тому мы месту подошли,
Где водопада гул стал раздаваться,
Подобный пчел жужжанию, вдруг вдали

⁴ Из той толпы, что стала появляться,
Три тени отделились и бегом,
Завидя нас, к нам стали приближаться,

⁷ Бичуемы пылающим дождем.
«Остановись, пришлец землерожденный! —
Кричали эти призраки втроем. —

¹⁰ Ты сын отчизны нашей развращенной,
Что можно по одежде угадать!»
Ужасен был их образ истомленный;

¹³ Не уставал их язвы разжигать
Дождь огненный... О вечном их страданье
Я не могу доныне вспоминать:

¹⁶ О нем ужасно и воспоминанье.
Услыша зов, заметил мне поэт:
«Остановись! Почтенья и вниманья

¹⁹ Они достойны. Если бы их след
Дождь пламенный не покрывал огнями,
То я тебе преподал бы совет

²² Приблизиться к ним быстрыми шагами».
Окликнули три тени нас опять
И, наконец, лишь поравнялись с нами,

²⁵ Составив круг, с стенаньями скакать,
Как дикие полунагие стали,
Которые пред тем, как бой начать,

²⁸ Противников глазами измеряли.
Так, перед нами прыгая в огне,
Три тени постоянно обращали

³¹ Свое лицо усталое ко мне,
И тень одна воскликнула уныло:
«О, если в этой мрачной стороне

³⁴ Лишь омерзенье только возбудило
Страданье изъязвленных наших тел,
То хоть за то, что в прошлом нашем было,

³⁷ Хоть ради многих славных наших дел,
Скажи, кто ты, идущий чрез ограды,
Где человек живой ходить не смел?

⁴⁰ Смотри: вот внук прекрасной Гуальдрады.
Иду я по его теперь следам.
Он в язвах весь, его обвили гады,

⁴³ Но некогда он знатен был, поверь.
Узнай: его зовут Гвидо Гьерра^[91].
Трудился он, не побоясь потерь,

⁴⁶ Мечом и головою; был примером
Для нации. Идущий вслед за мной:
Теггьяйо Альдобранди^[92]; Люцифером

⁴⁹ Теперь он взят, но на земле у вас
О нем не позабудут, вероятно,
И вспомнят с благодарностью не раз.

⁵² А я, погибший с ними невовратно,
Джакопо Рустикуччи^[93]. Скорбь в Аду
Мне не была бы, может быть, понятна,

⁵⁵ Когда бы злой жены, как на беду,
Я не имел: жена меня сгубила».
Когда б я мог укрыться на ходу

⁵⁸ От пламени, что вниз дождем сходило,
То броситься решился бы к теням,
И думаю, на то дано б мне было

^[91] Гвидо Гьерра – внук прекрасной Гуальдрады и графа Гвидо, сын Руджиери. В битве при Беневенте между Карлом I и Манфредом был главным виновником победы, которую одержал Карл I. Манфред, как известно, был убит в этом сражении.

^[92] Теггьяйо Альдобранди – родом из фамилии Адимири. Он не советовал флорентийцам идти на Сиену, но те его не послушались и были наголову разбиты в битве при долине Арби.

^[93] Джакопо Рустикуччи – богатый флорентийский рыцарь, все свои несчастья объясняющий злобой своей жены, которая сумела возбудить в нем ненависть ко всем женщинам.

⁶¹ Согласие учителя, но сам
Я мог сгореть и в прах испепелиться,
И я не мог навстречу, как к друзьям,

⁶⁴ К ним броситься и их обнять решиться...
И я сказал: «Картина ваших мук
Ужасна так, что плачем разразиться

⁶⁷ От жалости я в состояние вдруг.
И эта жалость так неизгладима,
Что долго не забыть мне адский круг,

⁷⁰ Где жжет вас дождь! Душа моя томима
Невольным состраданием с тех пор,
Как встретил вас, пройти желавших мимо.

⁷³ Да, родина одна у нас. Мой взор
С сочувствием на вас я обращаю.
О всех деяньях ваших в разговор

⁷⁶ С особою охотой я вступаю...
Наставником своим руководим,
Увидеть лучший мир я ожидаю,

⁷⁹ Но прежде с добрым спутником моим
Я должен в Ад глубокий опуститься...»
«О, будь же Небесами ты храним

⁸² И долго пусть твой дух не отрешится
От плоти, — так мне призрак отвечал. —
И пусть ничем надолго не затмится

⁸⁵ Величья блеск, которым ты сиял.
Но расскажи теперь мне об отчизне:
Ужели дух сограждан в ней упал?

⁸⁸ Иль доблестей нет более в их жизни?
Деянья их в иные времена
Не подвергались общей укоризне...

⁹¹ О, родина!.. Ужели так она
Испортилась в зловонной атмосфере,
Ужель отчизна так теперь скудна,

⁹⁴ Как здесь передавал наш Борсиере^{94},
Который очутился среди нас...
О, не скрывай, скажи по крайней мере:

⁹⁷ Ужели справедлив его рассказ?»
«Флоренция несчастная! Ты пала
Так низко, обесславившись не раз,

¹⁰⁰ Что даже наконец сама ты стала
Оплакивать позорный свой удел!..»
Так я воскликнул с горечью немалой:

¹⁰³ Я скрыть от них всей правды не хотел.
Переглянулись тени меж собою
И поняли, что лгать я не умел.

¹⁰⁶ «Гордимся мы беседою с тобою, —
Три призрака сказали разом мне, —
Свободою ты награжден судьбою —

¹⁰⁹ Всем истину высказывать вполне...
Когда на землю вновь ты возвратишься,
Где ярко блещут звезды в вышине,

¹¹² И говорить о виденном решишься,
Поведай людям повесть наших мук
И все, чему ты в тартаре дивишься...»

¹¹⁵ Тут призраки расторгли общий круг
И разбежались, молнии быстрее,
И назади исчезли где-то вдруг...

¹¹⁸ «Аминь» проговорить нельзя скорее
Мгновенного их бегства, — и опять
Я следовал за спутником бодрее.

¹²¹ Но только начал путь свой продолжать,
Как всплеск воды вблизи меня раздался^{95},
И сильно так, что мог бы заглушать

¹²⁴ Слова людей... Идти я колебался...
Как тот поток, что, падая с высот

^{94} *Гуильельм Борсиере* – флорентинец знаменитого рода, известный своим остроумием. О нем же упоминает и Боккаччо в «Декамероне».

^{95} *Как всплеск воды вблизи меня раздался...* – Здесь упоминается о реке Монтоне, которая до Форли носит название Аквакета. Вместе с рекой По она вытекает из той части Альп, которая называется Монвизо.

Монвизо, Аквакетой назывался,

¹²⁷ Ее поток в верховьях и падет.
Ревущим водопадом близ аббатства
Святого Бенедикта^[96], где народ

¹³⁰ В монастыре встречал одно богатство
И где могли найти себе приют
До тысячи монашеского братства, —

¹³³ Так со скалы, как зверь голодный лют,
Поток пред нами с ревом низвергался,
И оглушить, казалось, в пять минут

¹³⁶ Мог всякого, кто к бездне приближался...
Веревкою я опоясан был,
Которой барса некогда старался

¹³⁹ Я изловить, когда я в Ад вступил.
Веревку развязал я по желанию
Учителя, в клубок руками свил

¹⁴² И отдал, столь привыкший к послушанью,
Наставнику. К той бездне, где поток
Переходил от гула к рокотанью,

¹⁴⁵ Он подошел и бросил мой клубок
В глубь пропасти, и размышлял я тайно:
«Недаром взор учителя так строг

¹⁴⁸ И что-нибудь, что ново чрезвычайно,
Я, вероятно, должен увидеть...»
О, люди! Если встретите случайно

¹⁵¹ Того, кто ваши помыслы читать
Привык из глаз, то будьте осторожны!..
Меня учитель понял и сказать

¹⁵⁴ Мне поспешил (что слушал я тревожно):
«Я жду того, кто явится сейчас;
Сейчас тебе увидеть будет можно

¹⁵⁷ Неясный призрак дум твоих...» Не раз
Мы истину в обличье лжи встречали;

^[96] *Аббатство Святого Бенедикта* – богатый монастырь, в котором, по свидетельству Данте, могло бы поместиться совершенно свободно до тысячи монахов, но жадность властей ограничила их число.

Подобного коварства устыдясь,

¹⁶⁰ Сомкнем уста свои, чтоб не слетали
Слова неправды, но – клянусь молчать
Теперь я в состоянии едва ли.

¹⁶³ В своих стихах я должен рассказать,
Как предо мной из тьмы густой явился
Ужасный образ. Стал я трепетать,

¹⁶⁶ Когда мой взор на нем остановился.
Так иногда всплывает вверх моряк,
Который в омут моря опустил,

¹⁶⁹ Где царствует холодный, вечный мрак.

Песня семнадцатая

¹ «Вот, вот оно, чудовище с хвостом,
Как пика, заостренным! Через горы
Оно летит и рушит все кругом:

⁴ Оружие и стены, и затворы,
И целый мир умеет заражать
Зловонием». Так вверх, поднявши взоры,

⁷ Сказал певец и стал к себе он звать
Чудовище, маня его рукою.
И тот, в ком приходилось нам узнать

¹⁰ Коварства образ, начал головою
И туловищем на берег ползти,
Но страшный хвост свой прятал под водою.

¹³ В его лице могли бы мы найти
Души прекрасной, чистой выраженье:
То дух добра, казалось, во плоти, —

¹⁶ А хвост его, родивший омерзенье,
Змеиный был. Две лапы и спина
Покрыты шерстью; адского творенья

¹⁹ Крутая грудь была испещрена
Узорами и пестрыми цветами:
По яркости им уступить должна

²² Ткань Азии с турецкими коврами;
Арахны ткань поспорить не могла
С их пестротой узорными каймами.

²⁵ Как бы ладья, которая всплыла
Вдруг на берег одною стороною,
Другою же погружена была

²⁸ Еще в воде, иль, как бобры весною,
В стране Тедесков ждут на берегу
Недвижные, с согнутою спиною,

³¹ Чтоб броситься к беспечному врагу,
Так мерзкое чудовище таилось
У берега, — забыть я не могу, —

³⁴ Поднявши хвост, над бездною крутилось
И, жало ядовитое раскрыв,
Как жало скорпиона, наклонилось

³⁷ У пропасти. «Мы обойдем обрыв,
Чтоб подойти, – мне молвил мой вожатый, —
К чудовищу. Иди, не будь ленив,

⁴⁰ Туда, где отдыхает зверь мохнатый».
Спустились мы по правой стороне
И тихо шли, боясь, чтоб дождь проклятый

⁴³ Нечаянно не повредил бы мне.
К чудовищу уж близко подошли мы;
Как на отвесном склоне, в стороне

⁴⁶ Теней мы увидали. Недвижимы,
Они сидели молча на песке,
Мучительными думами томимы.

⁴⁹ Их лиц не видно было вдалеке.
«Чтобы узнать всю горечь их страданий,
Иди, приблизься к ним: по их тоске

⁵² Ты разгадаешь участь тех созданий,
Но краток будь в речах своих, смотри,
А я меж тем, предвидя все заране,

⁵⁵ Чудовищу промолвлю слова три:
Пусть он своими мощными плечами
Поможет нам. Иди ж, поговори

⁵⁸ С несчастными». Учителя речами
Я успокоен был и шел туда,
Где бледные, с потухшими очами,

⁶¹ Сидели тени. Слезы никогда
На лицах их в Аду не высыхали.
Чтоб жгучий дождь не сделал им вреда,

⁶⁴ Они руками тощими махали,
Отбрасывая пламенный песок:
Так иногда, язвимый комарами

⁶⁷ И осами, усталых псов кружок
То мечется, то лапами сгоняет

Несносных мух... Я оторвать не мог

⁷⁰ Своих очей от призраков: смущает
Меня их скорбь под огненным дождем,
Который, как и прежде, не смолкает.

⁷³ Но кто они? Их образ незнаком
Был для меня: ни разу я не встретил
Их на земле в дни прежние. Потом

⁷⁶ На каждой шее призрака заметил
Я сумки разных красок. Украшал
Те сумки знак особенный^{97}. И светел

⁷⁹ Дух каждый становился и дрожал
От радости, когда с особым знаком
Свою суму глазами пожирал.

⁸² Я подошел поближе, чтоб под мраком
Их рассмотреть, и на одной суме,
Которая желта была, под лаком

⁸⁵ Льва синего я разглядел во тьме.
Затем я не оставил обозренья:
На красной сумке видно стало мне

⁸⁸ Гусыни небольшой изображение,
Которая, как снег, была бела.
Вот далее явилось привиденье,

⁹¹ И белая сума его была
Украшена свиньей голубой,
И эта тень тогда произнесла:

⁹⁴ «Скажи, зачем ты занесен судьбою
Сюда и в эту яму погружен?
И знаешь ли, кто рядом здесь с тобою

⁹⁷ Появится? Я вижу, смертный сон
На голову твою не опустился,
Так знай, что Витальяно^{98} осужден,

¹⁰⁰ И хоть в Аду пока он не явился,
Но вечно здесь он осужден страдать.

^{97} Украшал / Те сумки знак особенный. – Поэт пересчитывает гербы разных ростовщиков.

^{98} *Витальяно дель Денте* – известный ростовщик того времени в Падуе.

Так уходи ж отсюда!.. Поселился

¹⁰³ Как Падуанец, здесь я, чтобы внимать
Такие флорентинцев восклицанья:
«О, рыцарь полновластный! Будем ждать,

¹⁰⁶ Что он сойдет в мир вечного страданья
С той сумкой, где три клева он носил...»
И призрак, кончив горькое сказанье,

¹⁰⁹ В одну минуту рот свой искривил
И высунул язык свой он; так точно
Облизываться бык иной любил.

¹¹² Меж тем, боясь, чтобы меня заочно
За медленность учитель не корил,
Я поспешил назад к нему нарочно

¹¹⁵ И за теньями больше не следил.
Учитель мой уже сидел в то время
На раменах чудовища и был

¹¹⁸ Готов лететь. «Садись, двойное бремя
Ему легко; будь тверд теперь и смел.
Отсюда спуск, – скалы отлого темя, —

¹²¹ Опасен нам, и ты бы оробел
Без помощи чудовища спускаться.
Хочу, чтоб в середине ты сидел,

¹²⁴ Иначе хвост, что очень может стать,
Тебе дорогой может повредить».
Как человек, успевший растеряться,

¹²⁷ Когда его в ознобе станет бить
Лихая лихорадка и, синея,
Захолодеет тело, – может быть,

¹³⁰ Таков был я. От ужаса бледнея,
Учителя слова я услышал,
Но, увещанья слыша, стал бодрее,

¹³³ Как раб, который возле увидал
Бесстрашного владыку. Поместился
Я на плечах чудовища, желал

¹³⁶ Просить певца, но только не решился

Ему сказать: «Ах, обними меня!»
Но мысль мою он понял, наклонился,

¹³⁹ Привлек к себе, руками охраня,
И крикнул так: «Ну, Герион, в дорогу!
Ты, ношу непривычную ценя,

¹⁴² Спускайся вниз кругами понемногу:
Пусть будет тих могучий твой полет».
Я затаил в себе души тревогу,

¹⁴⁵ Прильнув к путеводителю, – и вот,
Как челн, с песчаной отмели сходящий
И тихо выплывающий вперед,

¹⁴⁸ Так двигался наш кормчий настоящий;
Махая грозно лапами во тьме,
И с нами быстро в воздухе летящий...

¹⁵¹ Боюсь сказать, как страшно стало мне:
Не так смутилось сердце Фазтона,
Когда, поводья бросив в вышине,

¹⁵⁴ Зажег он небеса во время оно, —
Не так Икар несчастный был смущен,
Когда под жарким солнцем небосклона

¹⁵⁷ Воск на крылах его был растоплен
И услышал отца он восклицанье:
«Избрал ты путь несчастный, и вот он

¹⁶⁰ Тебя сгубил!» Мой страх, мое страданье
Ужасней были в миг, когда из глаз
Исчезло все, когда лишь колебанье

¹⁶³ Чудовища я видел в страшный час
И воздух под собой и над собою.
Мы плыли тихо, медленно кружась,

¹⁶⁶ Но я не мог, кругом охвачен мглою,
Воздушного полета замечать,
Лишь услышал, что вправо подо мною

¹⁶⁹ Ад темной бездны начал грохотать.
Чтоб вниз взглянуть, я круто вдруг нагнулся
И в тот же миг стал сильно трепетать

¹⁷² И в ужасе невольном содрогнулся:
Из темной бездны стоны к нам неслись
И огоньки сверкали там... Свернулся

¹⁷⁵ Почти в клубок я, заглянувши вниз,
И зрелище мучительных страданий
Стал постигать... Все житея напряглись...

¹⁷⁸ Как сокол после долгого летанья,
Не видя птиц, спускается назад,
Кончая бесполезное порханье,

¹⁸¹ Так Герион спустил нас в темный Ад,
Стал на одно мгновенье под скалою
И, бросивши на нас последний взгляд,

¹⁸⁴ Помчался и из глаз исчез стрелою.

Песня восемнадцатая

Путники очутились в восьмом круге Ада, называемом Малебольдже (Злые Рвы). Слостолюбцы и оболъстители. Явление льстецов.

¹ Особый есть вертеп в Аду, и он
Зовется *Малебольдже*^{99}, окруженный
Гранитною стеной со всех сторон.

⁴ Среди того вертепа есть бездонный,
Громаднейший колодезь. Между ним
И темною стеной, там водруженной,

⁷ Пространство круговидно и своим
Пугает видом: скалами и рвами,
Подобно всем защитам крепостным,

¹⁰ Разделены, в вертепе перед нами
Открылись десять пропастей... Смущен,
Я вкруг смотрел, когда, сверкнув глазами,

¹³ Нас сбросил в это место Герион.
Поэт со мной направил путь левее,
И на пути я слышал тяжкий стон

¹⁶ Других теней и различал во мгле я
Их палачей жестоких. В два ряда,
С стенами над темной бездной рея,

¹⁹ Неслись толпы теней. Одни туда,
Откуда шли мы в мраке, а другие
Навстречу к нам. Так иногда

²² Без слов, как эти призраки нагие,
В дни торжества идут толпой двойной
Молельщики по Риму... И шаги я

²⁵ Замедлил: здесь и там передо мной,
То прячась, то являясь над стенами
И не смущаясь грозной крутизной,

²⁸ Мелькали бесы адские с рогами

^{99} Малёбольдже – восьмой круг Ада, разделенный на десять вертепов. Malebolge в переводе – Злые Рвы. В этой и в следующих песнях сохранены итальянские имена демонов, без истолкования значения этих имен.

И, грешников преследуя меж скал,
Их поражали длинными бичами.

³¹ И каждый грешник прыгал и стонал,
От нового удара укрываясь.
Не торопясь я путь свой продолжал,

³⁴ Когда ж, вперед во мраке подвигаясь,
Я встретился с одною из теней,
То, смутному желанью покоряясь,

³⁷ Воскликнул: «Я уже встречался с ней».
И в ту ж минуту вдруг остановился,
Чтоб рассмотреть знакомого прежних дней.

⁴⁰ Мой спутник шаг умерил и решился
Не торопить меня. Склонив чело,
Несчастный грешник словно устыдился,

⁴³ Увидя нас, как будто бы вело
К чему-нибудь то позднее смущенье.
И я сказал: «Хоть муками свело

⁴⁶ Твои черты, несчастное виденье,
Но, кажется, тебя я узнаю:
Каччьянимико^{100} ты. В вертеп мученья

⁴⁹ Как ты попал?» «Не утаю, —
Он молвил мне, — ты мне напоминаешь
Приятной речью родину мою,

⁵² И от меня всю правду ты узнаешь...
В падении сестры я виноват:
Ты здесь меня за этот грех встречаешь.

⁵⁵ Да, за сестру я был повержен в Ад.
Но из болонских граждан в этом пекле
Не я один: они в Аду кишат

⁵⁸ По всем углам, где бесы их иссекли
За их корысть. Ты знаешь сам о том
Пороке их: они не целый век ли

⁶¹ Любостяжаньем славились?» Потом,
Едва он смолк, как демон появился

^{100} Венедико Каччьянимико – продал свою сестру Гезолу маркизу феррарскому Обиццо д'Эсте.

И, грешника ударивши бичом,

⁶⁴ Проклятьем над несчастным разразился:
«Вперед, каналья! Здесь не отыскать
Тебе продажных женщин!..» Я пустился

⁶⁷ Учителя скорее догонять
И продолжал с ним путь, не отставая.
Сквозь мрак густой я начал различать

⁷⁰ Скалу, что поднималась, выступая
Из-за стены. Не встретивши преград
И пропасть эту вечную бросая,

⁷³ Мы на скалу взошли. Я бросил взгляд
Туда, где на две части распадалась
Скала: тут вечно проходили в ряд

⁷⁶ Бичуемые грешники; казалось,
Что был для них устроен тот проход.
И в этот миг речь спутника раздалась:

⁷⁹ «Остановись и не спеши вперед!
Тебе взглянуть на тех необходимо,
Которые шли сзади нас...» И вот

⁸² Я увидел, как проходила мимо
Толпа других теней и так же их
Бичами погонял неутомимо

⁸⁵ Ряд демонов. Тогда, речей моих
Не дожидаясь, молвил мне Вергилий:
«Смотри сюда! Как величаво-тих

⁸⁸ Идет вон этот грешник. Не смутили
Его мученья адские, и он
Не знает слез; доныне сохранили

⁹¹ Величие черты его. Ясон^{101} —
Перед тобой. Он смелый похититель
Руна в Колхиде. Славой ослеплен,

⁹⁴ Он посетил, — так продолжал учитель, —
И остров Лемнос: женщинами там
Мужчины все убиты были; мститель

^{101} Ясон — обольстил Изифилу и Медею, а потом бросил их.

⁹⁷ За них явился скоро. По следам
Убийц прошел Ясон; его пленила
Одна – отроковица по летам —

¹⁰⁰ Красавица, ей имя Изифила^{102},
Которая, всех обманув подруг,
Спасла отца. С Ясоном в связь вступила

¹⁰³ Та девушка, но брошена им, вдруг
На острове осталась одинокой.
И казнь невыносимых, тяжких мук

¹⁰⁶ За то постигла в пропасти глубокой
Коварного Ясона; тот же Ад
Его карает казнию жестокой

¹⁰⁹ И за Медею также... В круг спешат
Преступники, подобные Ясону...
Но с ними ознакомился твой взгляд;

¹¹² Мы далее отправимся по склону
Скалы». И по тропинке мы пришли
В другой вертеп, и гул, подобный стону,

¹¹⁵ Оттуда неся. Призраки вдали
Себя руками бешено терзали
И сдерживать проклятий не могли,

¹¹⁸ А из вертепа облаком вставали
Густые испаренья и кругом
Недвижно-мертвый воздух отравляли.

¹²¹ Вертеп тот был с таким глубоким дном,
Что со скалы лишь только было можно
Увидеть все, что делается в нем.

¹²⁴ Мы подошли к обрыву осторожно,
Чтоб посмотреть на грешников вблизи,
И я внизу разглядывал тревожно

¹²⁷ Несчастных, утопающих в грязи
Зловонной, отвратительной и смрадной,
С какой-то гнусной жидкостью во связи.

^{102} *Изифила* – дочь Тоанта, царя Лемносского. Во время общего избиения всех мужчин обманом и хитростью спасла своего отца.

¹³⁰ Вертеп обозревая безотрадный,
Я грешника заметил одного,
Мелькавшего в той бездне непроглядной.

¹³³ И видел я, что голова его
Людским пометом вся была покрыта,
И пол и сан несчастного того

¹³⁶ От глаз был скрыт. Воскликнул он сердито:
«Зачем *на мне* ты взор остановил,
Когда твоим глазам вполне открыто

¹³⁹ Позорище других теней?» Спешил
Я отвечать: «О, кажется, в тебе я
Узнал того, кем некогда ты был.

¹⁴² Не ты ль, Алессио Интерминеи
Из Лукки? Да, ты волоса носил
Сухие прежде, вид иной имея.

¹⁴⁵ Вот потому-то вдруг и обратил
Ты на себя теперь мое вниманье...»
Тогда со стоном он проговорил,

¹⁴⁸ За голову схватившись: «Истязанья
Я здесь терплю за льстивый свой язык:
Я в лести находил свое призванье...»

.....
.....

Пресыщены довольно наши взоры.

Песня девятнадцатая

Поэты подходят к вертепу, где находятся святотатцы. Они встречают папу Николая III, ожидающего Бонифация VIII и Климента V.

¹ «О, Симон-волхв^{103}, и вы, ученики
Его презренно-гнусного раскола,
Умевшие до гробовой доски

⁴ Обманывать во имя произвола.
Готовые за деньги торговать
Религией и Божьей благодатью!

⁷ Теперь для вас готова прозвучать,
Подобная ужасному проклятью,
Труба негодованья моего...

¹⁰ Всех вас, живущих в адском третьем круге,
Щадить я не желаю никого». —
Мы поднялись в волнение и испуге

¹³ Над новой могилой и пришли
К скале одной, которая склонилась
Над пропастью, откуда кверху шли

¹⁶ Миазмы... Правосудье! Совершилась
Казнь лютая над этим морем зла,
Так что земля и небо удивились.

¹⁹ Я в ров взглянул: над ним висела мгла,
Внизу же ямы темные зияли,
В них каменные плиты и зола.

²² Купели ямы те напоминали,
Купели, что у алтаря стоят,
Где дети христианство обретали.

²⁵ Одну купель немного лет назад
Разбил я сам невольно для спасенья
Тонувшего ребенка... Но хотят

^{103} Симон-волхв — в «Деяниях апостолов» говорится о некоем муже по имени Симон, который приобрел себе славу «во граде Самарии». «Видев же Симон, яко возложением рук апостольских, дается Дух Святый, принесе им серебро, глаголя: “Дадите и мне власть сию, да, на него же яще возложу руце, примет Духа Святаго”. Петр же рече к нему: “Серебро твое с тобою да будет в погибель, яко дар Божий непщевал еси серебром стяжати. Нещь ни части ни жребия в словесе сем: ибо сердце твое несть право пред Богом. Покайся убо во злобе твоей сей...”».

²⁸ Иначе объяснять мое движенье^{104};
Пусть, – меня не тронет клевета
И лживых толкователей сужденье.

³¹ Осматривал я страшные места:
Из каждой ямы ноги вверх торчали,
До икр их не скрывалась нагота,

³⁴ Тела ж теней в тех ямах исчезали.
Пылали – видел я – подошвы ног,
И грешники от боли трепетали,

³⁷ И содрогались сильно так, что мог
Порваться ряд веревок, если б ими
Связали тело вдоль и поперек.

⁴⁰ Под язвами страдая огневыми,
Как залитые маслом на огне,
Пылали тени... С ужасом пред ними

⁴³ Я стал тогда, застыла кровь во мне.
«Учитель мой! – я наконец заметил. —
Кто этот грешник, бешеный вполне,

⁴⁶ Которого я в пламени приметил?
Он, кажется, страдает больше всех.
Его мой взгляд с особой болью встретил.

⁴⁹ О, за какой карается он грех?»
И отвечал учитель мой: «Желаешь
Когда ты знать причину казней тех,

⁵² То, вниз спустившись, истину узнаешь —
Кто он такой и как его зовут».
А я ему: «Поэт, ты понимаешь,

⁵⁵ Что за тобою вслед и здесь и тут
Я следовать готов беспрекословно...
Твои труды – есть также и мой труд,

⁵⁸ Тебе я покоряюсь любовно.
Я твой слуга, а ты мой властелин,

^{104} «Одну купель немного лет назад / Разбил я сам...» – В церкви Святого Иоанна, во Флоренции, были четыре купели, закрытые решетками: одну из решеток Данте изломал для спасения упавшего ребенка. Поэт говорит об этом в опровержение клеветы, обвинявшей его в святотатственном наложении рук на святыню.

В которого я верю безусловно,

⁶¹ Который даже может в миг один
Угадывать мои все помышленья.
Противиться тебе – мне нет причин».

⁶⁴ Чрез новую ограду в то мгновенье
Спустились мы в жилище новых мук,
Где раздавались стоны и хрипенье.

⁶⁷ Поэт не выпускал меня из рук,
Пока мы шли до ямы той ужасной,
Где грешник, испуская вопля звук,

⁷⁰ Метался телом всем. «О, ты, несчастный!
Кто б ни был ты, попавший в бездну зол
Вниз головой, истерзанный, безгласный,

⁷³ Поверженный, как в стену вбитый кол,
Скажи, кто ты, когда сказать возможно?»
И, как монах, который вдруг пришел

⁷⁶ На исповедь убийцы, что тревожно
Ждал смерти под засыпанной землей,
Так точно я склонился осторожно

⁷⁹ Над грешником с поникшей головой^{105}.
И грешника услышал я стенанье:
«Ты ль, Бонифаций^{106}, здесь передо мной?

⁸² Так обмануло, значит, предсказанье
Меня на много лет? Иль пресыщен
Так скоро златом ты, и поруганье

⁸⁵ Твое сошло на вечную жену^{107}?»
Я слушал, ничего не понимая,
И словно сознавал свою вину,

⁸⁸ Его речам, неясным мне, внимая.
Тогда Вергилий молвил в свой черед,
Всегда во мне участие принимая:

^{105} *И, как монах, который вдруг пришел / На исповедь убийцы...* – В Италии зарывали убийц головой вниз. Случалось, что, желая замедлить минуту смерти, иной по несколько раз призывал исповедника будто бы для довершения исповеди.

^{106} «Ты ль, Бонифаций...» – Тень грешника, опрокинутого головой вниз, есть тень папы Николая III, из фамилии Орсини. Ту же казнь предсказывает Данте папе Бонифацию VIII, тогда правившему ключами святого Петра.

^{107} *Вечная жена* – т.е. Церковь.

⁹¹ «Скажи ему скорее: я не тот,
Кого во мне ты видишь почему-то...»
И я раскрыл немедленно свой рот:

⁹⁴ «Нет, я не тот!» И, потрясая люто
Ногами, грешник выслушал ответ
И отвечал, – была одна минута,

⁹⁷ Что в голосе его был слышен след
Печальных слез: «Чего же надо
Тебе? Когда в подземный этот свет

¹⁰⁰ Проклятого, карающего Ада
Спустился ты, чтоб от меня узнать,
Кто я такой и как в обитель смрада

¹⁰³ Попал, то я могу тебе сказать.
Мне ничего утаивать не надо
И не хочу перед тобой скрывать,

¹⁰⁶ Что я ходил под мантией великой;
Медведицы я сын^{108}; для медвежат
Сбирал я деньги с жадностью дикой,

¹⁰⁹ И сам за то попал в ужасный Ад,
Которого все грешники боятся.
Сюда, испив мучений вечный яд,

¹¹² Повержены со мной все святотатцы...
Чу! Слышишь, над моею головой
Они в своих конвульсиях кружатся

¹¹⁵ И поднимают дикий, страшный вой.
Я сам к ним должен скоро провалиться.
Когда ко мне в вертеп ужасный мой

¹¹⁸ Тот должен неожиданно явиться,
Кого в тебе сегодня я признал...
Пока из пяток кровь моя струится

¹²¹ И головою в грязь я брошен стал,
Поверженный с горящими ногами,
Он испытает все, что испытал

^{108} *Медведицы я сын...* – Здесь Данте намекает на фамилию Орсини, от которой происходил папа Николай III.

¹²⁴ Я в Тартаре. Потом, его следами
Сойдет жестокий грешник к нам сюда,
Задавленный тяжелыми грехами,

¹²⁷ И здесь он нас прикроет навсегда,
Ясоном новым^{109} ставши в бездне этой:
Ясону царь мирволил без стыда,

¹³⁰ А этот грешник гнусный и отпетый
Найдет опору в гальском короле».
Какой-то странной храбростью согретый,

¹³³ Воскликнул я, и речь была бодра:
«Когда Господь вручал ключи от Рая,
Не думал от апостола Петра

¹³⁶ Он требовать награды, повторяя
Одни слова: «Гряди, гряди за Мной».
И даже Петр, корыстью не сгорая,

¹³⁹ Не требовал, чтобы Матвей святой
Ему дал денег вместо благодати.
Сиди же здесь с казною золотой,

¹⁴² Которую наградил ты, как тати,
Прохожих обиравшие в пути!..
Сиди в Аду, косней в своем разврате,

¹⁴⁵ И если бы я мог в себе найти
Еще грубей, еще сильнее проклятье,
Его бы на тебя я мог свести,

¹⁴⁸ Без сожаленья стал бы проклинять я...
О, ваша алчность землю всю крушит.
Всех ближних обирая без изъятья,

¹⁵¹ Вы потеряли совесть, честь и стыд:
Из золота вы сотворили бога.
Себе язычник идол сотворит

¹⁵⁴ И молится ему лишь только строго,
А вы – у вас сто идолов всегда,
У вас богов на этом свете много,

^{109} *Новый Ясон* – так Данте называет папу Климента V, который был избран папою по покровительству французского короля Филиппа Красивого, напоминая, что Климент, подобно Ясону, купил свой духовный сан.

¹⁵⁷ Которых вы меняли без стыда,
И за такое в мире преступленье
Не снимут с вас проклятья никогда.

¹⁶⁰ О, Константин! Нет, не твое крещение
Зло сделало в прошедшие года,
Но то, что власть и власти нарушение

¹⁶³ Ты смело папе первому вручил
И тем посеял в мире преступленье».
Пока я так над ямой говорил,

¹⁶⁶ В раскаянье иль в гневном исступленье
Ногами грешник молча потрясал...
Но, кажется, мое с ним рассужденье

¹⁶⁹ Учителю понравилось, и он
Внимал словам с улыбкой одобренья,
Их безыскусной правдой восхищен.

¹⁷² Потом схватил меня он в умиление,
Прижал к своей взволнованной груди
И вновь пошел со мной без затрудненья

¹⁷⁵ По прежнему скалистому пути
И вынес на руках к другой ограде,
Где темный мост пришлось нам найти

¹⁷⁸ В подземном, наводящем ужас граде.
Здесь ношу опустил он на скале
Обрывистой и спереди и сзади

¹⁸¹ И столь крутой, что в безрассветной мгле
И дикая коза не в состоянии
Была ходить по страшной крутизне.

¹⁸⁴ Тогда не в очень дальнем расстоянии
Долину пред собой я увидал,
И вновь во мне удвоилось вниманье

¹⁸⁷ Среди других не виданных мной скал.

Песня двадцатая

На дне четвертого рва Данте нашел кудесников и лжепророков. Повесть об основании Мантуи – родины Вергилия.

¹ Иные скорби, горе и мученья
Должны во мне стих новый возродить;
В двадцатой песне этой в сокрушенье

⁴ Я должен муки новые излить.
Я был уж приготовлен к наблюденью
Других причин и мог свой взор вперить

⁷ В обитель плача, предан сожаленью.
В долине круглой множество теней
Я увидал; подобно погребенью

¹⁰ Там, на земле скончавшихся людей,
Их шествие печальное тянулось;
У всех струились слезы из очей...

¹³ Я наклонился ниже – содрогнулась
Тогда моя усталая душа
И сердце с жгучей болью встрепенулось...

¹⁶ Заметил я невольно, чуть дыша,
Что у теней всех свернутые шеи,
Что задом шли они, вперед спеша,

¹⁹ Идти, как все мы, больше не умея.
Так изувечить может паралич,
Суставы человека не жалея.

²² Ужасней казнь уму нельзя постичь
И худшего уродства на земле я
Еще не знал. «Читатель! Кликну клич

²⁵ Тебе! Как мог я, не бледнея,
Переносить подобной казни род,
Как мог я в этот миг, не костенея,

²⁸ Смотреть на изувеченный народ:
Из глаз толпы – нет в мире казни злее —
Лились слезы на спину... Урод

³¹ Не мог иначе плакать... Плакал тоже
И я, склонясь над бездной у скалы,
Рыдал – и пробежала дрожь по коже. —

³⁴ Тогда поэт не скрыл своей хулы!
«Как, на других глупцов и тыходишь...
Они преступны, бешены и злы,

³⁷ А ты к ним сострадание находишь!
Здесь состраданью места вовсе нет,
Ты их по преступленью превосходишь,

⁴⁰ Когда, спустясь в подземный этот свет,
Жалеешь о Небесном приговоре.
Так посмотри сюда ты, мой совет, —

⁴³ Взгляни в лицо того, кто в лютом горе
В глазах Фивян был поглощен землей,
При общих криках о его позоре:

⁴⁶ «Амфиарай^{110}, зачем, покинув бой,
Сквозь землю провалился ты?» Оттуда
Не мог уж снова выползти герой:

⁴⁹ Его тотчас земли покрыла гряда,
И Минос под землей его схватил...
Взгляни теперь; над ним свершилось чудо.

⁵² Где прежде грудь свою он находил
Под бородой, теперь спина явилась:
Он, двигаясь назад, запас истратил сил.

⁵⁵ Взгляни. – Тирезий^{111} вот. Преобразилась
Его фигура. Некогда был он
Мужиной, но из него явилась

⁵⁸ Вдруг женщина: он стал перерожден,
Потом опять он вдруг переменился,
Когда им змей двойной был умерщвлен,

⁶¹ И в образе мужском он вновь явился.

^{110} Амфиарай – один из семи царей, осаждавших Фивы. Во время осады он скрылся, но жена указала его убежище. Вынужденный идти на битву, он, как гласит предание, был поглощен расступившейся землею.

^{111} Тирезий – фивский волхв, побил двух свившихся змей, превратился в женщину, а через семь лет он употребил тот же способ, чтобы снова превратиться в мужчину (Метам., кн. III).

А вот, взгляни, Аронт^{112} за ним идет;
Средь Лунских гор он прежде поселился,

⁶⁴ Из мраморной пещеры небосвод
Мог наблюдать и вечные светила
Следить любил на небе ночи... Вот

⁶⁷ И женщина: всю грудь ее закрыла
Теперь коса, а весь спинной хребет
Открыт для глаз. Ей имя Манто^{113} было.

⁷⁰ Немало стран та жрица исходила,
Пока остановилась в той стране,
Где суждено родиться было мне.

⁷³ Когда отец волшебницы скончался
И посвященный Вакху город пал,
Той девственницы снова путь начался.

⁷⁶ В Италии прекрасной между скал
Есть озеро Бенако^{114} близ Тироля.
В то озеро со всех сторон впадал

⁷⁹ Источник за источником в приволье
Меж Гардой и Валь-Камонико;
Кругом тучнеют пастбища, раздолье

⁸² Потоков освежает их легко.
Там на пути лежит одно болото,
К которому не подходил никто.

⁸⁵ Явившись там, той путнице охота
Пришла остановиться на пути,
Вдали людей с рабынями без счета

⁸⁸ Она приют умела там найти,
И волшебством свободно занималась,
Стараясь от людской толпы уйти.

⁹¹ Когда же смерть неожиданная подкралась
И девственница тихо умерла,
То в те места, где схимница скончалась,

^{112} *Аронт* – тосканский гадатель (Лукан. «Фарсалия» I).

^{113} *Манто* – знаменитая волшебница, дочь Тирезия, фивского волхва. После смерти отца она, по свидетельству Вергилия, оставила Фивы и в Италии родила сына Окна, или Бианпора, основателя Мантуи.

^{114} *Бенако* – озеро, на котором есть маленький островок Св. Георгия; на нем прежде была выстроена часовня, возле которой сходились границы трех епископских владений.

⁹⁴ Где меж болот былинка не росла,
Отвсюду люди начали сходиться,
И там, где чародейка та жила,

⁹⁷ Стал постепенно город возноситься
И в честь *Манто* – *Мантуей* назван был,
Чтоб не могло той имя позабыться,

¹⁰⁰ Которую мантуец каждый чтил.
В дни прежние в местах тех было людно,
Пока там Казалоди^[115] не сгубил

¹⁰³ По воле Пинамонте безрассудно
Весь город. Я об этом рассказал,
За тем, чтоб после было всем нетрудно

¹⁰⁶ Мантуи знать начало; я слышал
Неверные одни предположенья
О том, как город этот возникал,

¹⁰⁹ Но древнее его происхождение
Точнее всех я объяснил теперь,
Так что не может быть опроверженья».

¹¹² Я отвечал: «Учитель мой, поверь,
В твоих речах все ясно и понятно,
И никого не стал бы я теперь

¹¹⁵ Иного слушать... Сильно мне приятно
Доверие твое: скажи мне об одном:
Среди теней ведь есть же, вероятно,

¹¹⁸ Единый дух, в котором мы найдем
Хоть что-нибудь достойное вниманья?
Вот, спутник мой, я думаю о чем».

¹²¹ Ответствовал учитель в то ж мгновенье:
«Смотри: вот этот с длинной бородой —
В те дни, когда вся Греция в смятенье^[116]

^[115] *Казалоди* – был владельцем Мантуи. Пинамонте Бонакосс, дворянин мантуанский и гибеллин, убедил Казалоди изгнать из Мантуи несколько дворянских фамилий. Затем с помощью черни он умертвил оставшихся дворян и, наконец, изгнал и самого Казалоди. Данте называет безумцем Казалоди за легковерие, с которым тот был обманут коварным врагом.

^[116] «В те дни, когда вся Греция в смятенье / Была перед грядущей бедой...» – На Трою ополчилась вся Греция, оставались только дети, не способные носить оружие. Для отплытия кораблей нужно было избрать счастливую минуту: Еврипил и Калхас – авгуры – предсказали ее по полету птиц (Эн., кн. II).

¹²⁴ Была перед грядущею бедой
И многих славных воинов в сраженье
Лишилась вдруг, вот этот муж седой

¹²⁷ Авгуром был с Калхасом прозорливым.
В Авлиде первый он лишь подал знак
Рубить канат. Он звался Еврипилом

¹³⁰ И мной воспет в трагедии был так,
Как, вероятно, помнишь ты прекрасно.
А вот другой – он был великий маг —

¹³³ Вот он, с щеками впалыми ужасно,
Микеле Ското^{117}, вещий астролог;
А вот, провозглашавшие бесстрастно;

¹³⁶ Судьбу людей – Бонатти^{118}, а другой
Асдент^{119}, который рад бы, может случиться,
Свой промысел припомнив дорогой,

¹³⁹ За шило и за дратву снова взяться,
Но слишком поздно каяться он стал,
И уж ему из Ада не урваться.

¹⁴² Ты далее несчастных увидал:
Веретено с иглою побросали
Они затем, чтоб мир в них почитал

¹⁴⁵ Волшебниц злых. Людей они смущали
Посредством разных зелий. Но пойдем
Туда, где нас с тобой не ожидали.

¹⁴⁸ Уж месяц с роковым своим пятном —
С изображеньем Каина^{120} поднялся.
В ту ночь луна – припомни ты о том —

¹⁵¹ Была полна и темный лес казался
При лунном блеске ночи прошлой нам
Не столько страшным: путь наш освещался

¹⁵⁴ Вплоть до зари... Так по моим следам

^{117} *Микеле Ското* – астролог, предсказавший своему государю императору Фридрику II день, место и род его смерти.

^{118} *Гвидо Бонатти* – астролог из Форли.

^{119} *Асдент* – сапожный мастер и тоже астролог времен Фридрика II.

^{120} «*С изображеньем Каина...*» – Простолюдины были убеждены, что на полном месяце видно изображение Каина, несущего связку терний.

Иди теперь...» – проговорил Вергилий,
И следовал я по его стопам

¹⁵⁷ И не щадил в пути своих усилий.

Песня двадцать первая

Пятый вертеп, где сидят лихоимцы и общественные обманщики.
Явление дьяволов и ужас Данте.

¹ Как с моста на мост шествовали мы,
О многом по дороге рассуждая,
Но речи те среди глубокой тьмы

⁴ Оставлю в стороне, передавая
События другие. Мы пришли
К вершине свода, путь свой замедляя,

⁷ И в новой бездне Ада мы нашли
Другой вертеп, где стоны раздавались
И слезы новых грешников текли.

¹⁰ Вертепа своды мрачные казались
Еще темнее прежних. Как зимой
В Венеции, где корабли собирались

¹³ В огромном арсенале, где порой
Кипит смола, которой покрывают
Бока судов, где целый день-деньской

¹⁶ Удары молотков не умолкают:
Те вьют канат иль чинят паруса,
Другие мачты к судну укрепляют,

¹⁹ И раздаются стук и голоса, —
Так точно в этой пропасти кипела
Смола густая, пар кругом вился

²² И пена на поверхности белела,
Которая то опускалась вниз,
То кверху поднималась и шипела.

²⁵ Смотрел я за обрыв, как за карниз,
Картиною ужасной увлекаясь,
Но мой учитель крикнул: «Берегись!»

²⁸ От пропасти увлечь меня стараясь;
Тогда я обернулся быстро вспять,
Как человек, который, увлекаясь,

³¹ Желает поскорее угадать
Беду, что в тайном страхе заставляет
Его назад немедленно бежать

³⁴ И страх невольный в сердце поселяет.
И в тот же миг вдали я увидал,
Что черный демон быстро убегает

³⁷ Чрез темный мост... О, как был страшен он!
Дрожали крылья за его плечами,
И, воздух рассекая с двух сторон,

⁴⁰ Он мчался, чуть касаяся ногами
Земли, и на плече своем держал
Труп грешника костлявыми руками

⁴³ И из него когтей не выпускал.
Взбежав на мост, бес вдруг остановился
И, грешника поднявши, закричал:

⁴⁶ «О, Малебранке! Вот еще явился
Священной Дзиты новый старшина^{121}.
Брось так его, чтоб ниже провалился

⁴⁹ Он в эту грязь. Я за другим бегу
В тот город, где ему подобных много.
В том городе, одно сказать могу,

⁵² Продажны все, давно забыли Бога, —
Один Бонтуро только честен там, —
За деньги каждый честь продаст... Дорога

⁵⁵ Им всем – в смолу!...» И тут же бросил он
Несчастливого в немую бездну мрака
И, ненасытной злобой опьянен,

⁵⁸ Назад умчался. Точно так собака,
Сорвавшись с цепи, бешено летит,
И от нее прохожий-забияка

⁶¹ На улице едва ли убежит...

^{121} «О, Малебранке! Вот еще явился / Священной Дзиты новый старшина». – По мнению некоторых комментаторов, грешником, которого демон бросает в кипящую смолу, был Martino Bottai из Лукки, старшина этого города, находившегося под покровительством Дзиты. Данте изображает нравы города Лукка до того развращенными, что честнейшим гражданином там считался Бонтуро Бонтури, продавший свою родину пизанцам. За то демон жестоко смеется над грешником, предупреждая его, что смоляная пропасть не река Серкио и что лицемерное поклонение образу святого Лика, особенно уважаемому в городе Лукка, не спасет его от вечных мучений.

А грешник всплыл, смолою весь залитый
И липкой грязью омута покрыт.

⁶⁴ Но хор бесов, под страшным мостом скрытый,
Раздался вдруг: «Святого Лика нет
У нас в Аду! В смоле, в смоле сиди ты,

⁶⁷ Не плавая, чтоб в бездне новых бед
Не испытать. В ладу жить хочешь с нами,
Так двигаться не смей ты, как скелет,

⁷⁰ В земле забытый с старыми гробами».
Крюки бесов в несчастного впились
Со всех сторон. «Пляши теперь с чертями, —

⁷³ Кричали эти бесы, — веселись
И надувай других здесь под смолою...»
И черти той забавой занялись.

⁷⁶ Подобно поварам, когда порою
Они на вилках жарят на огне
Дичь или мясо. Адскою игрою

⁷⁹ Я был убит. Сказал учитель мне:
«Чтобы никем ты не был здесь замечен,
То спрячься за скалу и в стороне

⁸² Следи за всем». Потом окончил речь он:
«Когда ж меня там будут оскорблять,
Не бойся ты; не раз один был встречен

⁸⁵ Я оскорбленным; снова испытать
Злость демонов я буду в состоянье...»
И он ушел; я с трепетом стал ждать,

⁸⁸ Чем кончится такое испытанье.
Учитель стал чрез мост переходить;
Когда ж шестой окраины в молчанье

⁹¹ Достигнул он, то далее скрывать
Себя не стал... Подобно псам в ограде,
Которые бегут, чтоб разорвать

⁹⁴ Прохожего, который «Христа ради!»
Идет просить, помчался сонм чертей
На смелого учителя, чтоб сзади

⁹⁷ Его поймать на крюк рукой своей.
Но он сказал: «Ни с места! Здесь могуч я,
Не побоюсь в Аду я ста смертей

¹⁰⁰ И мне не страшны демонские крючья.
Ко мне не прикасайтесь, но сперва
Пусть выслушать придет мои слова

¹⁰³ Один из вас, а после, если смеет,
Пусть и моей душою завладеет...»
Речь эта для бесов была нова,

¹⁰⁶ И кто-то вдруг средь дьявольского сброда
Сказал: «Ступай к нему ты, Малакода!»
И бес один из круга вышел вон

¹⁰⁹ И стал к нему по камням пробираться;
Другие же, собравшись в легион,
Беседы стали молча дожидаться.

¹¹² И бес спросил учителя, кто он
И что ему в вертепе адском надо?
И дьявол был ответом поражен

¹¹⁵ Учителя. «Ужели в омут Ада
Проник бы я и здрав и невредим, —
Сказал певец, не опуская взгляда, —

¹¹⁸ Когда бы не был я руководим
Перстом Того, кто был Творцом Вселенной!
Так мне ль дрожать перед лицом твоим?..

¹²¹ С дороги прочь, бес жалкий и презренный!
По воле Неба, смертного ввести
Я должен в Ад, и путь мой неизменный

¹²⁴ Не заградить бесам всем. Прочь с пути!..»
Услыша речь, смирился демон скоро,
Сказав другим: «Он может в Ад идти,

¹²⁷ Не вызывая смерти приговора...»
И опустив свой длинный адский крюк,
В толпе чертей он затерялся вдруг.

¹³⁰ Тогда сказал учитель громогласно:
«О, ты, который скрылся за утес.
Иди ко мне: дорога безопасна».

¹³³ На зов певца мне выбежать пришлось.
Когда ж чертей увидел пред собою,
Невольно я к земле тогда прирос,

¹³⁶ Не веря им и не готовый к бою...
Капрона^{122} мне припомнился тогда,
Где с робостью такой же пред борьбою

¹³⁹ Перед врагом в минувшие года
Испуганные воины дрожали...
К учителю прижался я (всегда

¹⁴² Меня его услуги охраняли),
И глаз не отводил от бесенят,
В которых только злобу прочитали

¹⁴⁵ Мои глаза; они же, ставши в ряд,
Склонив крюки, мне громко так грозили:
«На крюк его я посадить бы рад...

¹⁴⁸ Что тут смотреть! В смоле бы утопили...»
Но демон тот, что первый говорил
С учителем, воскликнул: «Вы забыли,

¹⁵¹ Что сказано? Я в Ад их пропустил.
Не двигайся ты с места, Скармильоне...»
И демонов он тотчас усмирил,

¹⁵⁴ А нам заметил в очень мирном тоне:
«Ступайте дальше, только не найти
За этою скалою вам пути:

¹⁵⁷ Здесь свод шестой в обломках провалился;
В развалины одни он обратился
Уж более лет тысячи назад...

¹⁶⁰ Но, впрочем, есть проход особый в Ад,
И если путь вы продолжать хотите,
То чрез обвалы далее идите.

¹⁶³ Туда пошлю своих я чертенят,
Взглянуть, чтоб кто-нибудь не появился

^{122} *Капрона* – укрепленный замок на берегу Арно, принадлежавший пизанцам. Граждане Лукки завладели им, но скоро вынуждены были сдаться на капитуляцию. При сдаче победители, пропуская их сквозь свои ряды, кричали: «Нападай!» Это навело страх на побежденных, о котором свидетельствует Данте, пользуясь этим событием для сравнения.

Поверх смолы... Идите с ними в ряд...

¹⁶⁶ Из них никто вреда бы не решился
Вам сделать». Так сказал нам старший бес;
И к дьявольской дружин обратился:

¹⁶⁹ «Идите вы чрез скалы вперерез,
Каньяццо, Барбаричьо, Аликино
И ты, Чирьятто, чудо из чудес,

¹⁷² Ты, Либикокко, также Калькабрино,
И Рубиканте бешеный, и вы,
Графиаканте с черным Фарфарелло,

¹⁷⁵ Обход должны теперь вы сделать смело
Вокруг кипящей в пропасти смолы
И доведите путников всецело

¹⁷⁸ Туда, где крепкий мост есть у скалы,
Который еще в бездну не свалился».
«Учитель мой! Как эти бесы злы!..

¹⁸¹ Пойдем без них!.. — так молвить я решился. —
Нам стража для охраны не нужна:
Ведь ты не в первый раз сюда спустился...

¹⁸⁴ В проводники годится ль сатана?
Прислушайся, как зубы их скрежещут,
Как хищно гнется гибкая спина,

¹⁸⁷ Каким огнем зловещим взгляды блещут!..»
И мне Вергилий дал такой ответ:
«Не бойся! Эти демоны трепещут

¹⁹⁰ От бешенства, но в бешенстве их нет
Для нас беды: в их взглядах злость таится
Лишь против тех, кому уж много лет

¹⁹³ Здесь суждено за прошлое томиться...»
Тут бесы закусил свой язык
И, прежде чем в обходный путь пуститься,

¹⁹⁶ Приказа ожидали. В этот миг
Владыка их, как бы сзывая к бою,
Ответил им военного трубою,

¹⁹⁹ Которой смысл Ад понижать привык.

Песня двадцать вторая

Рассказ грешника и злоба демонов, его терзающих. Хитрость призрака, обманывающего адских мучителей.

¹ Я видел, как из лагеря идут
Войска на смотр или на приступ мчатся,
Иль сзади победителей бегут,

⁴ Не в состоянии более сражаться...
О, жители Ареццо! Я видал,
Как вы, не в силах больше защищаться,

⁷ Врагов на городской впустили вал;
Я видел, как турниры совершались
Под музыку, где барабан трещал

¹⁰ И звуки колокольные сливались
С сигналами военных крепостей, —
Но никогда еще не раздавались

¹³ Передо мною в воинстве чертей
Трубы сигналы. Нас сопровождала
Рать дьяволов... Едва ль таких друзей

¹⁶ Сообщество спокойствие внушало...
Но в храме можем встретить мы святых,
В таверне же беспутного нахала.

¹⁹ А между тем, в виду друзей таких,
Я не сводил испуганного взгляда
От бездны, от страдальцев проклятых,

²² Посажённых в смолу в вертепе Ада.
Как иногда согнувшийся дельфин
Знак подает пловцам, что скоро надо

²⁵ Спасать корабль, так грешник не один,
Который от страданий изнывает
Порою, на поверхность выплывает

²⁸ Смолистого потока и тогда,
Как молния, в пучине исчезает.
Как из болот лягушки иногда

³¹ Высовывают голову из тины,
Так грешники смотрели из смолы
И вновь бросались, – нет страшной картины! —

³⁴ В свой кипяток, когда из-за скалы
Пред ними Барбаричьо показался,
Скрывая стоны, слезы и хулы.

³⁷ Я видел все и молча содрогался
И содрогаюсь даже в этот час,
Хотя давно с тем местом распрощался.

⁴⁰ Один из осужденных, торопясь
Нырнуть в смолу при нашем приближенье,
Замешкал, на поверхности крутясь,

⁴³ Тогда Графиаканте с озлобленьем
Его крючком за волоса схватил
И вытащил из грязи с восхищеньем,

⁴⁶ Как будто бы он выдру изловил.
Запомнил я всех демонов названья
Еще тогда, когда Сатанаил

⁴⁹ Перекликал их. Разом завыванье
Вкруг раздалось: «Всади в него свой крюк,
Эй, Рубиканте!.. Ты без содроганья

⁵² Сдери с него всю кожу... Наших рук
Не миновать ему!..» Спросил тогда я:
«Певец, скажи, кто он, попавший вдруг

⁵⁵ Во власть чертей, мук новых ожидая?»
Тогда его учитель спросил:
«Ответь, кто ты и почему, страдая,

⁵⁸ Попал ты в Ад?» И он заговорил:
«В Наваррском королевстве я родился;
Отец мой негодяем страшным был

⁶¹ И от беспутства скоро разорился.
Потом я в услуженье поступил
И был рабом; потом преобразился

⁶⁴ В любимца королевского. Любил
Меня король Тебольдо; безвозвратно
В его глазах себя я погубил,

⁶⁷ Своим влияньем пользуясь. Тогда-то
Я был посажен в этот кипяток
И не скрываю прошлого разврата...»

⁷⁰ Но в этот миг пырнул страдальца в бок
Огромными клыками Чирiatто,
И из груди невольный крик извлек.

⁷³ Он в лапы словно мышь котам попался:
Бес Барбаричьо грешника сдавил
И на крючок поддеть его старался,

⁷⁶ Но перед тем учителя спросил:
«Ты хочешь говорить с ним? Говори же,
Пока он цел и память сохранил.

⁷⁹ К нему час смерти ближе все и ближе».
Тогда поэт молчание прервал:
«Кто из латинцев есть здесь? Мне скажи же,

⁸² С тобою, вероятно, в тьму попал
Один из них, на муки осужденный?»
И призрак, не скрывая, отвечал:

⁸⁵ «Еще сейчас в пучине разъяренной
Я видел одного из них, что жил
С Италией в соседстве... Озлобленный

⁸⁸ Вот этот бес меня бы не схватил,
Когда бы мог, как он, в поток укрыться,
И не терпел бы этих адских вил».

⁹¹ Тут Лабикокко крикнул: «Слишком длится
Речь грешника! Прошел условный срок...»
За жертву в ту ж минуту ухватиться

⁹⁴ Успел он сильной лапой и кусок
Живого мяса вырвал... Оборона
Была бессильна... В тот же самый срок

⁹⁷ Погиб бы он, не проронивши стоны,
От рук другого беса, но на них
Остановился взгляд Декуриона,

¹⁰⁰ Свирепый взгляд – и гнев бесовский стих.
Когда зловещих демонов волнение

Прошло, тогда, взглянув на них,

¹⁰³ Учитель снова начал объяснение:
«Кого же ты покинул, из смолы
Нырнув на это страшное мученье,

¹⁰⁶ На новые удары и хулы?»
Он отвечал: «Скажу: то был Гомита^{123}.
Галлуры он правитель, и убита

¹⁰⁹ Давно в нем честь; изменник и хитрец,
Он с царскими врагами вечно знался
И продал сам себя им, наконец.

¹¹² К тому ж он лихоимством занимался
И был царем меж лихоимцев всех...
Здесь с ним сидит за тот же самый грех

¹¹⁵ И дон Микеле Цанке Логодоро^{124}.
У них иного нет и разговора,
Как только о Сардинии... Потом...

¹¹⁸ Но посмотри, как этот дьявол рвется,
Чтоб зацепить меня своим крючком...
Боюсь – в меня зубами он вопьется...»

¹²¹ Но предводитель дьяволов, как гром,
Над Фарфарелло бранью разразился,
Который нанести удар решился

¹²⁴ Несчастному. «Прочь, злая птица, прочь!»
«Когда у вас есть тайное желанье, —
Тень молвила, желая превозмочь

¹²⁷ Свой страх, – здесь выслушать сказанье
Ломбардцев иль тосканцев, то помочь
Я вам могу и приложу старанье

¹³⁰ Сюда их вызвать, если только нас
Не тронут эти демоны когтями;
Я мог бы даже в этот самый час,

^{123} Томита – монах, сардинец, был известен ужаснейшими злодеяниями. Он изменил государю и покровителю своему Нино Висконти, владельцу Галлуры, отпустил за деньги отданных для хранения ему пленников, за что и был повешен.

^{124} *Микеле Цанке Логодоро* – сенешаль короля Энцо, побочного сына императора Фридриха II, обольстил мать своего короля Аделазию и благодаря браку с ней стал владельцем Логодоро.

¹³³ Не разлучаясь с злобными бесами,
Сюда призвать их счетом до семи.
Я только свистну громко, и пред нами

¹³⁶ Они всплывут...» «Ах, Ад тебя возьми! —
Сказал Каньяццо, морду поднимая. —
Хитрить ты вздумал, бестия, желая

¹³⁹ Опять от нас в глубь пропасти нырнуть!...»
А грешник пред бесами стал лукавить:
«Нет, я не зол! Я не могу заставить

¹⁴² Товарищей погибнуть; ведь пырнуть
Вы их своими можете крючками». —
Тут Алекино вздумалось вернуть

¹⁴⁵ Словцо такое: «Если перед нами
Ты вздумаешь укрыться в глубине,
То за тобой в смолу бросаться мне

¹⁴⁸ Охоты нет!.. Я буду бить крылами
Лишь по смоле... Пойдем мы за утес,
Посмотрим, как схитришь ты пред бесами!»

¹⁵¹ И демоны без брани, без угроз
Лицо свое от бездны отвернули,
И даже тот, которого пришлось

¹⁵⁴ Бояться больше прочих. Обману ли
Тебя, читатель? Можно угадать,
Что дьявол также может оплошать:

¹⁵⁷ Наваррец, улучив одно мгновенье,
Ногами быстро в землю оперся.
Прыгнул и скрылся в бездне, заключенья

¹⁶⁰ Избегнув: ловкий подвиг удался.
Но демонов взбесил обман подобный;
Особенно взбесился демон злобный,

¹⁶³ Который сам к обману повод дал,
С неистовой он злобой зарычал:
«Ты будешь мой!» Но было уже поздно...

¹⁶⁶ Напрасно в пропасть ринулся он грозно,
Подобно с лука спущенной стреле.
Но грешник уж исчез давно в смоле

¹⁶⁹ И выглянуть оттуда не решался,
А черный бес отпрянул и опять,
Взмахнув крылами, на берег поднялся.

¹⁷² Так под водой приходится нырять
Несчастной утке, если над водою
Она увидит сокола порою.

¹⁷⁵ Ему же вновь приходится взлетать
Под облака и промаха стыдиться.
Взбешенный Калькабрина рад сорвать

¹⁷⁸ Был гнев на ком-нибудь, был рад сразиться
И демона над пропастью схватил,
Откуда тот удумал возвратиться,

¹⁸¹ Но бес, как ястреб, тоже ловок был...
Над бездною они крутиться стали,
Царапались и не жалели сил

¹⁸⁴ И в глубь смолистой пропасти упали.
Однако скоро жар их помирил,
Но как подняться вверх – они не знали

¹⁸⁷ И не могли в смоле расправить крыл,
Которые, слипаясь, увязали.
Тут Барбаричьо с бешенством вскочил,

¹⁹¹ И по его приказу побежали
Четыре беса дьяволов спасать,
Которые едва уже дышали...

¹⁹⁴ Крюками принялись их вынимать
Из той смолы, которая клубилась,
Не уставая тело их сжигать...

¹⁹⁷ Но мы ушли. Что далее свершилось,
Попали ль бесы на берег опять
И чем в смоле борьба их заключилась —

¹⁹⁹ Не ведал я и не желал узнать.

Песня двадцать третья

Новый ужас Данте, преследуемого бесами. Лицемеры в свинцовых рясах.
Вергилий узнает обман демонов и с гневом уходит.

¹ В безмолвии и стражей не прикрыты,
Мы шли одни: учитель впереди,
Я сзади шел. Так братья минориты

⁴ Свершают путь. В моей груди
Еще был страх: чертей двух столкновенье,
Оставшихся за нами назади,

⁷ Напомнило мне басню о сраженьи
Лягушки с крысой^[125]. Истинно я мог
Меж ними провести свое сравненье.

¹⁰ Две ссоры те, их даже эпилог
Между собой похожи чрезвычайно.
Чем больше я их сравнивал в тот срок,

¹³ Тем более пугался не случайно,
И наконец удвоился мой страх,
И про себя тогда я думал тайно:

¹⁶ «Лишь из-за нас сейчас поверглись в прах
Два демона, – они должны взбеситься
И демонское бешенство в чертях

¹⁹ На нас одних должно теперь излиться.
Что, если эта шайка бесенят
За нами с диким воплем устремится?

²² Как зайцев псы голодные травят,
Они нас разорвут теперь на части».
И, трепетный кругом бросая взгляд,

²⁵ Я признавал весь ужас той напасти,
И дыбом встали волосы мои.
Таить ту мысль во мне не стало власти.

²⁸ Я прошептал: «Учитель, помяни
Мои слова: нам следует укрыться

^[125] Напомнило мне басню о сраженьи / Лягушки с крысой. – Басня Эзопа.

От демонской погони, иль они

³¹ Догонят нас... Нам медлить не годится...
Мне чудится уже их адский рев,
И голова моя при том вскружится...»

³⁴ Учителя ответ мне был готов:
«Как зеркало в себе все отражает,
Так точно отражается без слов

³⁷ Во мне твой дух, и ум мой постигает
Все то, о чем ты думаешь, мой сын.
Поверь, меня в час этот занимает

⁴⁰ Мысль точно та же; вывод лишь один
Я сделаю без опасенья
Из наших дум. Когда мы со стремнин

⁴³ Вон той скалы сойдем без затрудненья
В другой вертеп, то ты и я спасен,
И бесов нам не страшно исступление».

⁴⁶ Едва о том сказать успел мне он,
Как я увидел демонов; летели
Они на нас, и только горный склон

⁴⁹ Нас разделял, и в воздухе шумели
Их крылья черные. В тот самый миг,
Как ночью мать, вскочившая с постели,

⁵² И слыша вокруг тревоги общий крик,
Из колыбели сына вырывает
И с быстротой – страх матери велик, —

⁵⁵ Боясь пожара, с сыном убегает,
Едва прикрывши тела наготу,
И лишь к груди ребенка прижимает,

⁵⁸ Так и меня схватил в минуту ту
Наставник мой и на спине скатился
Он со скалы, прижавши на лету

⁶¹ Меня к себе. Под мельницей крутился
Едва ль поток когда-нибудь быстрее
Того прыжка, с которым вниз стремился

⁶⁴ Вергилий с тяжелой ношею своей,

Меня, как сына, к сердцу прижимая,
Меня, как сына милого, спасая

⁶⁷ От дьявольских ударов и когтей.
На дно вертепа только мы спустились,
Как на скале над головой моей

⁷⁰ Крылатые гонители явились...
Но уже во мне боязнь тогда прошла...
Из пятого вертепа не решились

⁷³ Они за нами гнаться: та скала
Дальнейший путь вперед им преграждала:
Им власть Небес того не позволяла.

⁷⁶ Затем толпу раскрашенных теней
Мы пред собою скоро увидали.
Роняя молча слезы из очей,

⁷⁹ Они в изнеможении блуждали.
На рясы их опущен капюшон,
И рясы тех теней напоминали

⁸² Наряд монахов кельнских, ослепляли
Своею пестротой со всех сторон,
А под собой свинец они скрывали

⁸⁵ И в сущности так были тяжелы,
Что перед ними рясы Фридерика^{126}
Соломы были легче. Адской мглы

⁸⁸ Тяжелый плащ!.. Стонали тени дико,
И, слушая рыдания теней,
За ними шли мы тихо без речей,

⁹¹ Но тяжесть ноши так их всех давила,
Что лишь едва идти им можно было.
Толпу их привелось нам обогнать

⁹⁴ И с каждым шагом спутников менять.
К наставнику тогда я обратился:
«Не можешь ли меж ними указать

^{126} «Рясы Фридерика...» – Гранжье рассказывает, что будто бы один из кельнских аббатов просил у папы дозволения носить монахам красные рясы, шпоры и на седле иметь серебряные позолоченные стремяна. Папу рассердила эта просьба, и он приказал монахам одеваться в черные рясы и пользоваться деревянными стремянами. При императоре Фридерике II преступников сажали в свинцовые рясы и сжигали на кострах.

⁹⁷ Кого-нибудь, кто в мире отличился
Деяньями своими от других.
Взгляни кругом – вот новый ряд явился

¹⁰⁰ Других теней и, может быть, иных
Узнаешь ты!..» Едва окончил речь я
Среди толпы тех грешников худых,

¹⁰³ Как дух один, тосканское наречье
Услышавши, проговорил нам вслед:
«Умерьте шаг, вы, в омуте увечья

¹⁰⁶ Идущие! В нас сил догнать вас нет!..
Быть может, то, что вы узнать хотите,
Я разрешу и дам прямой ответ...

¹⁰⁹ Я об одном прошу вас: не бегите...»
Поэт сказал: «Умерь теперь свой шаг
И рядом с ним идти старайся так,

¹¹² Чтоб он от напряженья не томился».
И я в минуту ту остановился
И двух несчастных начал поджидать,

¹¹⁵ Которые старались нас догнать,
Но тяжесть рясы их не позволяла
Движений в утомленье ускорять.

¹¹⁸ И узкая тропинка замедляла
К тому же их тяжелый, трудный путь...
К нам подойдя, они на нас сначала

¹²¹ Решились только искоса взглянуть.
Потом между собой заговорили:
«По голосу – живой он, в том ничуть

¹²⁴ Я не солгал, – когда бы разрешили,
Когда они мертвы, впустить сюда
Их без одежд свинцовых? Разве были

¹²⁷ Подобные примеры? Никогда!»
Затем ко мне вопрос их обратился:
«Тосканец! Ты проникнул без труда

¹³⁰ В подземный этот Ад и очутился
В жилище лицемеров, так ответь,
Кто ты такой, когда и где родился?»

¹³³ Я отвечал, стараясь рассмотреть,
С кем говорю: «На берегу Арно я
Увидел свет и общество иное

¹³⁶ В великом нашем городе^{127} встречал.
Еще доселе я не умирал,
И мне еще не чуждо все земное.

¹³⁹ Но кто же вы? Из ваших тусклых глаз
Струятся слезы пламенные вечно...
Ужель страданье ваше бесконечно

¹⁴² Под этим блеском тяжких ваших ряс?»
И отвечал мне призрак истомленный:
«Казнь лютая придумана для нас!..

¹⁴⁵ Вот здесь под этой рясой золоченой
Скрыт свинец и давит нашу грудь
И день и ночь... невыносим наш путь...

¹⁴⁸ Мы терпим казнь за наше святотатство...
Болонцы мы и были члены *«братства
Веселого»*^{128}, а наши имена —

¹⁵¹ Я – Каталано, он же Лодеринго^{129}...
Нас знаешь по пожару ты в Гардинго...
Подестами в былые времена

¹⁵⁴ В твоём любимом городе мы были,
И мы его прекрасно охранили,
О чем, наверно, помнит вся страна...»

¹⁵⁷ «Так это вы, несчастные, сгубили...» —
Воскликнул я и тут же замолчал.
Слова мои как будто бы застыли,

¹⁶⁰ Когда вблизи себя я увидал
Тень грешника. Три раза в грудь пронзенный
Насквозь тремя колами, он лежал

^{127} «В великом нашем городе...» – т. е. во Флоренции.

^{128} «Веселое братство». – Папа Урбан IV учредил рыцарский орден братства святой Марии. Это братство вело жизнь разгульную, и народ в насмешку назвал его «веселым братством».

^{129} «Я – Каталано, он же Лодеринго...» – В 1226 г. были избраны в подесты Флоренции из ордена «веселого братства» два рыцаря – Каталоне Каталано и Лодеринго де Андолю. Первый был гибеллином, второй гвельфом. Некоторое время их правление было благотельно, но скоро предались они гвельфам и сожгли в одной из частей города, называвшейся Гардинго, дворец гибеллина Уберти.

¹⁶³ И, увидав меня, как разъяренный,
В конвульсиях метаться быстро стал.
Брат Каталано взгляд мой изумленный

¹⁶⁶ Тогда постиг и тихо мне сказал:
«Вот этот грешник, кольями проткнутый,
Совет дал фарисеям, предлагал

¹⁶⁹ Гонимого подвергнуть пытке лютой,
Как будто бы для пользы дорогой
Своей отчизны. Видишь – он нагой

¹⁷² Лежит всегда здесь поперек дороги
Затем, чтобы его в Аду могли
Топтать в песок всех проходящих ноги,

¹⁷⁵ И приподняться более с земли
Не может он... Казнь та же тяготее
На всех жидах, которые пришли

¹⁷⁸ С советом тем же... Горько сожалеет
Еще доныне весь еврейский род,
Что он принес такой печальный плод...»

¹⁸¹ И над преступной тенью в то мгновенье
Мой спутник наклонился в удивленье
И созерцал мучительный позор

¹⁸⁴ Презренного советчика, и взор
Наставника лишь выражал презренье.
Затем с одним из братьев в разговор

¹⁸⁷ Вступил он вновь: «Когда дано вам право
На наш вопрос правдиво отвечать,
Скажите мне, возможно ли там, вправо,

¹⁹⁰ Нам безопасный выход отыскать
Из этой бездны, чтоб не опасаться,
И помощи бесовской не искать?»

¹⁹³ И был ответ: «Могу я в том ручаться,
Что вы избегнуть можете всех бед,
Когда обвалом станете спускаться,

¹⁹⁶ Где горный прерывается хребет,
Идущий через мрачные пустыни.

Идите! Там опасности вам нет...»

¹⁹⁹ И голову склонил певец в кручине:
«Нас обманул презренный дьявол тот,
Что грешников крючками ловит в тине...»

²⁰² Один из «братьев» молвил в свой черед:
«Я о пороках дьявола когда-то
В Болонье слышал толки: он народ

²⁰⁵ Обманывать привык; все бесенята —
Исчадь лжи и хитрости, не раз
Губивших мир...» Дальнейшей речи брата

²⁰⁸ Мы не слышали. Тяжесть страшных ряс
Давила их, а спутник мой шел дале...
И, на него взглянувши в этот час,

²¹¹ В его лице увидел тень печали.

Песня двадцать четвертая

Данте смущается волнением Вергилия. Оба вступают на мост, перекинутый через новый вертеп. Святотатцы, терзаемые змеями. Предсказание о будущей судьбе Белых и Черных.

¹ В те дни, когда с задумчивых небес
Не часто смотрит вечное светило,
Мелькнет и быстро скроется за лес,

⁴ И ночь глухая, смотришь, наступила;
Когда в снегах лежат еще поля,
И ярко-белым саваном уныло

⁷ Покрыта охладевшая земля,
Крестьянин в поле скудное выходит,
О солнце и тепле Творца моля,

¹⁰ И только нивы снежные находит;
В отчаянье тогда махнув рукой,
Глазами даль печальную обводит

¹³ И в дом свой возвращается с тоской,
Где холодно, где хлеба часто нету,
Где для него давно пропал покой,

¹⁶ Когда ж опять, в надежду веря эту,
Которая так часто нас живит,
Заметит он, что время ближе к лету,

¹⁹ Он стадо гнать на пастбище спешит
И забывает горе и ворчанье.
Так точно и поэта скорбный вид

²² Сперва во мне лишь возбудил страданье,
Когда ж его высокое чело
Яснее стало, полно обладанья,

²⁵ С моей души как будто отлегло
Большое горе. Только мы вступили
На мост, давно разрушенный, тепло

²⁸ Учитель на меня взглянул, и были
Те взгляды нежны снова, как тогда,
Когда впервые мы заговорили.

³¹ Вкруг нас развалин высилась гряда,
И, пред собою видя разрушение,
Певец мой, рассудительный всегда,

³⁴ Сообразил свой путь в одно мгновенье,
Потом меня в объятия схватил
И быстро, погруженный в размышленье,

³⁷ Которому и здесь не изменил,
Принес меня, как ношу дорогую,
На верх скалы и там проговорил,

⁴⁰ Рукою указав скалу другую:
«На этот дикий камень ты всползи,
Но прежде осмотри его вблизи,

⁴³ Чтоб под тобою он не подломился».
Для грешников, прошедших мимо нас
Под тяжестью свинцовых ряс,

⁴⁶ Тот переход едва ли бы годился.
Вперед я подвигался, еле жив,
И только лишь при помощи решился

⁴⁹ Переползти с обрыва на обрыв.
Когда бы страшный путь тот продолжался,
То, верно бы, учителя обвив

⁵² Своей рукой, я с духом не собрался
Ползти вперед в изнеможение сил;
Но, к счастью, путь дальнейший улучшался

⁵⁵ И на верху скалы окончен был.
Она была последней. Я дыханье
В усталости едва переводил

⁵⁸ И сел недвижимый, словно изваянье,
Так как идти я далее не мог
И двигаться уж был не в состоянье.

⁶¹ Но тут меня поэт предостерег:
«Ты лениности не должен предаваться:
Для нашей славы легких нет дорог.

⁶⁴ Известности не может тот дожидаться,
Кто нежиться привык в пуховиках

И на постели шелком прикрываться.

⁶⁷ Без трудностей нет славы и в веках;
Без подвигов исчезнешь ты бесследно,
Как пена волн, как ветер в небесах.

⁷⁰ Бездействие для человека вредно.
Так встань же и усталость победи
И с мужеством, которое победно

⁷³ Ведет в борьбе, иди за мной, иди,
Когда еще осталась сила в теле:
Награда ожидает впереди.

⁷⁶ С тобой еще мы не достигли цели.
По лестнице идти нам предстоит
Еще длиннейшей. В нашем трудном деле

⁷⁹ Конец для нас не близок. Путь лежит
Печальный, многотрудный и опасный,
Но пусть тебя теперь он не страшит.

⁸² Иди и верь в совет мой беспристрастный».
Тогда я встал и словно новых сил
В себе нашел родник. С улыбкой ясной

⁸⁵ Наставнику тогда я говорил:
«Иди, я бодр! С тобой пойду я всюду...»
И мы пошли чрез каменную гряду

⁸⁸ Скалы, изрытой ямами, крутой,
Где ноги истомленные скользили,
А по бокам скалы ужасной той

⁹¹ Зияли бездны... Выше мы всходили,
И чтоб свою усталость только скрыть,
Пока мне силы вновь не изменили,

⁹⁴ С учителем я начал говорить.
Вдруг там, где часть утеса раскололась,
Из бездны раздался неясный голос,

⁹⁷ Но слов его не мог я различить.
Напрасно их я разгадать старался
И думал смысл речей тех уловить.

¹⁰⁰ Но от усилий тщетных отказался.

Я только лишь одно тогда постиг,
Когда к тому вертепу приближался,

¹⁰³ Что гневен был и бешен чей-то крик.
Над бездной я склонился осторожно,
Но мрак ее был непроглядно дик.

¹⁰⁶ И рассмотреть мне было невозможно
Тех, кто кричал на темном адском дне.
И я сказал учителю тревожно:

¹⁰⁹ «О, помоги в вертеп спуститься мне:
Я слышу крик, но слов не понимаю;
Кого-то вижу в темной глубине,

¹¹² Но образа его не различаю.
Прошу тебя – сведи меня с стены,
Близ пропасти я правду всю узнаю».

¹¹⁵ «Мы действовать, а не болтать должны, —
Сказал поэт, — и действовать в молчанье
В обители ужасной сатаны...»

¹¹⁸ И, исполняя спутника желанье,
К вертепу он тогда меня привел,
И в яме гнусной той сверх ожидания

¹²¹ Таких презренных гадов я нашел,
Что в жилах кровь моя оледенела:
Невольно я глаза от них отвел.

¹²⁴ Пусть Ливия не славится так смело
Пустынными песками, где живут
И жалами убийственными жгут

¹²⁷ Хелидры, амфисбены и якули^{130};
Нет, даже там не знаю я, найду ли,
Как и среди египетских степей,

¹³⁰ Таких же ядовитых, страшных змей,
Которые в той пропасти крутились.
И среди них несчастный сонм теней

¹³³ Я увидал. Давно они лишились
Спокойствия, земной покинув гроб.

^{130} Хелидры, амфисбены и якули – названия баснословных змей, о которых упоминают Лукан и другие древние писатели.

Напрасно эти грешники стремились

¹³⁶ Избегнуть гадов, и гелиотроп^{131}
Искали вокруг для своего спасенья,
Но гады то в их голову, то в лоб

¹³⁹ Вонзали жало в бешеном шипенье;
Их руки были скручены назад
И змеями завязаны... Вот гад

¹⁴² Вкруг грешника обвился и на теле
Его пестрел тройным своим кольцом,
А голову связал с своим хвостом.

¹⁴⁵ Вот змей другой ждать долго не заставил,
На грешника одним прыжком вскочил
И в шею между плеч его ужалил,

¹⁴⁸ Едва такую казнь он совершил,
Едва свой хвост свернувшийся расправил,
Как грешник загорелся, зацадил,

¹⁵¹ И в миг один огонь его расплавил
И в пепел обратил его. Потом,
Когда не стало пламени кругом,

¹⁵⁴ Из пепла вновь восстал он прежней тенью
И образ прежний принял на себя.
Так, если древних следовать ученью,

¹⁵⁷ Себя в ужасном пламени губя,
Известный феникс молча умирает
И вновь потом из пепла воскресает.

¹⁶⁰ Питается не хлебом, не травой,
Но амми^{132}, и усталой головой
Склоняется на нард^{133} он или мирру^{134};

¹⁶³ Таинственный, вполне безвестный миру,
В бессилии, на землю он падет,
Как будто бы недуг его гнетет

^{131} *Гелиотроп* – по мнению древних – драгоценный камень, с помощью которого можно было стать невидимым. Боккаччо упоминает об этом свойстве гелиотропа в одной из сказок «Декамерона».

^{132} *Амми* – эфиопский тмин.

^{133} *Нард* – ароматическое растение, известное под названием *andropogon nardus*.

^{134} *Мирра* – смолистый древесный душистый сок.

¹⁶⁶ Иль ненавистный демон сокрушает;
Когда ж потом он снова восстает, —
Что было с ним — он сам того не знает

¹⁶⁹ И, озираясь, далее идет.
Восставший грешник в том же состоянии,
Казалось, был! О, правосудный гнет!

¹⁷² Как грозен ты в немом своем каранье!
«Кто ты? — ему учитель мой сказал. —
И здесь за что ты терпишь наказание?»

¹⁷⁵ «Недавно из Тосканы я упал
Вот в эту бездну, — молвил нам несчастный. —
Я жизнь скота людской предпочитал

¹⁷⁸ И не хочу скрывать: я скот ужасный!
Мне имя Ванни Фуччи^{135}. Для меня
Берлогою достойной и прекрасной

¹⁸¹ Была Пистойя». В это время я
К учителю с словами обратился:
«Скажи ему, чтоб он не шевелился

¹⁸⁴ И скоро так от нас не уходил;
Спроси его, какое совершил
Ужасное он прежде преступление.

¹⁸⁷ Сварлив и кровожаден очень был
При жизни он...» Но в думу углубленный,
Успел понять тот грешник осужденный,

¹⁹⁰ Что мнения такого я о нем.
Он уходить от нас не торопился,
Лишь только щеки вспыхнули стыдом

¹⁹³ И взгляд его на мне остановился.
И он сказал: «Страдаю я, поверь,
Сильней гораздо более теперь,

¹⁹⁶ Чем в миг, когда я с жизнью распростился.
Не скрою я, за что сюда попал:

^{135} *Ванни Фуччи* — побочный сын знатного пистойца Фуччи деи Ладзари, похитил священные сосуды и драгоценности из собора Пистойи и скрыл их у друга своего, нотариуса Ванни делла Мона, но, уstraшенный розысками, предал своего друга, который был повешен.

Из ризницы сосуды я украл,

¹⁹⁹ Но, совершив такое преступление,
Из трусости я друга оболгал.
Который был казнен за похищение.

²⁰² Но не затем себя я унижал
Перед тобой, чтоб вызвать сожаленье.
И если ты из мрака этих скал

²⁰⁵ Вновь выйдешь в мир, то приложи старанье
Запомнить в мире это предсказанье:
Теперь Пистойя гонит Черных стан;

²⁰⁸ Флоренция и нравы и граждан
Спешит менять, но час иной настанет:
С долины де ла Магра Марс восстанет,

²¹¹ И грянет гром в далеких облаках,
И дрогнут вдруг все городские стены
И ужас в человеческих сердцах

²¹⁴ Найдет приют, и на поля Пичены
Тогда гроза ужасная слетит
И Белых всех мгновенно истребит.

²¹⁷ Так ожидай ты этой перемены».

Песня двадцать пятая

Богохульство грешника и страшное наказание. Другие призраки.
Превращение человека в змею и змеи в человека.

¹ Сказавши то, презренный этот плут,
С гримасой гадкой, поднял обе руки,
Шиш показал и начал нагло тут

⁴ Хулить Творца за кару и за муки,
Но змей один – я их люблю с тех пор —
При первом же его презренном звуке,

⁷ Сдавил ему всю шею, чтобы вор
Не в силах был произнести ни слова;
И смолк кошун, потупя наглый взор.

¹⁰ Другой же гад скрутил ему сурово
В одно мгновение руки назад,
Сдавил все тело, так что никакого

¹³ Не мог движенья сделать он... – Пади
И в пламени, Пистойя, ты исчезни,
Своим примером людям не вреди,

¹⁶ И навсегда погибни в адской бездне!..
Везде распространяешь ты разврат...
Хотя бы обошли мы целый Ад,

¹⁹ В нем не нашли бы грешника наглее,
Который богохулить так дерзал,
И даже тот, кто с фивских стен упал^{136},

²² Мог показаться лучше и сноснее...
Проклятый тать куда-то убежал,
Хулы своей оканчивать не смея.

²⁵ Затем как будто вырос из земли
Центавр, ужасным бешенством пылавший
Который мог страшить и издали,

²⁸ Центавр с угрозой дьявольской кричавший:
«Где этот вор низверженный? Где он,

^{136} Тот, кто с фивских стен упал... – Капаней, один из царей фивских, о котором упоминается в песне XIV «Ада».

Свои хулы в вертепе извергавший?»

³¹ Был тот центавр обвит со всех сторон
Пучками змей, которых и в Маремме
Нельзя найти. С его спины дракон,

³⁴ Раскрывши крылья, грозно в это время
Метал огонь и мимо шедших жег.
Тогда путеводитель мой изрек:

³⁷ «Перед тобою Каккус^{137}; исполинской
Он силою когда-то обладал,
И прежде за горою Авентинской

⁴⁰ Озера крови в битве проливал;
Он с братьями не шел одной дорогой
И воровски однажды он угнал

⁴³ Чужое стадо. Мстительный и строгий,
Сам Геркулес потом его сразил...»
Пока путеводителя с тревогой

⁴⁶ Я слушал, тот центавр в то время был
Уж далеко. Три тени вдруг явились
Из-под моста, куда в тот час всходил

⁴⁹ С поэтом я. Мы так заговорились,
Что не могли заметить их сперва,
Когда ж заговорить они решились,

⁵² Спросив: «Кто вы такие?» – их слова
Заставили нас обратить внимание
На призраков, но лиц их очертанье

⁵⁵ Мне было незнакомо, и затем, —
Судьба нам помогала постоянно, —
Я понял – очутился перед кем,

⁵⁸ Когда один из призраков неожиданно
Другого назвал: «Слушай, где ты там,
Чианфа^{138}?» В этот миг к своим губам

⁶¹ Я поднял тихо палец в знак молчанья,
Чтобы певца внимание привлечь...

^{137} *Каккус* – центавр, был известен воровством. Он был убит Геркулесом.

^{138} *Чианфа* – знаменитый флорентийский разбойник.

Теперь мое дальнейшее сказанье,

⁶⁴ Читателя хочу предостеречь, —
Сомненье может вызвать, что понятно:
Мне было самому невероятно

⁶⁷ Все то, что видел сам я в этот час.
Пока я, двух теней узнать желая,
С них не сводил своих усталых глаз,

⁷⁰ Змей шестиногий, быстро налетая,
На третьего из призраков напал,
Его в одну минуту обвивая,

⁷³ Сдавил живот и сзади руки сжал,
Зубами в щеки грешника вцепился,
Хвост за его спиною замотал

⁷⁶ И словно плющ вокруг его обвился.
Нам невозможно было уловить.
Как быстро грешник тот преобразился:

⁷⁹ Кто дух, кто змей — не мог я отличить;
Они слились в одно живое тело,
Которого нельзя вообразить,

⁸² Как ни было б воображение смело.
Перемешались вместе их цвета:
Полутемно все было, полубело.

⁸⁵ Так пепел от бумажного листа
Бывает и не черным, и не белым...
В то время с видом грустным и несмелым

⁸⁸ Два призрака проговорили вслух:
«Аньэло! О, несчастный, бедный дух!
Как быстро ты, как страшно изменился!

⁹¹ Ты не один теперь, да и не два...»
Из двух голов — я с ужасом дивился —
Одна лишь появилась голова;

⁹⁴ Единый, страшный образ возродился
Из двух различных образов. Из рук,
Из ног, грудей, спины и брюха вдруг

⁹⁷ Явились члены новые; такого

Я безобразья в мире не видал:
В них было все чудовищно и ново.

¹⁰⁰ Первоначальный образ их пропал;
Два существа в чудовище сливалось
И тихими шагами подвигалось.

¹⁰³ И в этот миг, как ящерица днем
Зеленый куст неслышно покидает
И, солнечным палимая лучом,

¹⁰⁶ Как молния наш путь перебегает,
Так полз другой черно-багровый змей
К двум грешникам. Одну из двух теней

¹⁰⁹ Кровавый гад ужалил вдруг во чрево
И распростерся, падая, пред ней,
А призрак неподвижно и без гнева

¹¹² Как после сна тяжелого зевал,
И у него из раны и из зева
Пылающего змея вылетал

¹¹⁵ Какой-то дым, в одну струю сливаясь.
На змея тень смотрела, и свой взгляд,
Кольцом огнеподобным извиваясь,

¹¹⁸ От призрака не отводил тот гад.
Певец Лукан! Умолкни ты, стараясь
Нам передать картин ужасный ряд,

¹²¹ Где воины Сабелла и Назидий^{139}
Являются страдальцами. О, ты,
Умолкни тоже, чудный наш Овидий

¹²⁴ С повествованьем, полным красоты,
О Кадме с Аретузой: обратился
Один в змею, а из другой явился

¹²⁷ Источник. Ты, Овидий, обменять
Природу двух созданий не решился;
Плоть одного другому передать

^{139} *Сабелла и Назидий* – воины, о которых упоминает Лукан в IX песне «Фарсалии». Оба они были укушены змеями в Ливии, и, по словам Лукана, Сабелла немедленно превратился в пепел, а Назидий так распух, что невозможно было различить его членов.

¹³⁰ Не думал ты. Меж тем передо мною
Стал образ человека принимать
Проклятый змей с гноящейся спиною,

¹³³ А человек вид гада принимал.
У гада хвост мгновенно раздвоился,
А человек так плотно ноги сжал,

¹³⁶ Что след их разделения вдруг скрылся.
Процесс перерожденья совершился
В моих глазах: хвост одного не стал

¹³⁹ Похож на хвост, вид членов принимая,
Которые бывают у людей;
А у другого руки, исчезая,

¹⁴² Сливались тихо с телом, и длинней
Меж тем у гада ноги вырастали.
И походил все более тот змей

¹⁴⁵ На человека. Прежний вид теряли
И человек, и ядовитый гад.
Они друг с друга взгляда не спускали,

¹⁴⁸ И у обоих дик был страшный взгляд.
Вот первый пал, другой же приподнялся,
И у него – я молча изумлялся —

¹⁵¹ Явились уши, губы, вырос нос,
А у другого вытянулось рыло
И скрылись уши. Видеть мне пришлось:

¹⁵⁴ Язык у человека раздвоился,
А жало змея медленно срослось
В один язык – и Дым вдруг прекратился.

¹⁵⁷ Дух в гадину позорно превратился
И с свистом в мрак пропасти пропал,
А змей переродившийся сказал:

¹⁶⁰ «Пусть здесь Буозо будет пресмыкаться,
Как пресмыкался некогда я сам».
И начал змей презрительно плевать.

¹⁶³ Едва лишь веря собственным глазам,
В Аду я видел это превращенье,
И хоть я был смущен, взволнован там,

¹⁶⁶ Хотя мой ум от страха был растерян,
Но Пуччьо Шианкато я узнал,
Да, то был он, и в этом я уверен:

¹⁶⁹ Из трех теней лишь он не испытал
Мучение того перерожденья,
А в третьей, мрачной тени угадал

¹⁷² Я Гверчьо Кавальканте привиденье^{140}.

^{140} *Бузо де Абати, Пуччио Шианкато и Франческо Гверчио Кавальканте* – флорентийские разбойники. За смерть Кавальканте родные и свойственники его выжгли городок Гавиллу и перерезали всех жителей.

Песня двадцать шестая

Восьмой вертеп восьмого круга. Души коварных советчиков. Улисс и Диомед, погубившие Троию. Рассказ Улисса о путешествии в неизвестную страну.

¹ Ликуй, ликуй, Флоренция! Везде
Могущество твоё неотразимо;
Известна ты на суше и воде,

⁴ И даже Ад готов неутомимо
О флорентийских гражданах кричать...
Когда передо мной скользнули мимо

⁷ Пять извергов, и в них я мог узнать
Твоих граждан, мне сделалось обидно,
Не мог я крика гнева удержать,

¹⁰ И за тебя мне стало больно, стыдно...
Когда мои предчувствия не лгут,
Ещё ты испытаешь, как постыдно

¹³ Тебе немало бедствий предрекут
Озлобленные жители из Прато^{141},
И их проклятья к худу приведут.

¹⁶ К прошедшей славе нет уже возврата,
И если б над тобою, город зла,
Пороков, злодеяний и разврата,

¹⁹ Беда, как туча черная, всплыла
В минуту эту – я б не удивился:
Да, на себя, Флоренция, звала

²² Давно все кары... Пусть бы разразился
Гром над тобой, когда осуждена
На бедствия несчастная страна;

²⁵ Скорей бы суд ужасный совершился...
Ещё страшнее в поздние года

^{141} Прато – небольшой замок близ Флоренции. Жители его, укрыв одного убийцу, навлекли на себя пеню в десять тысяч флоринов, за что проклинали Флоренцию, желая ей всевозможных бедствий. Желание это сбылось: в 1304 г. мост через Арно обрушился с толпой народа; в том же году пожар совершенно опустошил Флоренцию: сгорело 1700 дворов; наконец, распри Белых и Черных не раз нарушали спокойствие города. Так как Данте начал писать свою поэму до этих событий, то современники недаром полагали, что великий поэт одарен духом пророчества, предсказывая события и даже призывая бедствия на крамольную и развращенную свою родину.

Казаться будет мне твоя беда.

²⁸ И далее пошли мы... Возвратился
По тем же скатам ментор мой тогда,
Которыми со мною он спустился.

³¹ Меж безднами и трещинами скал
Уединенный путь наш продолжался,
И в бездну я наверно бы упал,

³⁴ Когда б порой за камни не держался
Руками. Бесконечная тоска,
В тот час, когда вперед я подвигался,

³⁷ Была неотразима, велика,
И я скорблю в минуту эту снова,
Когда воспоминания бывшего

⁴⁰ Припоминаю вновь, и обуздать
Хочу свой ум, чтоб Неба благодать
И добродетель – поприща земного

⁴³ Вожатого – не мог я потерять...
Как селянин простой, – в ту пору года,
Когда на небесах начнет сиять

⁴⁶ Июльский день, и южная природа
Вкруг рассыпает щедрые дары, —
Как селянин следит порой у входа

⁴⁹ В свой дом, как в небе вьются комары,
Так я следил в вертепе за огнями,
За переливом странной их игры,

⁵² Когда пришли мы тихими шагами
К окраине, откуда видно дно:
Восьмая пропасть встала перед нами,

⁵⁵ Где было все таинственно-темно.
Как тот пророк, которого в Вёфиле
Медведицы лесные защитили^[142],

⁵⁸ Смотрел, как колесницу Илии

^[142] *Как тот пророк, которого в Вёфиле / Медведицы лесные защитили...* – Данте говорит о пророке Елисее, который, входя в Вёфиль, был оскорблен ругательством отроков, за что последних растерзали две медведицы. (Кн. Царств II, 2. В той же главе упоминается о вознесении святого Илии на Небо в присутствии пророка Елисея.)

На небо быстро кони уносили,
И очи Елисея не могли

⁶¹ Следить за бегом их неуловимым
И только наблюдали лишь с земли,
Как пламя их исчезло в небе дымом,

⁶⁴ Так двигались в вертепе те огни,
И в каждом призрак грешника скрывался.
Чтоб рассмотреть, как двигались они,

⁶⁷ Я с краю моста к бездне наклонялся,
И если бы за камень не держался,
То, верно, б там свои окончил дни

⁷⁰ И в пропасти бездонной потерялся.
За мной путеводитель наблюдал
И на вопрос немой ответ мне дал:

⁷³ «В светильниках, перед тобой зажженных,
Сокрыты души многих осужденных,
Чтобы огонь их вечно пожирал...»

⁷⁶ «Учитель, – отвечал я, – догадаться
Мог я и сам, увидевши в огне
Мелькающие тени, но дознаться

⁷⁹ Хотелось бы теперь, учитель, мне,
Кто это стал к нам ближе приближаться
Вон в пламени, и тот огонь на дне

⁸² Двойным костром теперь вдали пылает,
И страшный мне костер напоминает,
Где Этеокл и брат его сгорел».

⁸⁵ И был ответ: «В том пламени страдает
Сам Диомед и вместе с ним – Улисс^[143]:
Одна их казнь теперь соединяет,

⁸⁸ И здесь в Аду опять они сошлись,
Как на земле сошлись для преступления.
Их *деревянный конь* сгубил, и вниз

^[143] «Сам Диомед и вместе с ним – Улисс...» – Улисс и Диомед, как известно, участвовали в осаде Трои и были главными виновниками обмана, с помощью которого долго не сдававшаяся Троя после десятилетней губительной осады наконец была взята.

⁹¹ В крошечный Ад за ложь без сожаленья
Повержены они. Они должны,
Не ведая пощады искупленья,

⁹⁴ Гореть в жилище адском сатаны:
За их обман страдает и в могиле
Теперь Деидамия об Ахилле.

⁹⁷ И к довершенью страшной их вины
Караются они за похищенье
Палладиума». Молвил я в волненье:

¹⁰⁰ «Когда они способны говорить
И в пламени, то дай мне разрешение,
Учитель мой, – могу ль о том просить? —

¹⁰³ Тех двух теней дожидаться приближенья;
Тебе известны, мудрый мой поэт,
Все тайные души моей стремленья...»

¹⁰⁶ И мне Вергилий дал такой ответ:
«Мой сын, твое желанье одобряю, —
Поистине, дурного в этом нет,

¹⁰⁹ А потому его я исполняю,
Но об одном прошу, чтоб ты привык
Воздерживать, где нужно, свой язык.

¹¹² Все помыслы твои я понимаю,
А потому мне предоставь ты речь
С тенями; должен я предостеречь

¹¹⁵ Тебя, что эти греки, может статься,
С тобой и говорить не захотят...»
Когда к нам пламя стало приближаться,

¹¹⁸ В котором тени двигались в ряд,
Не в силах на пути разъединяться,
И отступить вперед или назад,

¹²¹ Тогда мой спутник молвил им: «О, тени!
Когда хоть чем-нибудь мог угодить
Я вам в своем высоком песнопенье,

¹²⁴ Не торопитесь быстро уходить,
И пусть один из вас мне повествует
О том, за что он осужден страдать

¹²⁷ И в этом вечном пламени тоскует». —
Тогда один светильник задрожал, —
Так ветер иногда огонь волнует, —

¹³⁰ И в тихом колебанье зароптал.
Тень перед нами тихо закачалась,
Как будто бы – за ней я наблюдал —

¹³³ Заговорить с усилием собиралась.
И, наконец, я услышал слова:
«Когда вперед куда-то порывалась

¹³⁶ Моя душа, и кинул я едва,
Не в силах совладать с собой, Цирцею,
Жизнь впереди казалась мне нова,

¹³⁹ И увлечен я был невольно ею,
Забыл отца, свою отчизну-мать,
Расстался с Пенелопею своею.

¹⁴² В себе тоски не мог я обуздать,
Не мог забыть прекрасную затею:
Хотелось мне весь свет скорей узнать:

¹⁴⁵ Его пороки, славные деянья,
И подвиги людские на земле;
И очутился вдруг без колебанья

¹⁴⁸ В открытом море я на корабле
С немногими, мне верными, друзьями,
Помчался по волнам в туманной мгле,

¹⁵¹ Марокко любовался берегами,
Сардинией, прекрасною страной,
И многими другими островами,

¹⁵⁴ Стоявшими в пустыне водяной.
Состарились мы все, когда приплыли
До Геркулеса грани роковой:

¹⁵⁷ Его столбы в проливе узком были
Поставлены – чтоб далее никак
В своих ладьях пловцы не заходили.

¹⁶⁰ Но я сказал, увидя этот знак:
«Друзья! Для нас тяжка была дорога,

До запада достигли мы сквозь мрак,

¹⁶³ И так как жить осталось нам немного,
То счастье попытаем и рискнем
Проникнуть в мир безлюдный, где тревога

¹⁶⁶ Людская неизвестна. О своем
Припомните вы все происхождение.
Не для того на свете мы живем,

¹⁶⁹ Чтоб скотски прозябать со дня рожденья,
Но для того, чтоб на земле найти
Познания и высшие стремленья!»

¹⁷² Так говорил друзьям я на пути,
И речь моя всех их так оживила,
Что трудно удержать потом их было,

¹⁷⁵ Когда вперед мы принялись грести.
Корабль свой мы к востоку повернули
И словно птица далее порхнули

¹⁷⁸ В своем безумном беге. В небесах
Сверкали звезды полюса другого,
Пять раз луна светила в облаках

¹⁸¹ И исчезала с неба голубого
С тех пор, как мы сквозь роковой проход
Скользнули в бездну моря, нам чужого,

¹⁸⁴ И убегали далее... Но вот
Вдали гора пред нами показалась,
Черневшая из белой пены вод,

¹⁸⁷ И та гора громадной нам казалась.
Обрадовались все мы ей тогда,
Но эта радость тотчас же умчалась

¹⁹⁰ От нас, сменившись ужасом, когда
От той горы поднялся вихрь ужасный
И на корабль наш хлынула вода.

¹⁹³ Три раза поднимался он, несчастный,
Напором волн, и вот в четвертый раз,
Не выдержав с грозой борьбы напрасной,

¹⁹⁶ Пошел на дно: закрыло море нас.

Песня двадцать седьмая

Появление в светильнике призрака Гвидо де Монтефельтро. Рассказ Вергилия о состоянии Романьи. По удалении призрака путники переходят из восьмого в девятый вертеп.

¹ Вновь светоч колебаться перестал,
И неподвижный, тихо умолкая,
От нас он удаляться снова стал.

⁴ Учителя желанье исполняя,
Тогда другой дрожащий огонек,
Что следом шел за ним, не уставая,

⁷ К себе мое внимание привлек.
Внутри его – я слышал – раздавался
Какой-то странный ропот, на упрек

¹⁰ Похожий, как тогда мне показался.
Как медный бык^{144} впервые застонал,
И в его реве голос отозвался

¹³ Того, кто вид и формы зверя дал
Тому быку, – и полон был страданья
Тот страшный рев, хотя он вылетал

¹⁶ Из медного, литого изваянья,
Так точно вылетало из огня
Неуловимо-странное роптанье

¹⁹ И пронеслось около меня.
Когда ж оно на волю вдруг прорвалось
Из пламени, тогда услышал я,

²² Как постепенно в звуки облекалось
Роптанье то, и раздались слова,
В которых скорбь и горе выражалось^{145}:

²⁵ «О, смертный, ты, лишь молвивший едва
Здесь по-ломбардски: «Можешь удалиться».
Прошу тебя на миг остановиться.

^{144} Медный бык – изобретателем медного быка был Перилл Афинянин; по приказанию сицилийского тирана Фалариса изобретатель был первой жертвою изобретенного им рода казни.

^{145} *И раздались слова, / В которых скорбь и горе выражалось...* – Грешник, говорящий из середины пламенного светильника, – граф Гвидо де Монтефельтро.

²⁸ Пришел я слишком поздно, может быть,
Но я молю тебя не торопиться,
Молю тебя со мной поговорить:

³¹ Исполни же несчастного желанье...
Когда сюда ты свергнут в наказание,
Покинув край латинский, где грешить

³⁴ Я научился прежде, то нельзя ли
Поведать мне: война иль мир теперь
В Романии? В довольстве иль в печали

³⁷ Живет народ? Мне дороги, поверь,
Известья те. В горах, между Урбино
И тем хребтом, где – чудная картина! —

⁴⁰ Берет начало Тибр, я был рожден».
Я слушал эти речи со вниманьем
И в любопытство весь был обращен,

⁴³ Тогда учитель молвил с состраданием:
«С ним сам ты говори: латинец он...»
И я, осмелен этим замечаньем,

⁴⁶ С ответом уж готовым на губах,
Немедленно воскликнул: «Дух горящий!
В Романии – в тиранах и рабах,

⁴⁹ Как в жизни прошлой, так и в настоящей,
Всегда живет и будет жить раздор
И вечных распрей страх непроходящий,

⁵² Но, к счастью, пока до этих пор
Войны там нет, о ней нет слухов даже;
Равенна же несчастная все та же,

⁵⁵ Чем и была. Орел Поленты^[146] там
Гнездится, как и прежде, распутивший
Над Червиею крылья... Городок,

⁵⁸ В кровавой битве галлов истребивший
И при осаде давший им урок,
Теперь не тот, чем прежде быть он мог:

^[146] Орел Поленты – фамилия Полента владела городами Равенною и Червией, в их гербе был орел.

⁶¹ О подвигах великих позабывший,
Зеленых лап^{147} теперь узнал он гнет.
Веррукио^{148}, название пса носивший,

⁶⁴ С своим щенком по-прежнему грызет
Свою добычу... Помнишь ты, наверно:
Им был убит Монтаньо^{149} в свой черед.

⁶⁷ При двух реках Ламоне и Сантерно
В двух городах по-прежнему царит,
Меня убежденья лицемерно,

⁷⁰ «Лев в поле белом»^{150}. Также всех дивит
Тот городок^{151}, что Савио волнами
У берега цветущего обмыт:

⁷³ Как прежде, меж свободой и цепями,
Живет доньне он, расположен
Между своей долиной и горами;

⁷⁶ По-прежнему теперь несчастлив он...
Ты видишь, я не медлил на ответы,
Вопросами твоими не смущен.

⁷⁹ Теперь: кто ты? ответь без страха мне ты,
И долго в мире Божьем пусть живет
Твое, о призрак, имя». В свой черед

⁸² Я призрака ответа дожидался,
И призрак колебаться тихо стал,
И наконец ответ я услышал:

⁸⁵ «Когда б я хоть минуту сомневался
В том, что попавший в этот темный Ад
Уж никогда не вырвется назад,

⁸⁸ То моего не знал бы ты ответа,
Но так как хорошо известно мне,

^{147} *Зеленые лапы* – здесь говорится о городе Форли, который долго сопротивлялся войску, посланному папой Мартином IV и состоявшему преимущественно из французов. Войско это было разбито графом де Монтефельтро – тем самым, которому Данте сообщает новости о мире. Форли принадлежал фамилии Орделаффи, в гербе которой был зеленый лев.

^{148} *Веррукио* – отец и сын, Малатеста и Малетестино, прозванные псами за жестокость, с которой они правили городом Римини.

^{149} *Монтаньо Парчитати* – один из вождей гибеллинских, был убит Малатестой.

^{150} «*Лев в поле белом*». – Близ реки Ламоне стоит город Фаэцца; на реке Сантерно – город Имола. Над ними властвовал Макинардо Пагани – то гвельф, то гибеллин, смотря по обстоятельствам. В его гербе был всегда лев на серебряном поле.

^{151} *Тот городок*... – Здесь Данте говорит о городе Чезене на реке Савио.

Что все, кого вмещает бездна эта,

⁹¹ Навечно отдаются сатане,
То я готов прервать свое молчанье,
Забыв про стыд в подземной глубине.

⁹⁴ Так выслушай правдивое сказанье:
Я воином когда-то в мире был,
Потом, чтоб все греховные деянья

⁹⁷ Простились мне, в монахи я вступил,
Надеялся, что пост и воздержание
Спасут меня – и я бы заслужил

¹⁰⁰ Прощение, принявши сан духовный,
Когда бы мне – позор ему и грех! —
Не помешал тогда отец верховный.

¹⁰³ Меня поверг он в бездну прежних всех
Моих грехов... О днях печальных тех
Ты выслушай рассказ мой хладнокровный.

¹⁰⁶ Когда я молод был и на земле
Жил в образе из крови и из тела,
Я львенком не являлся в мире смело,

¹⁰⁹ Но был лисой и действовал во мгле,
Обманы все узнал, все ухищренья,
И выгоды ловил я в каждом зле.

¹¹² Лукавые такие похождения
Печальную известность дали мне
И скоро разнеслись по всей стране...

¹¹⁵ Меж тем дни шли, и юность уходила.
И для меня то время наступило,
Когда седеют наши волосы

¹¹⁸ И опускать нам нужно паруса;
И вот когда все то мне опостыло,
К чему я жадно некогда рвался,

¹²¹ Я обратился к Богу, ожидая
Спасенья в покаянии... О, мог
Покаяться, спасти себя тогда я,

¹²⁴ Но в бездну грешных дел опять увлек,

Все помыслы хорошие рассеяв,
Меня владыка новых фарисеев^{152}

¹²⁷ И бросил снова в гибельный поток.
В то время вел войну он – не с жидами,
Не с сарацинами: его врагами

¹³⁰ Являлись христиане. Никогда,
Никто из них под Акрой не являлся
За лаврами победы в те года

¹³³ И с областью Судана не старался
Входить в дела торговые тогда.
На них похожим папа не казался.

¹³⁶ Он свой верховный сан забыл вполне
С величием святого постриженья,
Забыл, что были вервия на мне,

¹³⁹ В которых находили искупленья
Монахи, их носившие во сне
И наяву в своем уединенье.

¹⁴² И как молил Сильвестра Константин^{153}
Ему дать от проказы исцеленье,
Так и меня духовный властелин

¹⁴⁵ Просил спасти его от исступленья
Неодолимой гордости. В ответ
Ни слова не сказал я, опьяненье

¹⁴⁸ Какое-то в той просьбе видя. «Нет, —
Он продолжал, — забудь свое смущенье;
Я отпущу твой грех, но дай совет,

¹⁵¹ Как взять мне Пенестрино без сраженья.
Ты знаешь – Рай я отпирать могу
И два ключа от Неба берегу,

¹⁵⁴ Хоть Целестин^{154} от них и отказался...»
При тех речах не мог я устоять

^{152} *Владыка новых фарисеев...* – Именем князя новых фарисеев поэт называет папу Бонифация VIII. Он был в войне с фамилией Колонна, дворец которых в Риме был близ церкви Святого Иоанна Латеранского.

^{153} *И как молил Сильвестра Константина...* – Существует легенда, что император Константин вызвал папу Сильвестра из его пустыни, чтобы тот молитвами избавил императора от проказы.

^{154} *«И два ключа от Неба берегу, / Хоть Целестин от них и отказался...»* – Папа Целестин V по проискам Бонифация VIII добровольно сложил с себя папскую тиару.

И быстро искушению поддался.

¹⁵⁷ Я отвечал: «Когда мне отпускать,
Святой отец, грехи ты в состояние,
То помнишь же: чтобы преград не знать

¹⁶⁰ И выполнять заветные желанья,
Как можно больше людям обещаю,
Но обещаний тех не исполняй,

¹⁶³ Тогда-то все твои предначертанья
Исполнятся, и твой святой престол
Получит новый блеск и обаянье».

¹⁶⁶ Когда моей кончины час пришел,
Когда святой Франциск за мной явился,
То близ меня он демона нашел,

¹⁶⁹ Который так к святому обратился:
«Оставь его! Он мне принадлежит!
За что меня ты оскорблять решился?

¹⁷² Он мой теперь и в Тартар полетит
За свой совет лукавый прежде смерти;
С тех пор его Ад целый сторожит

¹⁷⁵ И в волоса его давно вцепились черти.
В одно и то же время он хотел
И каяться, и предавать умел...»

¹⁷⁸ «О, горе!» – крикнул я, когда тот демон
Схватил меня, и продолжал меж тем он:
«Подумал, вероятно, ты, что мне

¹⁸¹ И логика людская не под силу?
Не думай дурно так о сатане».
Тогда сюда в подземную могилу

¹⁸⁴ Он к Миносу принес меня, а тот
Своим хвостом раз восемь окрутился
Вокруг спины, раскрыл кровавый рот,

¹⁸⁷ Сам укусил себя и разразился
Проклятием: «Попал ты в тот проход,
Где грешников огонь навек пожрет...»

¹⁹⁰ С тех самых пор в огне я поселился

И в пламенной одежде стал страдать...»
Рассказ души погибшей прекратился...

¹⁹³ Тень двинулась и начала стонать,
Колеблясь и крутясь в своем движении.
И далее мы стали путь держать

¹⁹⁶ Туда, где в новом, мрачном помещенье
Томились души с очень давних пор
За то, что не боялись преступления,

¹⁹⁹ За то, что в мире сеяли раздор.

Песня двадцать восьмая

Девятый вертеп восьмого круга. Призраки сеятелей раздоров и расколов.
Магомет, Али, Бертрам де Борн.

¹ Бессилен человеческий язык,
Бессилен стих певца для описанья
Всего того, что, подавляя крик,

⁴ Я увидел – и кровь, и истязанье
Теней, покрытых язвами. Нет слов
Приличных для того повествованья.

⁷ Наш ум так ограничен, что готов
От подвига такого отказаться...
Когда б собрать всех проливавших кровь

¹⁰ В долине Апулийской, что сражаться
Сошлись и гибли от мечей римлян
(Тит Ливии пишет так, и сомневаться

¹³ Нам нет причин), и их богатый стан
Достался победителям; когда бы
Собрать людей, измученных от ран,

¹⁶ И бившихся – их силы были слабы —
С Гвискаром^{155}; если б вновь теперь собрать
Погибшую при Чеперано рать,

¹⁹ Где каждый апулиец оказался
Изменником^{156} и, наконец, всех тех,
Чей стан при Тальякоццо разметался

²² И лег костями, и где имел успех
Старик Алар^{157}, который там являлся
Карателем, перехитрившим всех

²⁵ И без оружия в битве победившим;
Когда б все эти воины могли

^{155} Роберт Гвискар – брат Ричарда, герцога нормандского. Он покорил Апулию и Калабрию в XVI в.

^{156} *Где каждый апулиец оказался / Изменником...* – При Чеперано была битва, в которой Карл Анжу разбил Манфреда, короля сицилийского и апулийского, покинутого апулийцами, и взял его в плен. Это было мнение Данте. Виллаки же свидетельствует, что при Чеперано Манфред сам сдался Карлу; измену же апулийцев он относит к битве при Беневенте, где Манфред был убит.

^{157} Алар – французский рыцарь, содействовавший советом Карлу Анжу в победе над Конрадином, племянником Манфреда.

Теперь восстать пред нами из земли, —

²⁸ На раны их на трупе полусгнившем
Не с тем бы отвращеньем я смотрел,
С каким глядел на груды страшных тел

³¹ Девятого вертепа. С меньшей силой
Из бочки льется на землю вино,
Когда пробито в бочке этой дно,

³⁴ Чем кровь лилась из призрака... Унылый
Имел он вид; он даже за могилой
На миг себе покоя не найдет.

³⁷ От подбородка самого живот
Рассечен у него был, и струями
Сбегала кровь. Между его ногами

⁴⁰ Мотались кровавые кишки
И легкое, и тот мешок, в котором
Там, на земле, до гробовой доски,

⁴³ Питанье переваривалось. Взора,
Исполненного горя и тоски,
При виде столь ужасного позора,

⁴⁶ От грешника я отвести не мог,
Тогда и на меня взглянул он тоже
И вдруг, открыв от головы до ног

⁴⁹ Зияющие язвы, клочья кожи,
Он мне сказал: «Смотри, смотри сюда,
Как сам себя терзаю я всегда,

⁵² Смотри, как Магомет стал изувечен.
А далее увидишь предо мной
Ты Алия, и у него рассечен

⁵⁵ Весь череп. Этой казни роковой
Здесь преданы все грешники: на свете
Соблазнов и расколов разных сети

⁵⁸ Они толпе любили расставлять,
И за грехи ужаснейшие эти
Они должны от тяжких язв страдать,

⁶¹ Свой путь по кругу этому свершая;

Когда ж их раны станут заживать,
То их, бичуя вновь и поражая,

⁶⁴ Меч демонов на части рассечет,
И язвы вновь откроются, зияя.
Но кто ты сам? Ты не спешишь вперед

⁶⁷ Идти в Аду, как будто бы желая
Мучение той казни отдалить,
Которую успел ты заслужить».

⁷⁰ «Еще он жив, еще земной он житель,
И не для мук сошел он в темный Ад, —
Так призраку сказал тогда учитель, —

⁷³ Но для того, чтоб в светлый мир назад
Он с опытностью большей воротился,
Я, сам, мертвец, водить его решил

⁷⁶ Из круга в круг, и все, что говорят
Мои уста, все истинно». Смутился
Рой призраков, и больше сотни в ряд

⁷⁹ Их легион во рву остановился,
Чтоб рассмотреть, кто я, каков мой вид;
И в ту минуту ими был забыт

⁸² Весь ужас их съедающих мучений...
«О, ты, сошедший в царство привидений!
Ты, может быть, свет солнечного дня

⁸⁵ Увидишь скоро вновь, — так от меня
Скажи ты непременно Фра Дольчине^{158},
Что если он еще не хочет ныне

⁸⁸ Со мною здесь соседство разделять,
То чтобы он скорее запасался
Припасами съестными и боялся

⁹¹ В горах Наварры гибель испытать...»
Речь Магомета стихла понемногу.
Желая путь дальнейший продолжать,

⁹⁴ С усилием большим он поднял ногу

^{158} *Фра Дольчине* – проповедовал в 1305 г. общность имущества и женщин. Он был взят в плен в горах Наварры и потом сожжен.

И далее отправился. Иной
Явился страшный призрак предо мной:

⁹⁷ Нос у него был вырван совершенно,
Одно осталось ухо за виском,
И горло перерезано. В таком

¹⁰⁰ Ужасном виде вырос он мгновенно
Передо мной, раскрыв кровавый рот,
И мне сказал: «О, ты, кого не ждет

¹⁰³ Пока к себе ужасная геенна,
Ты за грехи еще не пострадал, —
Тебя в земле Латинской я встречал,

¹⁰⁶ Когда меня не обмануло сходство.
Ты надо мной имеешь превосходство
В своей судьбе, и если б ты попал

¹⁰⁹ В то место, где спускается долина
От Верчелло до Маркабб, тогда
Припомни только Пьера Медичина^{159};

¹¹² Не откажись – молю я – от труда
(Для той мольбы есть важная причина),
Не откажись, когда придешь туда,

¹¹⁵ Уведомить правдивых граждан Фано^{160},
Гюидо дель Кассеро и потом
Еще Анжионелло ди Каньяно,

¹¹⁸ Уведомить обоих их о том,
Что ждет их смерть от хищных рук тирана,
Что, с собственным расставшись кораблем,

¹²¹ Насильственно они погибнут в море
На шее с камнем. Вот какое горе
Им впереди придется испытать.

¹²⁴ И я скорблю об участи их горькой.
Меж островами Кипром и Майоркой
Такого преступления встречать

^{159} *Пьер де Медичина* – был известен в Болонье как интриган. Он поссорил Гюидо Поленто, владельца Римини, с владельцем Равенны.

^{160} «*Уведомить правдивых граждан Фано...*» – Медичина просит поэта предупредить двух граждан Фано – Гюидо дель Кассеро и Анжионелло ди Каньяно – об угрожающей им опасности: Малатеста велел их утопить в море.

¹²⁷ Нептуну, вероятно, не случилось
Среди морских пиратов. Этот тать,
Тать одноглазый, ставший управлять

¹³⁰ Тем городом, – в котором бы боялась
Тень ближнего собрата побывать, —
К себе на совеща́нье приглашать

¹³³ Сперва обоих граждан этих станет,
А после их предательски обманет,
Так что не нужно будет с той поры

¹³⁶ Им ожидать с вершины Фокары^{161},
Когда морская буря прекратится,
И воссылать молитвы с той горы».

¹³⁹ Я отвечал ему: «Все совершится,
О чем ты просишь; все твои слова
Я передам, поверь мне в том, едва

¹⁴² На землю я вступлю, но согласиться
Ты должен мне на тень ту показать,
Которая не может созерцать

¹⁴⁵ Без горечи стен города». Тогда-то
Он руку наложил свою слегка
На челюсть близ стоящего собрата.

¹⁴⁸ И рот его раскрыл, но языка
Тот не имел... «Вот он, перед тобою, —
Ответил грешник мне, – увы! судьбою

¹⁵¹ Лишился он на многие века
Способности людей всех – дара слова». —
То был изгнанник. Цезаря сурово

¹⁵⁴ Когда-то он умел в том убедить,
Что человек, на смелый шаг готовый,
Не должен медлить, чтобы победить.

¹⁵⁷ Его язык был вырван, и дрожащий
Стоял передо мною Курион^{162},
В иные дни советы подававший

^{161} *Фокара* – гора между Фано и Каттоликою, известная по окружающим бурям.

^{162} *Курион* – трибун, изгнанный из Рима, подал Цезарю совет перейти Рубикон. Совет был дан в Римини; он был началом междоусобной войны.

¹⁶⁰ Столь смелые... Объят был страхом он.
Затем я увидал другие муки
Несчастливого. Едва скрывая стон,

¹⁶³ Свои почти обрубленные руки
Или верней – обрубки их одни
Он поднял над собою... «Помяни

¹⁶⁶ И Моска ты!»^{163} – он крикнул мне с тоскою,
А между тем из двух обрубков рук
Кровь на лицо его лилась рекою.

¹⁶⁹ Я отвечал, когда он смолкнул вдруг:
«Увы! Всегда у начатого дела
Конец бывает... Многих мук

¹⁷² Причиной для тосканцев были, смело
Тобой произнесенные слова.
От них душа всех граждан наболела

¹⁷⁵ И род твой сгиб», – прибавил я. Едва
Я замолчал, несчастный осужденный,
Безумием и горем пораженный,

¹⁷⁸ Пропал из глаз, и на других теней
Я стал смотреть и пред собою снова
Увидел то, что в памяти моей

¹⁸¹ Живет доньне. Образа такого
Нельзя воображению создать,
И слабо человеческое слово,

¹⁸⁴ Чтоб ужас и мой трепет передать.
Передо мной встал призрак безголовый,
Идущий, как другие, в мгле суровой,

¹⁸⁷ И, как фонарь, он нес в своей руке
Отрезанную голову. В тоске
Та голова кровавая стонала;

¹⁹⁰ Она светильник трупам заменяла, —
То было – два в одном и в двух – один.

^{163} «Помяни и Моска ты!» – Намек на известную историческую вражду двух флорентийских партий – Черных и Белых. Буоньдельмонте оскорбил несколько знатных фамилий, оставив невесту из дома Алиедей. Оскорбленные согласились отомстить: Моска предложил убить Буоньдельмонте и сам поразил его.

Какая сила их соединяла,

¹⁹³ Лишь постигает высший властелин.
И голову рукою подымая
Как можно выше, будто бы желая,

¹⁹⁶ Чтоб каждый звук услышан мною был,
Тень молвила: «Ты, человек живущий,
Сошедший в мир подземных, адских сил,

¹⁹⁹ Ты, по вертепу этому идущий,
Случалось ли тебе когда-нибудь
На муки столь же страшные взглянуть?

²⁰² Бертрам де Борн^{164} мне имя. Я тот самый
Коварный, бессердечный и упрямый,
Бесчувственный советник короля, —

²⁰⁵ Я клеветник. Лукавя и хуля,
С отцом поссорить сына я решился,
Вторым я Ахитофелем явился,

²⁰⁸ Который Абасалона научил,
Чтоб на Давида он вооружился.
И вот за то, что в мире разлучил

²¹¹ Я двух людей, столь близких меж собою,
Я с головой своею разлучен
Навечно беспощадною судьбою...»

²¹⁴ И далее блуждать пустился он.

^{164} *Бертрам де Борн* – владелец Готфора, знаменитый трубадур и наперсник Генриха, сына Генриха II, короля английского, короновавшего его еще при своей жизни. Коварный советник настроил юного принца против отца, подобно тому как Ахитофель вооружил Авессалома против Давида.

Песня двадцать девятая

Десятый вертеп, где находятся алхимики и делатели фальшивой монеты.
Два алхимика и их судьба.

¹ Мучения бесчисленных теней,
Терзаемых во мраке вечной ночи,
И вид их язв, и горечь их скорбей

⁴ Печалью отуманили мне очи,
Так что едва я слезы удержал;
Но мне путеводитель мой сказал:

⁷ «Что смотришь ты, не отрывая взора
От призраков? В других вертепах ты
Картиной их мучений и позора

¹⁰ Не столько поражен был... С высоты,
Где мы стоим, ты, может быть, желаешь
Их сосчитать под кровом темноты;

¹³ Коль это так, то, верно, ты не знаешь,
Что двадцать миль долина заняла,
И ты на ней теней не считаешь;

¹⁶ А между тем луна уже зашла, —
Она теперь под нашими ногами, —
А между тем далеко не пришла

¹⁹ К концу дорога наша, и путями
Дальнейшими нам суждено идти:
Еще не все изведано здесь нами».

²² «Когда б ты знал, зачем я на пути,
Учитель мой, теперь остановился
И отчего не мог глаз отвести,

²⁵ То, может быть, и сам бы ты решился
Меня из этих мест не торопить
И не корил, что я остановился».

²⁸ Так я сказал, когда стал уходить
Учитель мой, и я за ним шел следом,
Дорогой продолжая говорить:

³¹ «Тебе мой каждый помысел стал ведом.
В той бездне, от которой я не мог
Глаз оторвать, измучен от тревог,

³⁴ Я увидал – не мог я ошибиться —
Тень одного из родичей своих.
За тяжкие грехи он там казнится,

³⁷ Хотя поздно, но оплакивает их».
«Не обращай ты на него вниманья,
Но обрати внимание на других,

⁴⁰ В Ад сверженных на вечное страданье.
Оставь его. Я видел сам, как он
Из-за моста грозил тебе, взбешен,

⁴³ И пальцем на тебя указывал. Случайно
Услышал я, что здесь его зовут
Джери дель Бельо^[165]. Занят чрезвычайно

⁴⁶ Ты был другим, когда грозил он тут,
И лишь когда с правителем Готфора
Расстался ты, тобой замечен скоро

⁴⁹ Был этот дух». Я вновь заговорил:
«За смерть его никто еще доньше,
Учитель мой, из нас не отомстил.

⁵² Вот почему, быть может, в той долине
В негодование он мне погрозил
И тем еще сильнее возбудил

⁵⁵ В моей душе и грусть, и сожаленье».
Так говорили мы и шли вперед
К другой ужасной пропасти, и вот

⁵⁸ Взошли мы на такое возвышенье,
Откуда бездна стала нам видна
До самого таинственного дна...

⁶¹ Когда ж пришли к последней мы ограде
И грешников увидели опять,
Тогда вокруг нас и спереди, и сзади

^[165] Джери дель Бельо – родственник Данте со стороны матери, был умным и любезным человеком, но в то же время невосдержанным на язык. Уличенный в клевете одним из фамилии Джерми, он убил его, а потом был сам умерщвлен родственником убитого. Смерть его была отомщена только тридцать лет спустя.

⁶⁴ Несчастные так начали стонать,
Сливаясь в вопль, в моление о пощаде,
Что должен был невольно я зажать

⁶⁷ Руками уши... Если б из тумана
Собрать все испарения болот
Сардинии, Мареммы, Вальдикьяны^{166},

⁷⁰ Соединив их вместе в свой черед,
Тогда бы их зловерное дыханье
Напомнило вертеп мне гнусный тот,

⁷³ Откуда запах мерзкий исторгался.
Зловонием весь воздух заражался,
Как будто труп за трупом там сгнивал.

⁷⁶ Сошли мы на ступень одной из скал,
Откуда вид ужасный открывался
И глаз свободно в бездну проникал.

⁷⁹ В той бездне те преступники скрывались,
Которые безжалостно карались
Неумолимым роком за подлог.

⁸² Представить худшей казни я не мог.
Не думаю, чтоб более терзались
Эгины обитатели^{167}, в тот срок,

⁸⁵ Когда они повсюду отравлялись,
Вдыхая постепенно смертный яд
Зловредных испарений, и склонялись,

⁸⁸ Чтоб умереть, и гибли с ними в ряд
Животные... На острове на этом,
Когда про то поверим мы поэтам,

⁹¹ Все вымерло, почилو смертным сном,
Лишь живы муравьи одни остались.
Но вновь в людей живых перерождались

^{166} *Вальдикьяна* – так называется одна долина от болота, образуемого маленькой рекой Киано. Оно находится между Арещо, Кортоне, Киузи и Монтепульчиано. *Маремма* – болотистая приморская полоса земли между Пизой и Сиеной. *Вальдикьяна, Маремма и Сардиния* известны своими вредными испарениями, особенно опасными в июле и в августе.

^{167} *Эгины обитатели...* / *Когда они повсюду отравлялись...* – В царствование Эака, сына Юпитера, чума истребила всех жителей и почти всех насекомых и скот на острове Эгине. По просьбе Эака Юпитер превратил в людей оставшихся живыми муравьев, и таким образом остров снова был населен. Новые люди названы были Мирмидонами (от греч. *mirtis* – муравей).

⁹⁴ Те муравьи Юпитером потом...
Такой же точно мертвенной пустыней
Мы шли тогда и видели кругом

⁹⁷ Лишь груды тел. Здесь призрак бледно-синий
Лежал на животе; ползком другой
Куда-то пробирался, иль нагой

¹⁰⁰ Соседу тихо на спину ложился.
Мы дальше шли; путь труден становился.
Мы стали воплям страждущих внимать,

¹⁰³ Которые измученного тела
С земли не в силах были приподнять,
Как будто бы над ними тяготела

¹⁰⁶ Невидимая тяжесть. В этот раз
Двух грешников заметил я. Склонясь
Друг к другу, эти призраки сидели,

¹⁰⁹ И тело их от головы до ног
Покрыто было струпьями. На теле
Ужасный зуд унять они хотели,

¹¹² В кровь струпья раздирая. Я не мог
Без ужаса смотреть на их занятие.
Нет, конюх, изрыгающий проклятья,

¹¹⁵ Чтоб отойти скорее на покой,
Не скреб коня с досадою такой,
Как оба эти адские собратья

¹¹⁸ Ногтями струпья начали срывать,
Не в силах боли бешеной скрывать.
Как рыбу с очень крупной чешуею

¹²¹ Приходится ножами отчищать,
Так тени осужденных предо мною
Себя скоблили с плачем и тоскою.

¹²⁴ И к одному из грешников в тот миг
Вергилий обратился вдруг с речами:
«Скажи мне, дух, который здесь привык

¹²⁷ Терзать себя ногтями, как клещами,
Скажи, когда имеешь ты язык:
Латинцев нет ли, грешник, между вами,

¹³⁰ И пусть тебе на твой тяжелый труд
Твоих ногтей на целый век достанет,
Чтоб унимать чесотки вечный зуд...»

¹³³ «Тебя несчастный грешник не обманет, —
Сказала тень. — Латинцы оба мы,
И призрак наш здесь плакать вечно станет.

¹³⁶ Но кто ты сам, сошедший в Царство тьмы?»
И с ним заговорил учитель снова:
«Для человека этого живого

¹³⁹ Я перешел чрез целый ряд преград,
Из мрачной бездны в бездну опускался,
Чтоб показать ему подземный Ад...»

¹⁴² Едва ответ учителя раздался,
Как тень одна отторглась от другой,
И каждый грешник, видимо, старался,

¹⁴⁵ Приблизившись, заговорить со мной.
Учитель подошел ко мне поближе
И мне шепнул, знак сделавши рукой:

¹⁴⁸ «Ты хочешь говорить, так говори же
Что хочешь с ними...» Выслушав совет,
Я начал речь свою: «Пусть много лет

¹⁵¹ О вас на свете память сохранится
И вас не позабудет долго свет!
Откуда вы – вы мне должны открыться

¹⁵⁴ И, не стыдясь, начните свой рассказ:
Позорное в вертепе наказание
Вас не смущает пусть на этот раз...»

¹⁵⁷ И начала свое повествованье
Тень первая: «В Ареццо я рожден.
Альберо дал однажды приказанье,

¹⁶⁰ Чтоб на костре я разом был сожжен^[168], —
И я сгорел. В Аду же очутился

^[168] «В Ареццо я рожден. / Альберо дал однажды приказанье, / Чтоб на костре я разом был сожжен...» – Гриффолино из Ареццо, обвиненный в чародействе, сожжен по приказанию сиенского епископа, которого Альбер был незаконнорожденным сыном.

Я не за то, за что был умерщвлен.

¹⁶³ Однажды я с Альберо расшутился,
Уверивши его, что я летать
По воздуху, как птица, научился.

¹⁶⁶ Но, шутки не умея понимать,
Так было смысла здорового в нем мало,
Меня глупец решился заставлять,

¹⁶⁹ Чтоб из него крылатого Дедала
Я сотворил, но так как я не мог
Ему помочь, тогда меня он сжег.

¹⁷² Я муки этой огненной не вынес,
Сюда ж меня неумолимый Минос
Низверг потом, но за другой порок...

¹⁷⁵ Нет, я попал в кромешный Ад бездонный.
Проклятою коростой пораженный,
За то, что я алхимик прежде был».

¹⁷⁸ Тогда с поэтом я заговорил:
«Едва ли есть народ другой на свете,
Столь суетный, как все сиенцы эти.

¹⁸¹ Французы даже суетны не так...»
Другая тень тут выразила мнение,
Чего не мог я ожидать никак:

¹⁸⁴ «Для Стрикко^{169} только сделай исключенье,
Который мотовства был страшный враг.
Потом отдать ты должен предпочтенье

¹⁸⁷ Никколо^{170}. Он за то здесь, что открыл
И ввел гвоздику сам в употребление,
Гвоздику, это чудное растение.

¹⁹⁰ Которое он смело разводил
В родном саду^{171}, где дорогое семя
Во всякое плодиться может время.

^{169} Стрикка из Сиены – промотал огромное богатство. Данте в насмешку изображает Стрикка и других ему подобных мотов людьми умеренными и скромными.

^{170} Никколо из Сиены – известен мотовством, первым придумал употреблять в кушаньях гвоздику и другие пряности.

^{171} «В родном саду...» – Садам поэт называет в этом случае расточительную Сиену.

¹⁹³ Потом ты исключить еще забыл
Веселую ватагу, где когда-то
Даньяно^{172} расточительный кутил

¹⁹⁶ И где неистощимый Аббальято^{173}
Умел остроум так много расточать...
Когда ж теперь желаешь ты узнать

¹⁹⁹ Того, кто о сиенцах судит здраво,
Как сам ты судишь, то имеешь право
Во мне тень Капоккио^{174} ты признать.

²⁰² Чтобы скорей набить свои карманы,
Подделывал я золото и слыл
Алхимиком. Я в мире – вспомни – был

²⁰⁵ Подобием преловкой обезьяны».

^{172} *Каччио Даньяно* – принадлежал к числу первейших мотов Сиены.

^{173} *Аббальято* – товарищ и душа разгульной сиенской молодежи, заслужил от Данте похвалу за умеренность, которой он постоянно держался среди безумного мотовства своих приятелей.

^{174} *Капоккио* – сиенец, по мнению одних комментаторов, флорентиец, если верить другим. Изучал физику и естественную историю вместе с Данте. Впоследствии алхимия увлекла его, а неудачи в открытии великой тайны привели его к тому, что он стал подделывать золото и сделался, как он говорит, «обезьяной природы».

Песня тридцатая

Перед поэтами проносится призрак Мирры. Тень Джианни Скикки бросается на алхимика Капоккио и низвергается с ним на дно вертепа. Другие призраки и упрек Вергилия.

¹ Когда на племя фивское была
Разгневана Юнона за Семелу^{175}
И в месть свой гнев ужасный облекла,

⁴ Тогда Юноной страшному уделу
Афамас обречен был. До того
Юнона обезумила его,

⁷ Что он, жену увидя, у которой
В тот час два сына были на руках,
К ней подбежал, с одной его опорой

¹⁰ Безумство было, – крикнув: «О, в сетях
Сейчас поймаю с львятами я львицу!...»
Потом с зловещим бешенством в глазах

¹³ Он кверху поднял грозную десницу,
Леарха сына за ноги схватил,
Швырнул его он кверху, словно птицу,

¹⁶ И об утес несчастного разбил,
А мать с другим ребенком утопилась...
Когда величье Трои закатилось,

¹⁹ И царь, и царство в сумраке могил
Нашли покой, тогда в плену скиталась
Несчастливая, лишенная всех сил,

²² Гекуба и слезами заливалась
О смерти Поликсены^{176}, и потом,
Когда в слезах на берегу морском

²⁵ Она труп Полидора отыскала,

^{175} Разгневана Юнона за Семелу... – Юнона ненавидела фивян за любовь Юпитера к Семеле, дочери Кадма – основателя Фив. С помощью фурии Тизифоны она привела Афамаса, царя фивского, в такое состояние бешеного помешательства, что, приняв жену свою Ину за львицу и сыновей за львят, он схватил одного из них, Леарха, и убил об скалу, а мать утопилась с другим сыном.

^{176} О смерти Поликсены... – Греки, взяв в плен семейство Приама, умертвили Поликсену – дочь Приама и Гекубы – на могиле Ахилла; в то же время брат Поликсены, Полидор, был убит Полимнестром. Гекуба, лишившись детей, до того обезумела, что вопли ее походили на лай пса.

То ярость в ней такая началась,
Что, словно пес, Гекуба лаять стала;

²⁸ От горести рассудок в ней угас.
Но никогда фивяне иль трояне,
В которых кровь от бешенства зажглась,

³¹ В дни мирные, или в военном стане,
Жестоки столько не были, людей
Так не терзали люто, как зверей,

³⁴ Подобно двум свирепым привиденьям,
Которые – забыть их не могу —
Крутились перед нами с озлобленьем,

³⁷ Кусались, словно вепри на бегу.
Вот тень одна мгновенно наскочила
На Капоккио, за шею схватила

⁴⁰ Противника, согнув его в дугу,
И, бороня им землю, потащила
Его с собой. Тогда проговорила

⁴³ Тень аретинца мне: «Смотри ты: вот
Джианни Скикки^{177} бешеный промчался;
Он в ярости других теней грызет».

⁴⁶ «Пусть дух другой, – тогда я отозвался, —
Тебя, как эта тень, не загрызет;
Но чей же призрак это?» И дает

⁴⁹ Мне тень ответ: «То Мирры похотливой
Преступная и грязная душа.
Она к отцу любовью нечестивой

⁵² Пылала, в тайных помыслах греша.
Но чтоб отец с ней разделить мог ложе,
Она меняла вид свой, уничтожа

⁵⁵ Все прежние черты свои, как тот
Свирепый дух, который уже скрылся.
Пленный кобылицей, без хлопот

^{177} *Джианни Скикки* – известен был во Флоренции умением изменять черты своего лица и принимать желаемый облик. Рассказывают, что по смерти Бузо Донати он лег на постель умершего и продиктовал завещание, лишившее наследства законных наследников. За это он получил в дар дорогую кобылицу.

⁵⁸ Он получить за то ее решился,
Что принял вид Донати, сочинил
Духовную и мертвым притворился.

⁶¹ За тот подлог коня он получил».
Когда две тени бешеные скрылись,
Свои глаза туда я устремил,

⁶⁴ Где новые преступники роились.
И я одним из них был поражен,
Так что невольно очи опустились.

⁶⁷ Похож бы был на лютню очень он,
Когда б из бедер ноги не торчали.
Он страшной водяной был отягчен,

⁷⁰ И эти ноги чуть его держали;
Раздутостью пугал его живот.
Стонала тень от жажды и печали,

⁷³ И, словно пасть, она открыла рот:
«О, вы, вы, избежавшие страдания,
Которое в вертепе адском жжет,

⁷⁶ Прошу вас, обратите же внимание
Вы на меня, – так говорил дух нам,
Я знаменитый мастер был, Адам^{178}.

⁷⁹ Огромное имел я состоянье.
Не знал забот, не понимал нужды,
А здесь в Аду одно мое желанье:

⁸² Желаю каплю только я воды.
В моем уме всегда одна картина:
Холмов, цветущих в зелени, гряды,

⁸⁵ И с тех холмов зеленых Казентино
Бегут ручьи и падают в Арно...
О них воспоминание одно

⁸⁸ На краткий миг во мне не замолкает.
Оно ужасней всяких адских мук,
Ужаснее, чем тяжкий тот недуг,

^{178} *Мастер Адам из Бресции* – по наущению графов Ромены, Гюн Александра и Агинольфа, подделывал флорины с изображением Иоанна Крестителя с одной и лилий с другой стороны.

⁹¹ Который вечно здесь меня терзает.
Одно воспоминание о тех
Местах, где совершил я тяжкий грех,

⁹⁴ Является моей ужасной казнью,
И вечной мукой, вечною боязнью
Терзаюсь я за то, что выпускал

⁹⁷ Поддельные флорины, и за это
Сожжен был я... О, если б отыскал
В Аду я два проклятые скелета

¹⁰⁰ Двух братьев... О, Гюидо! Не желал
Я зрелища другого, и его бы
На волны Бранды^{179} я не променял.

¹⁰³ Те призраки, исполненные злобы,
Которые вокруг меня снуют,
Сказали мне, когда они не лгут,

¹⁰⁶ Что в Ад сюда один Гюидо сброшен...
Но для чего теперь о том мне знать?
Вот в чем вопрос! Разит меня как нож он.

¹⁰⁹ О, что могу в Аду я предпринять,
Чтоб насладиться делом отомщенья,
Когда мои все скованы движенья...

¹¹² О, если б я хотя был легок так,
Чтоб каждое столетье подвигаться
Вперед мог на единый только шаг,

¹¹⁵ То я бы не подумал колебаться
И двинулся б вперед, чтоб отыскать
Во тьме, где души падшие крутятся,

¹¹⁸ Того, кого я должен проклинять,
Хотя окружность адской всей долины
И велика... Нельзя мне забывать,

¹²¹ Что все мои мученья и кручины
Чрез двух презренных братьев я узнал.
Подделывать фальшивые флорины

^{179} Фонтан Бранда – старейший фонтан Сиены.

¹²⁴ Они меня заставили, и стал
Я жертвой их». Но тут спросил его я:
«Не знаешь ли, скажи, кто эти двое,

¹²⁷ Которые правой тебя лежат,
Один к другому плотно прижимаясь,
И пар встает над ними, колыхаясь?»

¹³⁰ Он отвечал: «Когда сошел я в Ад,
Они лежали здесь, не поднимаясь,
Не шевелясь. Столетий многих ряд

¹³³ Им суждено остаться без движенья.
Тень первая – Пентефрия жена,
За клевету достойная презренья.

¹³⁶ Другая ж тень, с которою она
Не разлучаться в бездне сей должна, —
Синона^{180} тень: то грек, стыда лишенный.

¹³⁹ Над ними пар стоит всегда зловонный...»
Тогда одна из этих двух теней,
Услыша приговор бесцеремонный,

¹⁴² Ударила врага рукой своей
По животу отвисшему, и брюхо,
Как барабан, вдруг загудело глухо.

¹⁴⁵ Но и Адам ответил ей в тот миг
Ударом по лицу своей рукою,
И был удар не легкий, и такую

¹⁴⁸ Закончен речью: «Если не привык
И не могу я с места подвигаться,
Зато своей рукой, могу признаться,

¹⁵¹ Владею я, и мой удар силен».
И отвечал на то ему Синон:
«Когда при жизни должен был взбираться

¹⁵⁴ Ты на костер, тогда твоя рука
Была едва ли столько же ловка,
Как некогда, когда, на диво свету,

^{180} Синон – беглый грек, живший в Трое и убедивший жителей ввезти в город деревянного коня, от которого пала Троя.

¹⁵⁷ Чеканил ты фальшивую монету». —
«На этот раз ты правду говоришь;
Зато солгал – и ложь все знают эту —

¹⁶⁰ Ты при осаде Трои. Замолчи ж!...»
Синон же без ответа не остался:
«Пусть так, пусть я обманывать старался,

¹⁶³ А деньгами обманывал ты всех.
Я за один сюда попался грех,
А ты зато в таких грехах попался,

¹⁶⁶ Которые не снятся сатане...»
И тень с раздутым брюхом отвечала:
«О деревянном вспомни ты коне,

¹⁶⁹ Предатель ненавистный! Разве мало
Тебе того, что вся земля узнала,
Как дал тогда преступный ты совет.

¹⁷² Тебя теперь стал презирать весь свет!
Казнись же тем!» «А ты страдай от жажды,
От жажды, от которой не однажды

¹⁷⁵ Язык твой будет трескаться и рот,
От той воды поганой и зловонной,
Что, как забор, твой вспучила живот».

¹⁷⁸ И отвечал монетчик разъяренный:
«Преступный рот привык ты раскрывать
Лишь для того, чтоб лгать и предавать.

¹⁸¹ Пусть, тяжкою болезнью изнуренный,
Я пухну, вечной жаждою томим,
А ты – горячкой огненной палим,

¹⁸⁴ И череп твой всегда – воспламененный...
Тебя не стали б долго умолять,
Чтоб зеркало Нарцисса полизать

¹⁸⁷ Решился ты...» Я не щадил усилий,
Чтоб уловить теней взбешенных спор,
Вдруг: «Берегись! – проговорил Вергилий. —

¹⁹⁰ Заслужишь ты и гнев, и мой укор,
Когда их спором будешь увлекаться». —
Я покраснел и опустил свой взор

¹⁹³ С таким стыдом, что даже, может статься,
Готов теперь воскреснуть он опять,
Когда я стану вновь припоминать

¹⁹⁶ Все, что тогда со мной происходило.
Я словно был охвачен смутным сном,
И хоть вины во мне сознание было,

¹⁹⁹ Но я молчал; певец сказал потом:
«И большая вина твоя была бы
Искуплена столь искренним стыдом:

²⁰² Утешься же! Все люди в мире слабы...
Но если ты еще когда-нибудь
Услышишь спор, достойный лишь презренья,

²⁰⁵ Прочь уходи. Совет мой не забудь».

Песня тридцать первая

Путники приближаются к краю глубокого рва, составляющего последний, девятый круг Ада. Немврод, Эфиальт и гигант Антей.

¹ Речь, от которой я в одно мгновенье,
Стыд чувствуя, невольно покраснел,
Мне принесла потом и исцеленье.

⁴ Таким копьем, как говорят, владел
Ахилл: оно смертельно поражало,
И снова роковые язвы тел

⁷ Одним прикосновеньем заживляло^{181}.
Мы перешли уже долину бед
И подвигались далее; лежала

¹⁰ Над нами мгла: то был ни мрак, ни свет;
Над бездной тьмы там поднималась бездна,
И не могло быть в сумраке полезно

¹³ Мне зрение, но слух был поражен:
Такой ужасный трубный звук раздался,
Что заглушил бы гром небесный он,

¹⁶ И сквозь туман я разглядеть старался
То место, где гремел незримый рог.
Ему внимая, втайне я сознался,

¹⁹ Что сам Роланд сильней трубить не мог
В печальную минуту поражения
Святого, но несчастного сраженья,

²² Где Карл Великий битву проиграл^{182}.
Едва очнулся я от удивленья
И в даль с усилием вглядываться стал,

²⁵ Как вдруг мне в ту ж минуту показалось,
Что предо мной в тумане возвышалась
За башней башня. Тихо я сказал:

^{181} Таким копьем, как говорят, владел Ахилл... – Копье Ахилла, принадлежавшее прежде его отцу Пелею, ранив Телефа, сына Геркулеса, исцелило его новой раной (Метам., кн. XII).

^{182} Сам Роланд сильней трубить не мог / В печальную минуту поражения... – Предание гласит, что после Ронсевальской битвы звуки Роландовой трубы были слышны за восемь лье.

²⁸ «Учитель! Это город, без сомненья,
Я вижу там?» Мне отвечал поэт:
«Обманчиво твое воображение:

³¹ Сквозь эту полутьму и полусвет
Не может человеческое зренье
Проникнуть, и тебе я дам совет:

³⁴ Иди вперед, чтоб ближе убедиться,
Как расстояние может обмануть
Порой наш глаз. Так продолжай свой путь,

³⁷ Но чтоб не мог ты очень изумиться, —
Взяв за руку меня, сказал певец, —
То должен ты теперь же убедиться

⁴⁰ И истину проникнуть наконец,
Что там не башни видишь сквозь туман ты,
Нет, сын мой, это страшные гиганты,

⁴³ Которые в колодезе стоят,
Погружены от пояса до пят...»
Как постепенно в поле начинает

⁴⁶ Редеть туман, и глаз наш привыкает
Предметы постепенно различать,
Так точно сам я начал прозревать;

⁴⁹ Но, сознаваясь в тайном заблужденье,
Невольный страх я начал сознавать,
Когда яснее стали выступать

⁵² Гиганты предо мной на темном фоне,
Как стены замка Монтереджионе^{183}
Покрыты рядом башен по углам,

⁵⁵ Так из колодцев стали видны нам
Громадные, как башни, исполины,
Открытые для глаз до половины,

⁵⁸ Которым и доныне с облаков
Громами сам Юпитер угрожает.
Сквозь тьму, как сквозь таинственный покров,

^{183} Монтереджионе – замок близ Сиены, укрепленный башнями.

⁶¹ Передо мной яснее начинается
Обозначаться первый великан:
Я различал лицо его и стан,

⁶⁴ Часть живота и руки. Поступила
Природа очень мудро, что опять
Не хочет уже больше создавать

⁶⁷ Таких чудовищ страшных и лишила,
О, Марс, тебя земных твоих врагов, —
И если вечно творческая сила

⁷⁰ Природы создает еще китов,
Слонов творит, то, рассудивши здраво,
Природы мудрость я признать готов:

⁷³ Лишь только тот жить не имеет права,
В ком действуют повсюду заодно
Ум, злость и сила. Людям суждено

⁷⁶ Таких страшилищ в мире опасаться:
Никто не может им сопротивляться,
От них найти защиту нелегко».

⁷⁹ К гиганту стал я ближе подвигаться.
Его лицо так было велико,
Что, кажется, могло бы показаться

⁸² Не менее верхушки золотой
Над куполом Петра Святого в Риме,
Я задрожал перед фигурой той

⁸⁵ Представшего гиганта предо мной.
И остальными членами своими
Пугал он также. Если б за спиной

⁸⁸ Гиганта, погруженного по бедра,
Троим фрисландцам разом бы пришлось
Друг другу стать на плечи очень бодро,

⁹¹ То все-таки коснуться б до волос
Того гиганта им не удалось^{184}:
От плеч его до дна той ямы скверной,

^{184} *Троим фрисландцам разом бы пришлось / Друг другу стать на плечи...* — Фрисландцы славились большим ростом.

⁹⁴ Где он стоял, и меры ж не найти;
То расстоянье пропастью безмерной
Являлось глазу. Молча на пути

⁹⁷ Остановился я пред великаном.
Он пасть раскрыл и прокричал тогда нам
Слова, но ни единый человек

¹⁰⁰ Их не поймет: «*Rafel mai amech*
Irabi almi»^{185}. Он своей гортанью
Безумной и бессмысленною бранью

¹⁰³ Лишь разрешался только иногда.
К гиганту мой учитель обратился:
«Тень жалкая! Труби в свой рог, когда

¹⁰⁶ Свой тайный гнев ты выразить решился.
Труби, чтоб этот гнев утихнуть мог.
К твоей груди привязан этот рог...

¹⁰⁹ На собственную шею посмотри ты...
Иль все соображения убиты
В тебе давно, бессмысленная тень?

¹¹² На шее у тебя висит ремень,
А на ремне и самый рог повешен!..»
И мне сказал Вергилий: «Ночь и день

¹¹⁵ Здесь страждет он, для всех бессильно бешен,
И сам себя проклятью предает.
Он совершил когда-то преступленье;

¹¹⁸ О нем ты слышал. Это сам Немврод.
От дикого его столпотворенья
Не понимать народа стал народ,

¹²¹ И языков узнали мы смешенье.
Не тратя слов, пойдем вперед пока:
Не может никакого языка

¹²⁴ Он понимать теперь в своем томленье.
Да и его никто уж не поймет».
И совершив затем другой обход,

^{185} «*Rafel mai amech / Irabi almi!*» – Эти слова не имеют никакого смысла. Они влагаются в уста Немвроду, от которого произошло смешение языков.

¹²⁷ К гиганту мы приблизились другому;
Который мне по своему объему
Казался и ужасней и страшней

¹³⁰ И поражал громадностью своей.
Не ведал я, чья воля и чья сила
Гиганта так мучительно скрутила:

¹³³ Одна рука привязана к груди,
Другая точно так же назади
Привязанная цепью; цепь сходила

¹³⁶ От шеи вниз и тяжело пять раз
Вкруг тела великана обвилась.
«Перед тобой стоит титан надменный, —

¹³⁹ Так мой путеводитель мне сказал. —
С Юпитером, царящим над Вселенной,
Помериться он силами желал,

¹⁴² И вот за то наказан здесь, презренный.
Ты Эфиальта^{186} видишь пред собой.
Его деянья много прославляли

¹⁴⁵ В те времена, когда своей борьбой
Титаны всех богов перепугали.
Его рука, готовая на бой

¹⁴⁸ В иные дни и грозная когда-то,
Теперь в цепях, недвижностью объята».
И я сказал поэту: «Если мне

¹⁵¹ Возможно посмотреть на Бриарей^{187},
То укажи его мне поскорее».
Поэт сказал: «Здесь близко, в стороне

¹⁵⁴ Увидишь ты громадного Антея^{188},
Свободен он и может говорить;
Он нам с тобой поможет, может быть,

¹⁵⁷ На дно скорбей ужаснейших спуститься.
А тот, о ком ты спрашивал сейчас,

^{186} Эфиальт — один из титанов, восставших против Юпитера.

^{187} Бриарей — другой титан.

^{188} Антей — великан, убитый Геркулесом. По свидетельству Лукана, пещера Антея была в долине, возле реки Брагада, близ Замы, где Сципион разбил Аннибала.

В другом вертепе должен находиться

¹⁶⁰ Закованный, и вид его в сто раз
Страшнее Эфиальта...» В то мгновенье
Титан зашевелился и потряс

¹⁶³ Руками вдруг. Едва ль землетрясенье
Сильнее может башни потрясти,
Как этого чудовища движение

¹⁶⁶ Меня перепугало на пути.
О смерти мысль тогда меня смутила
Сильней, чем прежде; далее идти

¹⁶⁹ Не мог бы я, – вся кровь моя застыла, —
Когда б не знал, что связан был титан.
Идти вперед во мне явилась сила.

¹⁷² Мы подошли к Антею. Великан
Из мрачного колодца поднимался
На полторы сажени, но скрывался

¹⁷⁵ В колодезе его громадный стан.
И молвил мой учитель исполину:
«О, ты сходивший в славную долину,

¹⁷⁸ Где десять сотен львов завоевал,
Где Сципиона слава увенчала
И в бегство обратился Аннибал...

¹⁸¹ О, ты, о ком молва не перестала
Еще доныне громко толковать,
Что мог бы ты победу даровать

¹⁸⁴ Сынам земли, сражаясь с ними рядом!
Не откажись помочь нам и спусти
В ту бездну нар, где скован вечным хладом

¹⁸⁷ И льдом, Коцит недвижен на пути...
Нет, не смотри на нас суровым взглядом,
Не говори, что мы должны идти

¹⁹⁰ К Тифею или к Тицию^{189}... Смотри же
Без гнева ты на смертного и ниже
Теперь нагнись. Вот этот человек

^{189} *Тифей и Тиций* – титаны, восставшие тоже против Юпитера.

¹⁹³ Еще живет и кончит, вероятно,
Еще не скоро жизненный свой век.
Прославит он тебя неоднократно,

¹⁹⁶ Воздаст тебе он похвалу и честь,
Чтоб в светлом мире будущие внуки
Могли твою историю прочесть».

¹⁹⁹ Учитель смолк, и, протянув к нам руки,
Гигант Антей (всю силу этих рук
Изведал Геркулес сам в тяжелой муке)

²⁰² И моего учителя взял вдруг.
«Скорей приди теперь в мои объятия,
Чтоб мог тебя с собою вместе взять я», —

²⁰⁵ Сказал поэт. В минуту ту Антей
Мне башней Гаризендой^{190} показался,
Когда несется облако над ней.

²⁰⁸ На миг один я так перепугался,
Что всякий спуск другой бы предпочел,
Который бы нас свел в пучину зол;

²¹¹ Но проводник наш тихо подвигался
И, наконец, на дно той бездны снес,
Где в пропасти холодных, вечных слез

²¹⁴ Сам Люцифер с Иудою томился...
Над этой мрачной бездною склонился
Антей недолго: голову вознес

²¹⁷ И корабельной мачтой распрямился.

^{190} *Гаризенда* – наклоненная башня в Болонье, названная по имени своего строителя.

Песня тридцать вторая

Дно замерзшей бездны и Коцит. Четыре отделения казни. Два грешника, из которых один грызет голову другого. Вопрос поэта.

¹ Мне нужен стих суровый и железный,
Чтоб ледящий ужас передать,
Царящий над последней адской бездной.

⁴ Но стих мой слаб, чтоб верно описать
Вселенной дно, юдоль скорбей и срама,
На языке, которым лепетать

⁷ Привыкли только дети: «Папа, мама!»
Но пусть теперь помогут музы мне,
Как помогали некогда оне

¹⁰ Благому предприятию Амфиона,
Который стены Фив соорудил^{191}
Под лирный звук; пусть мир и слез, и стона,

¹³ Которых я в Аду свидетель был,
В моих стихах сурово отразится.
О, род людской, успевший погрузиться

¹⁶ В подземный мир, который грозен так,
Что страшно говорить о нем решиться, —
О, род людской, сошедший в вечный мрак,

¹⁹ Тебе бы лучше было в мир родиться
Баранами иль стадом диких коз!..
Когда на дно колодца опуститься

²² К ногам гиганта грозного пришлось,
И я смотрел вокруг себя тревожно
На стены, на гранитный их откос,

²⁵ Тогда услышал голос: «Осторожно
Теперь иди, чтобы пятами ног
Ты раздавить нечаянно не мог

²⁸ Голов теней, измученных борьбою».

^{191} Благому предприятию Амфиона, / Который стены Фив соорудил... – По звуку лиры Амфиона воздвигались стены Фив и камни укладывались сами собою.

Я оглянулся быстро, и тогда
Я озеро увидел пред собою,

³¹ Застывшее под светлой массой льда,
И озера поверхность ледяная,
Как зеркало, сверкала. Никогда

³⁴ На севере течение Дуная
Под толщью ледяной такой коры
Не пряталось, и если б две горы,

³⁷ Таберник с Пьетрапаной, обломились
И рухнули на этот адский лед,
То ледяной покров недвижных вод

⁴⁰ Не дрогнул бы... Меж страшных льдин томились
Измученные тени. Иногда
Так, квакая, из сонного пруда

⁴³ Глядят лягушки осенью несмело.
Сокрыты льдом до тех частей их тела,
Где выступают признаки стыда,

⁴⁶ Сидели тени, шелкая зубами,
С опущенным, безжизненным челом,
С стучащими от холода зубами;

⁴⁹ Вся горечь мук в молчании немом
В их потускневших взорах выражалась...
Осматриваясь в трепете кругом,

⁵² Я вниз взглянул, где к призраку прижалась
Другая тень, склонившись близко так,
Что волоса обоих, мне казалось,

⁵⁵ Перемешались вместе... Тотчас знак
Я подал этим призракам рукою:
«Скажите мне, кто вы? Зачем с такою

⁵⁸ Мучительно безмолвною тоскою
Друг с другом стали тесно, грудь о грудь?»
И призраки, чтоб на меня взглянуть,

⁶¹ Приподняли чело свое и горько
Заплакали, но на ресницах только
Явились капли жгучих, крупных слез —

⁶⁴ Оледенил их тотчас же мороз,
И очи их смежились, замерзая...
Друг к другу так же тесно приставая,

⁶⁷ Как две доски, прибитые гвоздем,
И ярости своей не унимая,
Как иногда козел с другим козлом,

⁷⁰ Два призрака безумно стали драться.
Тут третья тень с опущенным лицом
И с ухом отмороженным, подняться

⁷³ Не в состоянье, стала говорить:
«Зачем на нас так пристально глазеешь?
Иль смелое желанье ты имеешь

⁷⁶ Узнать – кто эти тени, может быть?
То знай, что та долина, где струится
Бизенцио^{192}, там обе тени жить

⁷⁹ Привыкли самовластно; покориться
Им и отцу их старому^{193} должна
Была та превосходная страна.

⁸² Одна их мать рождала, и доныне
Не отыскать в Аду во всей *Каине*^{194}
Подобных душ, низверженных под лед,

⁸⁵ Где призраки, от стужи мертво-сини,
Склоняются на лоно смерзлых вод.
Не равен по заслугам с ними тот,

⁸⁸ Кого Артур сразил одним ударом^{195},
Ни тот злодей, которого зовут
Фокачча^{196}, ни этот, ставший тут,

⁹¹ Передо мной в своем безумье яром, —

^{192} *Бизенцио* – река, протекающая в долине Фальтерона, между Луккою и Флоренцией.

^{193} *Покориться / Им и отцу их старому...* – Альберто де Альберти, флорентиец. По смерти Альберто сыновья его Александр и Наполеон убили друг друга.

^{194} *Не отыскать в Аду во всей Каине...* – Последний круг Ада разделен на четыре части, из которых каждая получила название от одного из преступнейших предателей, именно: на *Каину* – от Каина, предавшего брата, на *Антенору* – от Антенора, предавшего родину, на *Птоломею* – от Птоломея, предавшего своего гостя, и на *Джудекку* – от Иуды, предавшего своего Господа.

^{195} *Тот, / Кого Артур сразил одним ударом...* – Мордрек, сын или племянник короля Артура, хотел убить отца, но Артур предупредил его и проколол насквозь.

^{196} *Фокачча де Канчеллиери из Пистой* – отрубил руку у своего двоюродного брата и убил дядю.

Сассоло Маскерони^{197}. Если ты
Тосканец только, то его черты

⁹⁴ Тебе уже знакомы, без сомненья...
И чтоб не тратить больше лишних слов —
Дальнейшие не нужны рассужденья —

⁹⁷ Я подскажу тебе, кто я таков:
Камичион де Пацци^{198} я. Прощенья
Мне в мире нет, но тьма моих грехов

¹⁰⁰ Должна бледнеть пред силой преступленья
Предателя Карлино^{199}, и я жду,
Когда его увижу здесь в Аду...»

¹⁰³ И сотни лиц передо мной мелькали,
Стонали и от холода дрожали...
Одно воспоминание о нем,

¹⁰⁶ Об этом Царстве вечно ледяном,
Где стихла человеческая злоба,
Меня доводит часто до озноба,

¹⁰⁹ Когда ко дну спускались глубже мы,
Я трепетал за каждый шаг невольно
От холода и безрассветной тьмы,

¹¹² И вдруг случайно или произвольно,
Ступая меж голов, своей ногой
Ударил я одну из них так больно,

¹¹⁵ Что грешник, изнуренный и нагой,
Заплакал и воскликнул так, рыдая:
«За что меня ты топчешь? Никогда я

¹¹⁸ Тебя не знал!.. Когда сюда сойти
Решился ты, но только не для мщенья
За страшный бой при Монте-Аперти^{200},

¹²¹ За что ж меня мучишь?» В то ж мгновенье

^{197} *Сассоло Маскерони* – известен своими злодеяниями и убийством родного дяди.

^{198} *Камичион де Пацци* – предательски умертвил родственника своего Уберти.

^{199} *Карлино де Пацци* – предал гвельфам за деньги замок Пиано-ди-Травиньо.

^{200} «За страшный бой при Монте-Аперти...» – При Монте-Аперти была битва между гвельфами и гибеллинами. Во время этой битвы Бокка дель Абати, бывший на стороне гвельфов, перешел к гибеллинам и отрубил руку Джаккопо делла Вакка, державшего знамя. Гвельфы, не видя своего знамени, сочли сражение проигранным, обратились в бегство и были разбиты.

Учителю сказал я: «На пути
Остановись, чтоб выйти из сомненья,

¹²⁴ Я мог теперь и истину узнать —
Кто эта тень, — потом без замедленья
Я вновь тебя готов сопровождать».

¹²⁷ Путеводитель мой остановился,
И к призраку, который изрыгать
Проклятья не устал, я обратился:

¹³⁰ «Скажи, кто ты, свой собственный покой
Нарушивший неистовою бранью?»
Тень крикнула: «А кто ты сам такой,

¹³³ Столь равнодушный к нашему страданию,
Что попираешь головы теней?
Когда бы ты к числу живых людей

¹³⁶ Принадлежал, то слишком бы сурово
Так поступать для существа живого».
«Я жив еще, — я тени дал ответ, —

¹³⁹ Когда ты об известности хлопчешь,
То я могу, когда того ты хочешь,
Чтоб долго не забыл тебя весь свет,

¹⁴² Включить тебя в число имен известных...»
«Не нужно мне похвал твоих чудесных, —
Завыла тень. — В крошечной этой тьме

¹⁴⁵ Напрасно льстить ты начинаешь мне!..
Не мучь меня и прочь беги отсюда...»
«Кто ты? Ответь, иначе будет худо!»

¹⁴⁸ Я закричал, и вмиг моя рука
За волоса схватила тень: «Заставлю
Я говорить тебя иль волоска

¹⁵¹ Ни одного на коже не оставлю».
И призрак мне со стоном отвечал:
«Рви ж волоса. Хотя б ты ощипал

¹⁵⁴ Всю голову — я не скажу ни слова...»
У грешника стал волоса я рвать
И выдернул их не одну уж прядь,

157 А он, склонивши голову, сурово
Стал лаять по-собачьи. В этот час
Другая тень сказала сзади нас:

160 «Что сделалось с тобою нынче, Бокка?
Иль мало для тебя, что ты жестоко
Зубами научился скрежетать?

163 Теперь же псам ты начал подражать!..
Кой черт тебя так лаять заставляет?..»
«Теперь умолкнуть можешь ты в Аду, —

166 Тут я сказал, — и к твоему стыду,
За что тебя подземный Ад терзает,
Я в мир теперь рассказывать пойду!»

169 «Прочь! — крикнул он. — Я не боюсь позора,
Но если ты отсюда выйдешь скоро,
То не забудь порассказать о том,

172 Кто был известен длинным языком.
Скажи, что ты, спустившись в нашу сферу,
Где дышат все прохладным ветерком,

175 Ты видел в ней Буозоде Дуэру^{201},
Который слезы горькие здесь льет
На золото французское... А вот

178 (Тебе вопрос предложат, может статья,
С кем ты еще в Аду мог повстречаться),
Вот близ тебя Беккерия^{202}, аббат,

181 Изменник, обезглавленный когда-то;
Потом немного дальше брось свой взгляд —
В измене два достойные собрата —

184 Джианни Сольданьер^{203} и Ганнелон^{204},
А вот и Трибальделло^{205}. Предал он

^{201} *Буозо де Дуэра* — начальствовал отрядом гибеллинской конницы, оберегавшим Кремону и проход Олио против войска Карла Анжу. Буозо без боя оставил вверенный ему пост, будто бы подкупленный французами. Таково мнение Данте и многих его современников; другие же оправдывают Буозо, утверждая, что он не мог удержать папского войска, в несколько раз сильнейшего.

^{202} *Аббат Беккерия из Павии* — в звании легата папы Александра IV он покушался предать Флоренцию гибеллинам, но измена его открылась, и он был обезглавлен.

^{203} *Джианни Сольданьер* — сначала гибеллин, потом гвельф, был некоторое время правителем Флоренции.

^{204} *Ганнелон из Майнца* — его измене приписывают поражение Карла Великого при Ронсевале.

^{205} *Трибальделло дель Манфреди* — предал Фаэнцу Иоанну д'Аппии, владелицу Романьи.

Фаэнцу темной ночью». Отступали

¹⁸⁷ Мы далее от грешника и вдруг
В одной из ям со страхом увидали
Двух призраков, обледеневших вкруг,

¹⁹⁰ Сидевших так, что первый головою
Для головы другого мог служить
Подобьем шапки. Тот, что под собою

¹⁹³ К земле успел собрата наклонить,
В его затылок бешено вцепился
Зубами, словно голод утолить

¹⁹⁶ Мозгами неприятеля решился.
Тидей^{206} так Меналиппа не глодал,
Как этот призрак грыз и пожирал

¹⁹⁹ Ту голову и мозгом пресыщался.
«О, ты, который зверством доказал
Всю ненависть к тому, кого терзал,

²⁰² И чьим страданьем гнусно упивался,
Скажи, чем мог тебя он оскорбить,
Чтоб мести я твоей не удивлялся,

²⁰⁵ И если точно мог он совершить
Ужасное какое преступление,
Скажи – и в светлом мире, может быть,

²⁰⁸ Я сам ему придумаю отмщенье».

^{206} *Тидей* – один из семи царей, осаждавших Фивы. Убив фивянина Меналиппа и пораженный им смертельно, он приказал подать себе его голову и грыз ее перед смертью.

Песня тридцать третья

Рассказ графа Уголино^{207}, вместе с детьми уморенного голодом в темнице. Речь Данте о Пизе и дальнейший путь. Предатель монах Альберик.

¹ Тогда грызть мозг врага переставая,
От страшной пищи грешник отнял рот;
И, губы волосами утирая

⁴ Той головы, сказал мне в свой черед:
«Ты хочешь, чтобы прежнего страданья
Опять я пережил ужасный гнет?»

⁷ Поверь, о нем одно воспоминанье
Томит меня; но если мой рассказ
Дать может стыд и новое терзанье

¹⁰ Преступнику, которого сейчас
Я пожирал, то свой рассказ начну я,
Хотя бы слезы вырвались из глаз,

¹³ И прошлое, тревожа и волнуя,
Меня могло смутить и раздражить.
Кто ты и как ты мог сюда вступить —

¹⁶ Не знаю я, но говорит мне что-то,
Что флорентинцем должен сам ты быть,
И если так, — то мне пришла охота

¹⁹ Тебе свое прошедшее раскрыть.
Во мне ты видишь графа Уголино,
А он, — скорбей земных моих причина,

²² Неумолимой стоящий вражды,
А он — архиепископ Руджиери.
Рассказывать теперь мне нет нужды

²⁵ О бешенстве, живущем в этом звере,
О том, как вкрался в душу мою он,
И как потом я им был умерщвлен.

²⁸ Но ты не знал, как умер Уголино

^{207} Граф Уголино Герардеска — тиран Пизы. Изменою архиепископа Руджиери он был заключен в башню с двумя сыновьями и двумя внуками и уморен голодом.

И как была мучительно тяжка
Моя, для всех безвестная, кончина.

³¹ Узнай о ней и помни, чья рука
Меня так покарала беспощадно,
И почему так злобна и дика

³⁴ Моя вражда к проклятому. Я жадно
Следил в тюрьме за скудным светом дня
В пустынной башне. Нынче в честь меня

³⁷ Тюрьма та *Башиной Голода* зовется.
Я не однажды видел из окна,
Как вновь являлась на небе луна,

⁴⁰ Но долго ль мне в тюрьме жить придется,
Не ведал я. Вдруг мне приснился сон,
Мне разъяснил все будущее он.

⁴³ Во сне мне Руджиери представлялся:
Как будто на охоте он гонялся
За волком и волчатами. Пред ним,

⁴⁶ Спустив собак, при виде той приманки,
Неслись с безумным гиканьем своим
Сисмонди, Гуаланди и Ланфранки.

⁴⁹ Не в состоянье бегство продолжать,
Волк и волчата стали уставать,
И страшные картины мне приснились,

⁵² Как зубы псов в усталых жертв вонзились
И грызли их и рвали их бока.
За тяжким сном глаза мои открылись.

⁵⁵ Ночная тьма казалась глубока,
Еще заря не золотила неба,
Но сердце охватила мне тоска,

⁵⁸ Когда, во сне заплавав, стали хлеба
Со мною дети бывшие просить.
Бесчувственным вполне ты должен быть,

⁶¹ Когда теперь вполне не сострадаешь
Тем мукам, что почувствовал отец,
И если ты *теперь* не зарыдаешь,

⁶⁴ Когда же ты рыдаешь наконец? —
Мы встали все; уж час тот приближался,
Когда к нам сторож с пищею являлся,

⁶⁷ Но я ужасный сон припоминал,
Я верил в этот сон и – сомневался.
Так время шло, и вдруг я услышал,

⁷⁰ Что вход в темницу нашу забивался.
Я пристально взглянул в лицо детей,
Но промолчал, не находя речей.

⁷³ Во мне как будто сердце камнем стало,
И слезы не бежали из очей.
Но детский плач меня язвил, как жало...

⁷⁶ Мне юный Ансельмуччио сказал:
«Отец, отец, скажи мне, что с тобою?
Зачем же ты смотреть так дико стал?»

⁷⁹ Я был измучен внутренней борьбою,
Но не заплакал и не отвечал.
Так день прошел, и новый день настал.

⁸² Когда ж скользнул в темнице нашей снова
Печальный и едва заметный свет,
В лице детей нашел я тот же след —

⁸⁵ След выраженья дикого, тупого,
Которое нашли они во мне.
Тогда, склонясь в отчаянье к стене,

⁸⁸ Я начал грызть зубами обе руки.
Бессильного отчаяния муки
За голод дети приняли... «Отец, —

⁹¹ Они заговорили, — наш конец
Мы встретим безбоязненно и смело,
Когда возьмешь ты в пищу наше тело.

⁹⁴ Ты дал нам плоть, возьми ж ее назад...»
И я притих, чтоб вновь их не мучить,
Не видеть их печальный, кроткий взгляд.

⁹⁷ Смириться я хотел себя заставить...
Так, страшное молчание храня,
Мы прожили в отчаянье три дня...

¹⁰⁰ О, для чего же ты не расступилась
Тогда, земля!.. Четвертый день настал,
Четвертый день семья моя томилась,

¹⁰³ Тогда Гаддо безумно застонал,
К моим ногам склоняясь ниже, ниже:
«О, помоги, отец, мне, помоги же!»

¹⁰⁶ Так умер он. И я недолго ждал:
В моих глазах и остальные трое
Навеки смолкли... Что я испытал

¹⁰⁹ По смерти их!.. Ногами землю роя,
От трупа к трупу ползал я и звал
К себе детей... Три дня я их искал,

¹¹² Лишенный сил, сознания и зренья...
Но голод пересилил наконец
Мою тоску и самое мученье...»

¹¹⁵ Здесь был его истории конец.
Тень искосила гневно и сурово
Свои глаза и с яростью снова,

¹¹⁸ Как лютый пес, грызть череп начала...
О, Пиза, Пиза! Долго ты была
Стыдом всего пленительного края!

¹²¹ Твои соседи, мстью не сторая,
Ленивое спокойствие любя,
Наказывать не думают тебя!

¹²⁴ Пусть двинутся Капрайя и Горгона^{208},
Плотиной устье Арно перервут,
Пускай река свое поднимет лоно

¹²⁷ И погребет в течение буйном тут
Твоих граждан!.. Вините Уголино
В предательстве при сдаче крепостей,

¹³⁰ Но за отца зачем казнить детей?
Ведь у него четыре было сына,
Которых правота для палачей

^{208} Капрайя и Горгона – два небольших островка близ устья Арно.

¹³³ Была ясна!.. Вперед мы путь держали
И наконец достигли мест таких,
Где льдины новых призраков сжимали

¹³⁶ Мучительно, не так, как всех других,
Они не прямо в прорубях стояли,
Но книзу головою. Слезы их

¹³⁹ Другим слезам дорогу преграждали
И, заливая лица тех теней,
На этих лицах тотчас замерзали;

¹⁴² Прозрачной маской впадины очей
У них покрыты были постоянно.
Хотя привык я к стуже, беспрестанно

¹⁴⁵ В вертепе лютый холод вынося,
И словно оболочкой роговою
На мне была покрыта кожа вся,

¹⁴⁸ Но все же сильный ветер за спиною
Я чувствовал, проговорив: «Поэт!
Подуло ветром, кажется, за мною,

¹⁵¹ А думал я, что в воздухе здесь нет
Движения!..» «Придем мы к месту скоро,
Где ты увидишь сам без разговора,

¹⁵⁴ Что значит этот ветер». В этот миг
Одна из душ вертепа ледяного,
К нам обратясь, вдруг испустила крик:

¹⁵⁷ «О, вы, которым место здесь готово,
Вы, павшие в последний адский круг,
С моих очей тяжелые покровы

¹⁶⁰ Сорвите вы, чтоб горести недуг
Мог облегчить я горькими слезами,
Пока опять не станут над глазами

¹⁶³ Те слезы постепенно замерзать». —
«Готов исполнить я твое желанье,
Когда ты правду станешь отвечать —

¹⁶⁶ О том, кто ты, несчастное созданье.
И если с глаз твоих я не сорву
Покрова ледяного, пусть во рву

¹⁶⁹ С тобой здесь разделю я наказание». Он отвечал: «Мне имя – Альберик^{209}, Мой вертоград запущен был и дик,

¹⁷² Давал плоды дурные постоянно, И финики здесь вместо сочных фиг Я получаю». «Это очень странно!

¹⁷⁵ Ты умер разве?» Он же отвечал: «Я сам об этом много размышлял, Но все ж одно могу сказать я смело,

¹⁷⁸ Что на земле мое осталось – тело. Таков уже последний адский круг, Куда душа сама слетает вдруг,

¹⁸¹ Атропоса толчка не дожидаясь. Чтоб поскорей кору застывших слез Ты снял с меня, помочь тебе стараясь,

¹⁸⁴ Я этот разрешу тебе вопрос: Когда душа с предательством сживется, В чем согрешить мне самому пришлось,

¹⁸⁷ То тело в лапы беса попадетсЯ, И он над телом властвует, пока В нем хоть капля жизни остается,

¹⁹⁰ И беса власть над телом велика. Душа же человека улетает Сюда в ледник, где вечно изнывает.

¹⁹³ Взгляни на тень, которая дрожит Вблизи меня: она сюда слетела, А между тем души вот этой тело

¹⁹⁶ Там, на земле, живет еще... Но вид Его тебе известен, может статься: Тебе пришлось с землею расставаться

¹⁹⁹ Не так давно. Смотри: ведь это он — Бранк д'Орио, который заключен Давно в Аду...» «Не прибегай к обману, —

^{209} *Фра Альберик* – член «веселого братства». Поссорившись со своими родными, созвал их на пир и, в то время как разносили плоды, велел их умертвить. От этого произошла пословица: он покушал плодов Альберика.

²⁰² Заметил я, – тебе ль я верить стану,
Когда ты так бессовестно налгал:
Бранк д'Орио еще не умирал,

²⁰⁵ До этих пор он на земле, как прежде,
И спит, и ест, и ходит он в одежде...»
Но призрак вновь тогда заговорил:

²⁰⁸ «Еще Микеле Цанке не сходил
В вертеп с кипучей, липкою смолою,
Как в тело Бранка бес уже входил...

²¹¹ Я все сказал. Теперь своей рукою
Сорви кору с моих застывших глаз».
Но я солгал пред ним на этот раз:

²¹⁴ Нечестно поступить с ним было честно...
О, гемуэзцы, скоро ли всех вас
Гнать будут в этом мире повсеместно

²¹⁷ За то, что добродетель вам чужда,
И в вашей жизни только вам известна
Пороков грязь, коварство и вражда.

²²⁰ С романцем развращенным встретил рядом
Я одного из вас теперь, и вот:
Его душа поглощена уж Адом,

²²³ А сам он на земле еще живет.

Песня тридцать четвертая

Последний отдел девятого круга Ада. Иуда Искаротский, Брут и Кассий.
Выход из Ада у подножия горы Чистилища.

¹ «*Vexilla regis prodeunt Inferni*^[210],
Смотри вперед, – сказал мой проводник, —
Когда проникнуть можешь силой взгляда

⁴ Сквозь эту тьму». Мрак страшен был и дик.
Едва я различил в ночном тумане,
Через который глаз едва проник,

⁷ Подобье странной башни на поляне:
Напоминала мельницу она
С вертящимися крыльями. Заране

¹⁰ Дорога показалась мне страшна,
Когда, охвачен ветром, не решался
Я далее идти и укрывался

¹³ За спутником, едва не сбитый с ног:
Другой защиты я найти не мог.
Последний круг пред нами открывался, —

¹⁶ Я с ужасом слагаю этот стих,
Припоминая новые мученья
Поверженных теней. Я видел их

¹⁹ В прозрачном льде застывших без движенья.
Я видел ниц лежащими одних,
Других совсем в отвесном положенье

²² Вниз головою; ноги у иных
Сводились к шее прямо вроде лука...
Мы двигались, не проронивши звука,

²⁵ И наконец, мой спутник указал —
Мне на того, кто некогда сиял,
Как гордое, прекрасное создание.

²⁸ «Смотри сюда, – учитель мне сказал, —

^[210] «*Vexilla regis prodeunt Inferni*». – Буквально в оригинале: «Знамена царя Ада приближаются». Данте взял эти слова из католического духовного гимна Спасителю: «*Vexilla regis prodeunt*». Прибавив к ним слово «*inferni*», Данте совершенно изменил смысл стиха.

Остановись и обрати внимание:
Вот Люцифер, познавший наказание,

³¹ Вот адский круг, где должен ты собрать
Все мужество, чтоб мог пред сатаной
Ты не дрожать...» Могу ли передать,

³⁴ Как замер я, что сделалось со мною,
Как вдруг я стал фигурой ледяною?
Я этого не в силах описать.

³⁷ Ни мертв, ни жив я в этот миг казался,
Так пусть читатель сам теперь поймет,
Каков я был, когда я оставался

⁴⁰ Без смерти и без жизни!.. Вечный лед
Был погружен до половины груди
Владыки мира скорби... Все мы, люди,

⁴³ Скорей бы с великанами земли
И с ростом их помериться решились,
Чем великаны ростом их могли

⁴⁶ С его рукой помериться. Явились
Его размеры страшными для глаз.
Действительно казался он для нас

⁴⁹ Началом скорби, он, теперь ужасный,
Зловещий, отвратительный на взгляд
И некогда божественно прекрасный;

⁵² Повергнутый за то в проклятый Ад,
Что с Саваофом в дерзкое боренье
Хотел вступить... Отпрянул я назад,

⁵⁵ Замета в нем трех лиц соединенье.
Одно лицо являлось впереди,
И было ярко-красно в то мгновенье,

⁵⁸ А остальные два – по сторонам
С середины плеч могучих поднимались
У Люцифера страшного, и там

⁶¹ В одну большую голову сливались.
Лицо его – на правой стороне
Казалось с желто-белым цветом мне,

⁶⁴ А левое – по цвету походило
На цвет лица людей из той страны,
Где в тростниках струятся воды Нила.

⁶⁷ У демона под каждым ликом было,
Как бы у птиц большой величины,
По два крыла, и верно, никогда

⁷⁰ Громадней парусов еще не знали
Морские корабли или суда:
Так крылья те размерами пугали.

⁷³ Они без перьев были, и тогда
Мышей летучих мне напоминали
Развернутые крылья. Сатана,

⁷⁶ По воздуху крылами ударяя
(Среди морей гроза не так сильна),
Производил три ветра, заставляя

⁷⁹ Коцит под этим ветром замерзать.
Сам Люцифер не уставал рыдать,
Шестью глазами слезы исторгая,

⁸² И эти слезы, падая из глаз,
С темно-кровавой пеною сливались,
По подбородкам демона струясь

⁸⁵ Тройным ручьем... Три пасти раскрывались,
И каждым ртом он грешника терзал
И зубы разом в трех теней вонзал.

⁸⁸ Для грешника, который был в середине,
Боль от зубов не так была страшна,
Как от когтей. Когтями сатана, —

⁹¹ Припоминаю с ужасом я ныне, —
Всю кожу со спины его сдирал.
«Вот этот грешник, — спутник мне сказал, —

⁹⁴ Что более двух остальных страдает,
Иудею Искаротским он
Зовется. Люцифер ему сгрызает

⁹⁷ Всю голову, а ноги – видишь, – вон
Болтаются снаружи. Остальные,
Вниз головой повиснувшие тут,

¹⁰⁰ Преступники такие же большие.
Налево изнывающий есть – Брут^{211}:
Смотри, как он, давно бессильно лют,

¹⁰³ Ни слова не промолвивши, крутится,
А тот, который крепко так сложен,
Смотри сюда правее – Кассий он.

¹⁰⁶ Но нам пора отсюда удалиться
Затем, что все здесь рассмотрели мы,
А ночь близка... Нам медлить не годится

¹⁰⁹ Средь этой непроглядной, вечной тьмы».
Поэту повинуюсь, я решился
Обвить его рукой и уцепился

¹¹² В одно мгновенье за плечи, а он,
Когда раскрылись демонские крылья,
Собрал свои последние усилия

¹¹⁵ И, дерзостью безумной увлечен,
За сатану руками ухватился
И по бокам косматым опустился,
Скользя меж им и ледяной стеной,

¹¹⁹ До самых бедер беса и со мной
(Все для меня казалось непонятно),
Ногами вверх, а головою вниз

¹²² Он быстро опрокинулся обратно
И стал ползти, а я на нем повис...

¹²⁴ Мне чудилось, хоть то невероятно,
Что снова возвращаемся мы в Ад.
Что не вперед стремимся, а назад.

¹²⁷ Тогда сказал мой спутник, задыхаясь,
Как человек, лишенный сил почти:
«Держись теперь ты крепче, не срываясь.

¹³⁰ По одному лишь этому пути
Из царства зол мы можем удалиться.
Нам выхода другого не найти».

^{211} «Налево изнывающий есть – Брут...» – Брут и Кассий помещены в Джудекке как изменники и цареубийцы.

¹³³ Затем со мной спешил остановиться
Он на одной из выдавшихся скал,
Где на обрыве мог я укрепиться,

¹³⁶ А сам передо мной он твердо стал.
Я поднял вверх глаза, воображая
Увидеть Дите так, как он стоял,

¹³⁹ И, сам своим глазам не доверяя,
Увидел только ноги сатаны,
Но кверху обращенные... Сгорая

¹⁴² Сомнением – что чувствовал тогда я —
Понять простые смертные должны,
Во мне все мысли сделались темны, —

¹⁴⁵ Я был смущен, никак не постигая,
Как миновал я роковую грань.
Тогда сказал путеводитель: «Встань,

¹⁴⁸ Пройти еще нам остается много
И будет тяжела еще дорога,
А солнце совершило в небесах

¹⁵¹ Уж треть пути». Тогда мы очутились
В подземных, незнакомых мне местах.
Куда лучи дневные не пробились,

¹⁵⁴ И глыбы первобытные земли
Передо мной в пещере громоздились.
Я с места встал. «Пока мы не ушли

¹⁵⁷ Из этих мест, мое недоуменье
Прошу тебя, учитель, разреши:
Где тот ледник в его оцепененье? —

¹⁶⁰ Так говорил поэту я в тиши. —
Как Люцифер мне виден вверх ногами.
Когда сейчас он только был над нами?

¹⁶³ Как вечером возможен утра свет?..
Вся голова моя как бы в тумане».
И мне Вергилий дал тогда ответ:

¹⁶⁶ «Ты миновал уже черту той грани,
Где Люцифером замкнут темный Ад;
Когда я опрокинулся назад,

¹⁶⁹ Ты перешел ту точку роковую,
Тот центр земли, куда со всех сторон
Все тяжести стремятся. Небосклон

¹⁷² Теперь иной над нами; мы иную
Имеем гемисферу над собой;
Она лежит под самой сферой той,

¹⁷⁵ Раскинутой над нашею землею,
Под сферою, где прежде умерщвлен
Был тот, что без греха на свет рожден

¹⁷⁸ И умер без грехов. Своей пятою
Теперь ты попираешь малый круг,
Джудекке антиподный. Над тобою —

¹⁸¹ Теперь есть свет, там – мрак лежит вокруг,
А Люцифер, нам лестницей служивший,
Лежит все там же. В Царство вечных мук

¹⁸⁴ Упал он с Неба, ужасом смутивший
Земную глубь, и, отступив назад,
Земля покрылась морем, где, застывший

¹⁸⁷ От холода, всегда недвижим лед.
Ад – пустота, холодная могила,
И место то, которое нас ждет^{212},

¹⁹⁰ От проклятого тоже отступило
И сделалось особою горой».
Внутри земли, под каменной корой

¹⁹³ Одно есть место: трудно б очень было
Его найти, когда бы ручейка
Журчание его нам не открыло,

¹⁹⁶ Иначе тьма была так глубока,
Что далее идти бы невозможно...
В том месте, где ручей бежал, была

¹⁹⁹ С расселиной наклонною скала,
В расселину прошли мы осторожно:
Земная жизнь к себе нас вновь звала,

^{212} «И место то, которое нас ждет...» – Здесь намек на Чистилище.

²⁰² Скользили мы без отдыха над бездной,
И наконец над нами в вышине
Сверкнул небес прекрасный купол звездный,

²⁰⁵ И снова улыбнулись звезды мне.

Конец Ада

Чистилище

Песня первая

В этой первой песне поэт рассказывает, как он встретился с тенью Катона Старшего (Утического), от которого узнал, что ему нужно было делать, и затем в сопровождении Вергилия направился к морскому берегу. Когда они подошли ко взморью, Вергилий умыл лицо своего спутника росой и увенчал его голову скромным тростником, по совету Катона.

¹ О, мой духовный челн! Теперь вперед,
Поднявши парус, мчись ты без кручины
По зеркалу отрадных ясных вод:

⁴ Остались сзади адские пучины!
Я буду петь о новой стороне.
Где для скорбей и горя нет причины;

⁷ Где дух людской, очищенный вполне,
На Небеса достоин возноситься...
О, помоги ты, вдохновенье, мне!

¹⁰ Ко мне должны, о, музы, вы спуститься!
Пусть выше Каллиопа воспарит,
Чтоб мог я в песнопенье вдохновиться

¹³ Той музыкой, что бедных Пиэрид^[213]
Заставила в бессилии смириться...
Я просиял и принял бодрый вид,

¹⁶ Когда увидел чудный блеск сапфира
В сиянии небесного эфира,
Сверкавшего в то время надо мной...

¹⁹ Все радости покинутого мира
Сознал я вновь, вступивши в круг иной^[214]
И кинув Ад с его мертвящей сферой,

²² Где я бродил измученный, больной...
Прекрасной, лучезарною Венерой

^[213] Пиэриды – девять дочерей Пиэра. Они вызвали муз на состязание в пении, но побежденные в этом споре были обращены в сорок.

^[214] *Сознал я вновь, вступивши в круг иной...* – Самый нижний небесный круг и, следовательно, первый от Земли есть круг Луны.

Был освещен алеющий восток

²⁵ И светоч Рыб, ее сопровождавший,
В сиянии поспорить бы не мог
С Венерою, улыбкою сиявшей.

²⁸ Тогда я взгляд направо устремил
И увидел у полюса другого
Блеск четырех неведомых светил^{215}.

³¹ Еще никто средь неба голубого
Не созерцал их, кроме той четы,
Которая в величье чистоты

³⁴ Жила в Раю. Все небо, мне казалось,
Сиянием светил тех восхищалось.
Полночный край! О, как мне жалок ты,

³⁷ Что над тобой в выси не появлялось
Таких светил! И вновь я бросил взгляд
Тогда к другому полюсу назад,

⁴⁰ Где уже колесница исчезала,
И старца я увидел пред собой^{216},
Которого наружность вызывала

⁴³ Сыновнее почтение. С бородой
Он длинной был, в ней седина сверкала,
И волосы с такой же сединой

⁴⁶ На грудь его двойной волной спадали...
Тогда лучи тех четырех светил
Его лицо так ярко озаряли,

⁴⁹ Что для меня он виден также был,
Как светлым днем при солнечном сиянье.
«Кто вы? – тогда старик заговорил,

⁵² Кудрями потрясая, в ожиданье
Ответа. – Как сюда могли пройти
Вы из темницы Вечного страданья?

^{215} *Блеск четырех неведомых светил.* – По географии того времени, Африка и Азия не переходили за экватор. Следовательно, прародители наши из Земного Рая, помещавшегося в Южном полушарии, видели это созвездие, близкое к Южному полюсу. С тех пор оно сделалось невидимым.

^{216} *И старца я увидел пред собой...* – Вергилий представляет Катона Утического на щите, подаренном Венерою Энею, как стража добродетельных усопших людей. В других произведениях того же поэта Катон также выставлен символом истинной свободы, в противоположность осужденным в Ад, которые расстались с жизнью, отягощенные большими грехами.

⁵⁵ Кто фонарем служил вам на пути,
Когда вы шли долиной адской тою,
Где скрыто все под пеленой густою

⁵⁸ Зловещей тьмы? Иль, наконец, для вас
Нарушены законы бездны вечной?
Иль в Небе изменил на этот раз

⁶¹ Решение свое Творец Предвечный,
Что вы сюда, вы, грешники земли,
К обители моей одни пришли?»

⁶⁴ Тогда мой вождь с любовью бесконечной
Меня схватил и знаки делать стал,
Чтоб старца я почтительно встречал,

⁶⁷ Приветствовал руками и глазами,
А сам ему покорно отвечал
Таковыми откровенными словами:

⁷⁰ «Не собственная воля привела
Меня сюда. Ко мне с Небес неожиданно
Одна святая женщина сошла,

⁷³ Так умоляла, чтобы постоянно
Я человека этого берег,
Что отказать ей в просьбе я не мог.

⁷⁶ И так, как ты, что вижу я, желаешь
Подробнее о деле том узнать,
То от меня всю истину узнаешь.

⁷⁹ Я правды не хочу теперь скрывать.
Тот смертный, что стоит перед тобою,
Еще не думал в мире умирать,

⁸² Но так не дорожил своей судьбою,
Что в безрассудстве к смерти близок был.
Тебе о том уже я говорил,

⁸⁵ Что послан был к нему я для спасенья.
Единый путь тогда мне предстоял
Для верного той цели достиженья,

⁸⁸ И этот путь уже я миновал.
Теперь же показать ему намерен —

А ты поможешь мне, я в том уверен, —

⁹¹ И сонм тех душ, которые должны
Под властью твоею очищаться...
Пришлось бы слишком мне распространяться

⁹⁴ О том, как мы из Царства сатаны
Пришли сюда. Сходила свыше сила,
Которая меня руководила

⁹⁷ Его вести, чтоб видеть и внимать
Тебе, мудрец! Так встретить же благосклонно
Ты смертного, который шел искать

¹⁰⁰ В пути одной свободы непреклонно,
Которая так дорога порой,
Что за нее, как истинный герой,

¹⁰³ Нередко смертный с жизнью расстается.
Не ты ли сам из-за свободы пал^{217}
И в Утике погиб, где остается

¹⁰⁶ Твоя одежда: если бы настал
Великий день, когда весь Мир восстанет,
То ярко бы хитон твой засиял...

¹⁰⁹ И знай притом: никто не нарушает
Из нас закон Предвечного. Вот он,
Мой спутник, что чело свое склоняет,

¹¹² Еще не знал, что значит смерти сон,
А я... могу еще не подчиняться
Я Миносу, по смерти осужден

¹¹⁵ В кругу тех бледных призраков скитаться,
Где блещут очи Марции твоей,
Которая готова преклоняться

¹¹⁸ Перед тобой и ради прошлых дней
Признать ее своею умоляет...^{218}
О, чистая душа среди теней!

^{217} «Не ты ли сам из-за свободы пал...» – Катон умертвил себя после победы Цезаря при Тапсе в 46 г. до Рождества Христова.

^{218} «Признать ее своею умоляет...» – После смерти Гортензия, которому Марция была уступлена Катонем, Марция просила последнего опять признать ее своею, на что Катон и согласился (А. IV, 128).

¹²¹ Во имя той, которая пылает
К тебе святой любовью, обрати
Свой взгляд святой на нас и по пути

¹²⁴ Семи твоих обителей пройти
Нам разреши, и там, где обитает,
Тень Марции, благоговейно там,

¹²⁷ Когда на то ты дашь мне разрешение,
Я ей привет твой добрый передам». —
И он ответил в виде поученья:

¹³⁰ «В былые дни я Марцию любил,
И исполнял всегда ее желанья,
Которые я дорого ценил.

¹³³ Теперь же бесполезны все старанья
Меня ее влиянию подчинять,
Пока она должна еще блуждать

¹³⁶ Там за волнами грозного потока,
И то, что прежде трогало глубоко,
Святым законом было для меня,

¹³⁹ Теперь мне чуждо стало и далеко;
Ее желаний больше не ценя,
Я стал к ним глух. Молчанье храня

¹⁴² О Марции, ты, лести избегая,
О том лишь мог бы только мне сказать,
О чем просила женщина святая...

¹⁴⁵ К чему же было к лести прибегать,
Когда и этих слов вполне довольно?
Иди ж теперь и увенчай привольно

¹⁴⁸ Безлиственным и гибким тростником
Чело певца; его лицо потом
Умой водой: глаза его невольно

¹⁵¹ Успел туман нечистый омрачить,
И был бы он достоин порицанья,
Осмелившись в нечистоте вступить

¹⁵⁴ В тот круг, где должен голову склонить
Перед одним из первых духов Рая.
Вкруг острова — ты можешь проследить, —

¹⁵⁷ Где плещут волны, в берег ударяя,
На низкой самой местности растет
Теперь тростник^{219}, на мягкий ил склоняя

¹⁶⁰ Свои верхушки. Там не проживет
Растение, покрытое листьями
Иль с крепкими, недвижимыми стволами,

¹⁶³ Мешая бегу быстрому тех вод.
Затем сюда обратно не ходите:
Когда светило дня вполне взойдет,

¹⁶⁶ Вы за его течением следите,
И солнце вам укажет путь с небес,
И на гору тогда вы поспешите...»

¹⁶⁹ Так он сказал и в тот же миг исчез.
Испуганный, невольно я поднялся
И к спутнику в безмолвии прижался.

¹⁷² Он, как бы отвечая на мой взгляд,
Сказал: «Теперь иди, мой сын, за мною!
Мы повернуть должны с тобой назад:

¹⁷⁵ Равнина эта длинной пеленою
Спускается отсюда, и покат
Склон берега ее». Перед зарею

¹⁷⁸ Уж утренние сумерки с земли
Бежали прочь и вокруг рассеивались,
Так что я мог увидеть, как вдали

¹⁸¹ Морские волны тихо колыхались.
Пустынною равниною мы шли,
Вперед неторопливо подвигались

¹⁸⁴ Подобно людям, сбившимся с пути,
Уже не предающимся надежде,
Что можно им дорогу ту найти,

¹⁸⁷ Которая была знакома прежде.
Мы шли и очутились скоро там,
Где солнца луч играет по листьям

^{219} *Тростник* – гибкий тростник, повинующийся ударам волн, служит символом смиренного покаяния.

¹⁹⁰ Травы, росой перловой окропленной,
Но испаренья кверху не бегут
Над влажною землею благовонной.

¹⁹³ Путеводитель мой тихонько тут
Рукой к траве росистой прикоснулся,
И я при том движенье вострепнулся;

¹⁹⁶ Я понял, что желает сделать он,
И щеки, омоченные слезами,
К нему тогда, коленопреклонен,

¹⁹⁹ Я обратил. Вергилий смыл руками
С моих очей проклятый Ада след
И возвратил лицу обычный цвет.

²⁰² Потом мы перед взморьем очутились:
Еще никто по глади этих волн,
Которые печально так струились,

²⁰⁵ Плыть не посмел, надежды слабой полн,
Чтоб после мог назад он возвратиться.
И здесь спешил певец остановиться,

²⁰⁸ Он тростником чело мне увенчал,
Как старец повелел ему, и – чудо!
Глазам едва я верить мог, – покуда

²¹¹ Он из воды растение вырывал,
Прекрасное и нежное растение,
Как перед нами снова вырастал

²¹⁴ Другой тростник в то ж самое мгновенье.

Песня вторая

Данте и Вергилий увидели приближающийся корабль с душами, которых ангел вез для очищения. Данте был узнан находившимся между ними своим другом Казеллой, и в то время, когда Казелла стал развлекать Данте пением, является тень Катона, укоряющая души в нерадивости.

¹ Над горизонтом солнце показалось,
Там, где стоял святой Иерусалим^{220}.
А из-за Ганга дальнего являлась,

⁴ Росла над полушарием своим
В тот самый час Ночь темная с Весами^{221},
Когда ж повсюду ляжет мрак вокруг

⁷ И свет дневной простится с небесами,
Тогда Весы роняет Ночь из рук,
И розами пылавшая Аврора,

¹⁰ Теряя свой румянец, блекнет скоро...
Там, где в тот час стояли оба мы,
Уже рассвет сменял покровы тьмы...

¹³ Еще перед нами взморье находилось,
И я тогда стоял на берегу
С сомнением: могу иль не могу

¹⁶ Путь продолжать; а в сердце шевелилось
Желание скорей идти вперед,
Что на пути бы дальнем ни случилось.

¹⁹ На западе над темным лоном вод,

^{220} Там, где стоял святой Иерусалим. – Так как Иерусалим и гора Чистилища представляются расположенными одна против другой, то около земли можно провести воображаемый круг, в каждой своей точке одинаково отстоящий как от горы Чистилища, так и от Иерусалима. Круг этот служит для обеих возвышенностей общим горизонтом. Высочайшая точка поднимающегося над ним небесного полушария и вместе с тем высочайшая точка его меридиана находится с одной стороны над Иерусалимом, а с другой – над Земным Раем. Когда солнце находится на меридиане Иерусалима, то во всем том полушарии наступает день, тогда как во всем полушарии Чистилища – ночь.

^{221} *Ночь темная с Весами...* – В полночь наибольшей высоты на небе достигает то созвездие зодиака, которое лежит против другого созвездия, где находится Солнце. Вместе с восхождением солнца первое созвездие понижается, и наоборот. Во время весеннего равноденствия, когда Солнце находится в знаке Овна, против него приходится созвездие Весов. Вместе с географией того времени Данте принимал, разумеется, произвольно, что горизонт Иерусалима касается с востока Индии (Ганга), а с запада – столпов Геркулесовых Гибралтарского пролива или, другими словами, что Азия по всей ширине составляет одну четверть земного круга, а Средиземное море по всему протяжению – другую четверть. В противоположность разливающему свет Солнцу Ночь представлена здесь владычицей мрака; подобно Солнцу, но в диаметрально противоположном направлении она проходит через знак зодиака. Когда день равен ночи, а Солнце находится в созвездии Овна, тогда ночь, говоря аллегорически, держит Весы в своей руке. Как только одинаковая продолжительность дня и ночи нарушается, ночь переходит далее вперед по зодиаку, т. е. в созвездие Скорпиона, и Весы выпадают из ее рук.

Как бы застигнут утренней зарею,
Марс сквозь пары зажегся тою порою

²² И вдруг вдали – о, если бы опять
То зрелище пришлось мне увидеть! —
Передо мной свет дивный показался.

²⁵ Так по морю свет этот быстро мчался,
Что никакой, по-моему, полет
По быстроте своей с ним не равнялся.

²⁸ На миг один я взгляд отвел от вод,
Чтобы спросить учителя о свете,
Потом на море вновь взглянул и вот —

³¹ Я увидел, что чудный свет растет
И ярче стал еще в мгновенья эти...
Потом – еще быстрее его стал ход —

³⁴ С его сторон обеих показалось
Другое что-то белое^{222}. Под ним
Белело тоже что-то, но являлось

³⁷ Еще неясным. Зрителем немым
Стоял мой вождь... Сиянье приближалось...
Когда ж из пятен бледных, словно дым,

⁴⁰ Обозначаться крылья стали ясно,
В чем сомневаться было бы напрасно,
И виден стал наставником моим

⁴³ Блестящий кормчий, – крикнул мне учитель:
«Скорей склонись, персты сложивши рук, —
Перед тобою ангел, небожитель.

⁴⁶ Теперь ему подобных только слуг
Мы встретим на пути своем. Смотри же,
Когда в него взглядеться можешь ближе:

⁴⁹ Ему людей орудья не нужны,
Ему не нужно паруса и вёсел,
Чтобы бороться с прихотью волны:

⁵² Божественными крыльями он взбросил
И – полетел, пространства не боясь.

^{222} Показалось / Другое что-то белое. – Т. е. белая одежда ангела.

Смотри же ты на ангела, дивясь,

⁵⁵ Как к небесам он крылья поднимает;
Захватывая воздух с двух сторон,
Своих он вечных перьев не теряет

⁵⁸ И вида их ничто не изменяет:
Они бессмертны так же, как сам он».
И вот чем ближе дух к нам подплывает,

⁶¹ Тем кажется светлее, озарен
Сиянием таким, что невозможно
Вблизи им любоваться, и, смущен,

⁶⁴ Глаза я опустил свои тревожно.
А ангел в лодке к берегу пристал,
И челн его скользил так осторожно

⁶⁷ И так легко, что словно пролетал
Поверх воды, в нее не погружаясь...
Небесный лоцман, кротко улыбаясь,

⁷⁰ Сам на корме в сиянии стоял;
Прекрасен так, что даже описание
Его мне доставляет обаянье

⁷³ Блаженства необъятного... В челне,
Приставшем тихо к берегу, сидели
Таинственные призраки, и мне

⁷⁶ Вдруг стало слышно, как они пропели
Псалом единым голосом: «Когда
Евреи из Египта навсегда

⁷⁹ Ушли!..» Когда окончилось их пенье,
Над ними совершил благословенье
Небесный проводник их, и тогда

⁸² Сонм душ из лодки на берег спустился,
А дух исчез так быстро, как явился,
И метеором скрылся без следа.

⁸⁵ Толпа теней не ведала, казалось,
Той местности, где очутилась вдруг,
И с любопытством молча озиралась,

⁸⁸ Как человек, которому вокруг

Все незнакомым, чуждым представлялось...
А между тем блестящий солнца круг

⁹¹ Со всех сторон лучами рассыпался,
И Козерог им с Неба изгнан был...
Тогда близ нас сонм призраков собрался,

⁹⁴ На нас обоих взоры устремил,
Так говоря: «Путь на гору, скажите,
Известен вам? Так путь нам укажите...»

⁹⁷ Вергилий отвечал им: «Может быть,
Вам кажется, что с этими местами
Знакомы мы, но нам их посетить

¹⁰⁰ Случилось лишь только перед вами.
Здесь чуждо все для нас, как и для вас.
Сюда пришли другими мы путями;

¹⁰³ И так наш путь ужасен был не раз,
Что на гору дальнейшая дорога
Уже теперь нас не пугает много,

¹⁰⁶ И кажется дорогой легкой всход
На верх горы...» Я в это время встретил
В глазах теней сомнение: заметил

¹⁰⁹ Их сонм мое дыхание, и вот
Все души побледнели, сознавая,
Что я не мертв и что душа живая

¹¹² Теперь стоит пред ними во плоти.
Как вестника, несущего с собою
Ветвь масличную, люди на пути

¹¹⁵ Встречают часто пеструю гурьбою
И от него ждут слухов и вестей,
Так вокруг меня теснился ряд теней

¹¹⁸ С невольным любопытством в то мгновенье,
Стараясь рассмотреть мои черты,
О собственном забывши очищенье.

¹²¹ И видел я средь общей тесноты,
Что дух один вперед других пробрался
И с чувством, полным детской чистоты

¹²⁴ И радости, обнять меня старался.
Свои поднявши руки, и вперед
Я сам к нему рванулся в свой черед,

¹²⁷ Чтобы обнять его по-братски тоже...
Но все ж обнять не мог его... О, Боже!
О, тени бестелесные! Всех вас,

¹³⁰ Бесплотных, видеть может только глаз,
Но осязать мы вас не в состоянье!..
Напрасно я руками до трех раз

¹³³ Хотел его обвить, но то желанье
Желаньем и осталось: обнимал
Один я только воздух и сжимал

¹³⁶ На собственной груди своей я руки...
Как мысль, неуловимый, или звуки,
Бесплотный дух передо мной стоял...

¹³⁹ Тогда от удивленья, может статься,
Я стал бледнеть, в лице своем меняться,
И, на меня бросая добрый взгляд,

¹⁴² Тень начала безмолвно улыбаться
И тихо отодвинулась назад,
Но я не перестал к ней подвигаться,

¹⁴⁵ Желая дальше следовать за ней.
Но тут она меня остановила
И кротко надо мной проговорила,

¹⁴⁸ Чтоб далее не шел я. Звук речей
Открыл мне имя тени той прекрасной,
Ожившей снова в памяти моей.

¹⁵¹ Я умолял, чтоб этот призрак ясный
Не уходил, просил позволить мне
Поговорить с ним вместе в тишине.

¹⁵⁴ И тень тогда мне тихо отвечала:
«Тебя люблю я нынче, как тогда,
Когда мой дух плоть смертных облекала,

¹⁵⁷ А потому могу я без труда
На краткий срок с тобой остановиться.
Но ты, ты сам, скажи – идешь куда?»

¹⁶⁰ «Я, мой Козелла^{223}, должен возвратиться
Туда, откуда я пришел сюда.
Но как ты здесь? Могу ли не дивиться,

¹⁶³ Что ты до этих пор не впущен был
В желанную обитель очищенья?»
И призрака ответ я уловил:

¹⁶⁶ «Еще в том нет большого оскорбления,
Что тот, который может всех впускать
И не пускать^{224}, мне не дал разрешенья

¹⁶⁹ На пропуск, пожелавши отказать
В моей мольбе... и было бы безбожно
Корить его за то, что невозможно:

¹⁷² Не каждому дается благодать.
Три месяца он пропускал свободно
Всех тех, кто мог сюда вступить

¹⁷⁵ С душевным миром... Так ему угодно.
Так, наконец, и я был принят им,
Когда пришел к тем берегам морским,

¹⁷⁸ Где воды Тибра солонь бывают.
Теперь к тому он устью полетел,
И там-то многих призраков собирают,

¹⁸¹ Которые не сходят в Ахерон...»
И я сказал: «Когда Небес закон
Тебя воспоминаний не лишает

¹⁸⁴ И песни невозвратных уж времен
Тебе доныне петь не запрещает, —
Их некогда, забывши труд и сон,

¹⁸⁷ Я слушал, все невзгоды забывая, —
Молю тебя, о, спой одну из них,
Мое страданье песней умиряя:

¹⁹⁰ Ведь и теперь, в мир тишины вступая,

^{223} *Козелла* – известный певец и композитор, пользовавшийся особенной дружбой и расположением поэта.

^{224} «*Что тот, который может всех впускать и не пускать...*» – Богомольные странники, скончавшиеся с 1300 г. и воспользовавшиеся душеспасительным юбилеем, объявленным папой Бонифацием VIII, не могли быть осуждены на адские муки.

Во мне страданья голос не утих».
И песню друга слушать стал тогда я:

¹⁹³ «*Любовь со мной в виденье говорит...*»^{225}

Так он запел, и звук той песни дивной
Еще доныне сладостно дрожит

¹⁹⁶ В моих ушах молитвою призывной...
Мой вождь, и я, и призраки толпой
Внимали звукам песни той святой...

¹⁹⁹ Толпа восторгом новым упивалась
И в ту минуту только отдавалась
Напевам сладкогласной песни той,

²⁰² Как будто бы все души позабыли,
Под обаяньем звуков неземных,
Все то, что занимало прежде их...

²⁰⁵ Тем пением увлечены мы были,
Как вдруг маститый старец закричал:
«Что вижу пред собою? Это вы ли,

²⁰⁸ Вы, души нерадивые?... Настал
Давно ваш час! Бегите же, бегите
Вы на гору и там с себя снимите

²¹¹ Скорее ту ненужную кору,
Которую вам боль не позволяет
Теперь носить...» Как поутру

²¹⁴ Станица голубей свой корм собирает,
И близкое присутствие людей
Их в этот час нисколько не пугает,

²¹⁷ И лишь потом та стая голубей
Неторопливо дальше улетает,
Так точно в этот час толпа теней

²²⁰ Отхлынула от нас, забывши пенье,
И путь к горе направила вперед.
За ними в то же самое мгновенье

²²³ Мы подвигаться стали в свой черед.

^{225} «*Любовь со мной в виденье говорит...*» – Начало одной канцоны Данте Алигьери.

Песня третья

Оба поэта пошли далее, чтобы подняться на гору и, найдя предприятие это трудным сверх всякого ожидания, глубоко призадумались. В это время некоторые души сообщили им, что, повернув назад, они найдут более удобный подъем. Путники последовали этому совету, после чего Данте ведет беседу с Манфредом.

¹ Хоть бегство и рассеяло теней
По местности, идущей прямо в гору,
Где за грехи минувших наших дней

⁴ Карает Высший Разум, – в эту пору
Вслед за вождем я быстро шел вперед:
Ведь без него как мог я до высот

⁷ Святой горы достигнуть? Кто бы взялся
Меня дорогой трудною вести?
В минуту ту учитель мне казался

¹⁰ Растерянным, как будто бы пути
Дальнейшего теперь он испугался,
Раскаялся, что должен был идти.

¹³ О, ты, муж добродетельный, в котором
Такая благородная душа!
Ты не выносишь с тягостным укором

¹⁶ Малейшего проступка!.. Не спеша,
Замедля шаг, вперед он подвигался;
Я в это время внутренне старался

¹⁹ Напор печальных дум в себе унять
И новые отрадные картины
Вокруг себя стал молча созерцать.

²² Не отводил я взгляда от вершины
Горы, всходившей прямо к небесам
Из темной глубины морской пучины...

²⁵ А сзади красным солнечным лучам
Служил помехой я, и предо мною
Бежала тень^[226] широкой полосой.

^[226] Предо мною / Бежала тень... – Тень, бросаема Данте на освещенную солнцем гору Чистилища, служит здесь, как в Аду дыхание, для отличия его, живого человека, от бестелесных духов.

²⁸ И в страхе отвернулся я в тот миг,
В волнении ужасном сознавая,
Что я один остался; созерцая

³¹ Мрак пред собой, – мой ужас был велик.
Но вождь мой, от меня не отставая,
Мне молвил так: «Зачем ты не привык

³⁴ Мне доверять?» Тут подошел он ближе:
«Ведь я тебя в пути не оставлял,
Ведь я с тобою, сын мой, о, пойми же...

³⁷ Уже теперь вечерний час настал
Там, где меня когда-то схоронили,
Где от себя я также тень бросал.

⁴⁰ В Неаполе мои останки были
Погребены, хотя скончался я
В Брундузии^{227}, и если от меня

⁴³ Тень по земле уж больше не ложится,
То это не должно тебя дивить;
Да и тому не должен ты дивиться,

⁴⁶ Что небеса не могут заслонить
Лучей других небес... Чтоб выносить
Жар или холод, муки иль страданья,

⁴⁹ Людей природа строгая творит,
Но постоянно вечное молчанье
О тайне их создания хранит...

⁵² Безумен тот, кто думает, что разум
Простых людей проникнуть может разом в
Святые тайны Неба: Божество

⁵⁵ В трех лицах совместилось, составляя
Великое в единстве существо...
О, смертные! Склонитесь, не дерзая

⁵⁸ Постигнуть смысл святого «почему?»,
Бессилье вашей мысли сознавая,
Не доверяйтесь вашему уму.

^{227} Скончался я / В Брундузии... – Когда Вергилий скончался в Брундузии, его тело было перевезено в Неаполь и, согласно преданию, погребено по приказанию Августа у входа в подземелье близ ПUTEОЛИ.

⁶¹ Когда б могли, не ведая сомненья,
Вы все непостижимое понять,
Тогда бы для людского искупленья

⁶⁴ Едва ли нужно было бы рождать
Спасителя Марии Благодатной...
Вы видите безумцев: все узнать

⁶⁷ Они стремились с страстью непонятной,
Они желали тайны разгадать,
И в пытку обратились их стремленья:

⁷⁰ Таков был Аристотель, и Платон,
И многие другие...» В размышленье
Поэт умолк, и, в думу углублен,

⁷³ Свое чело склонил он в то мгновенье...
А между тем мы оба подошли
К подножию горы той и нашли

⁷⁶ Дорогу в эту гору столь крутую,
Что голова кружиться начала:
Отвесна, неприступна так была

⁷⁹ Она для нас. Едва ль дорогой тою
И путник самый смелый мог пройти.
Пути такого даже не найти

⁸² Меж Лэричи и Турби`ей. В сравненье
С подъемом тем он лестницею был,
Которую пройдешь без затрудненья.

⁸⁵ И спутник мой тогда проговорил,
Шаги свои невольно замедляя:
«О, если б я другой проход открыл,

⁸⁸ Где крутизна была бы не такая
И где свободно шествовать мог тот,
Кто крыльев не имеет». И желая

⁹¹ Путь осмотреть, исполненный забот,
Он над дорогой тихо наклонился,
А я лицо не отводил с высот

⁹⁴ Большой горы, и снова удивился,
Увидевши, что с левой стороны

Толпа теней шла возле крутизны.

⁹⁷ Навстречу к нам те души подвигались,
Но тихо так, что издали они
Едва-едва заметными казались.

¹⁰⁰ «Наставник мой, – я закричал, – взгляни:
Когда дальнейший путь тебя тревожит —
Вот кто нам указать дорогу может».

¹⁰³ И, на меня бросая взгляд, тогда
С решимостью сказал он: «Торопливо
Должны свой путь направить мы туда,

¹⁰⁶ Где эти тени движутся лениво,
А ты, мой сын, надеждою тверд будь».
Мы снова продолжали трудный путь.

¹⁰⁹ Толпа теней была еще далеко,
На расстояние наших ста шагов,
Так что с трудом могло заметить око

¹¹² В тумане их, но вот толпа духов
По крутизне вдруг начала тесниться,
Решившись, наконец, остановиться;

¹¹⁵ И к ним с мольбой таких призывных слов
Спешил тогда мой спутник обратиться:
«Узнавшие блаженство вечных снов,

¹¹⁸ Вы, души Богом избранные! Дайте
Двум одиноким странникам совет
И в благодатном мире пребывайте,

¹²¹ Нам указав возможно верный след
Пути, которым можно бы подняться
На самый верх горы. Ведь хуже нет

¹²⁴ Обиды нам, в чем должен я сознаться,
Как наше время попусту терять
В блужданье бесполезном...» Ожидать

¹²⁷ Я стал тогда душ чистых приближенья.
Как из загона овцы иногда
Идут поодиночке, без смятенья,

¹³⁰ Другие же недвижно в отдаленье

Стоят и кротко смотрят все туда,
Где первая овца идет, всегда

¹³³ Стараясь подражать ее движеньям,
Покорно-простодушны и смиренны.
Так точно, не смущая тишины,

¹³⁶ Та рать блаженных тихо подымалась
Вслед за душой, что впереди всех шла
И гордо-целомудренной казалась.

¹³⁹ Когда же различить она могла
Тень, от меня бежавшую направо,
Туда, где возвышалась скала,

¹⁴² То этот призрак светлый величаво
В пути остановился и назад
Стал пятиться, и все другие в ряд

¹⁴⁵ Его движенью тоже подражали,
Хотя едва ли сами понимали
Причину остановки той. И вот

¹⁴⁸ Бессменный вождь мой выступил вперед:
«Я ждать вопроса вашего не стану
И, прибегать не думая к обману,

¹⁵¹ Всю истину скажу вам. В этот час
Вы человека видите живого,
А потому от одного из нас

¹⁵⁴ Тень падает на землю. Это слово
Да не смутит вас. Там, на Небесах,
Есть сила, и она его готова

¹⁵⁷ В безвестных и таинственных местах
Взвести на эту гору безопасно...»
Так с полной решимостью в словах

¹⁶⁰ Проговорил учитель мой бесстрастно,
И отвечали души все согласно,
Нам сделав знак: «Идите вы вперед,

¹⁶³ Где, повернув, увидите проход».
А тень одна со мной заговорила:
«Иди, иди, куда тебя ведет

¹⁶⁶ Твой проводник и неземная сила,
Но поверни глаза и погляди:
Ах, кажется, тебе знакомо было

¹⁶⁹ Мое лицо, когда в моей груди
Мое земное сердце тихо билось...»
Тень бледная передо мной явилась;

¹⁷² На призрака я пристально смотрел...
Прекрасный, величаво он глядел,
Был белокур, лишь только шрам широкий

¹⁷⁵ Над бровью он раздвоенный имел;
Когда же я, бросая взгляд глубокий,
Сказал ему, что на земле далекой

¹⁷⁸ Его не знал, не видел никогда,
Он, рану на груди мне открывая,
Проговорил: «Так посмотри сюда!»

¹⁸¹ Потом, лицо улыбкой оживляя,
Он продолжал чуть слышно: «Я – Манфред.
Констанции был внуком я...^{228} В тот свет

¹⁸⁴ Когда еще ты можешь возвратиться,
Прошу тебя, молю тебя явиться
К моей прелестной дочери: ей нет

¹⁸⁷ Другого в мире имени, как «слава
Сицилии с Арагонией»^{229}, и ей,
Прекрасной, милой дочери моей,

¹⁹⁰ Всю правду передай ты нелукаво;
Когда двойной удар сразил меня^{230},
То, в смертном сне чело свое склоня,

^{228} «Я – Манфред. Констанции был внуком я...» – Король Манфред называет себя внуком Констанции, дочери норманнского завоевателя, т.к. брат ее с императором Генрихом VI передал корону обеих Сицилий Гогенштауфенам.

^{229} «Слава / Сицилии с Арагонией...» – Дочь Манфреда Констанция была замужем за Петром Арагонским, которому Генрих фон Труэзес передал перчатку, брошенную Конрадином на эшафоте для отмищения узурпатору Карлу Анжуйскому. Под «славою Арагонии и Сицилии» здесь обыкновенно понимают двух младших сыновей Констанции – Иакова Арагонского и Фридриха, наследника Сицилии, хотя было бы основательнее подразумевать здесь старшего сына Констанции Альфонса Благодетеля, т.к. порицание, высказываемое насчет ее младших сыновей в одной из следующих песен (см. Ч. VII, 117), решительно не вяжется с лестным эпитетом, высказанным Манфредом. Но в 1291 г. Альфонса уже не было в живых. Манфред поручает Данте разуверить Констанцию в той лжи, будто он, как отлученный от Церкви, находился между осужденными.

^{230} «Когда двойной удар сразил меня...» – После битвы при Беневенте тело короля Манфреда было найдено только на третий день (28 февраля). Подробности о смертельных ранах Манфреда неизвестны историкам того времени, и Данте, вероятно, заимствовал их из устного предания.

¹⁹³ Свой дух Тому я предал, Кто прощает
Нам все грехи... Я грешен, грешен был,
Но Тот, Кто в милосердии сияет,

¹⁹⁶ Щадит того, который приходил
К нему с нелицемерным покаяньем.
Когда б Козенцы пастырь^{231} сохранил

¹⁹⁹ В своей душе хоть каплю сострадания,
Направленный Климентом на меня,
Когда б, слова Спасителя ценя,

²⁰² Страницу из Священного Писанья
Он прочитал, чтобы уметь прощать,
То прах бы мой доныне мог лежать^{232}

²⁰⁵ Близ Беневента с миром на погосте,
Между гробниц и камней гробовых,
А ныне где лежат Манфреда кости?

²⁰⁸ Их моет дождь, разносит ветер их^{233}.
Близ Верде^{234}, по ту сторону границы
Их занесли, оставив без гробницы...

²¹¹ Но месть людей не так еще страшна,
Людское не ужасно так проклятье,
Когда могу надежды не терять я

²¹⁴ На милость и прощенье, и сильна
Моя душа высоким упованьем,
Хотя душа преступная должна

²¹⁷ (Душа того, кто чистым покаяньем
Пред смертью очиститься не мог)
Здесь у горы томиться долгий срок,

^{231} «Когда б Козенцы пастырь...» – Имеется в виду папский легат Бартоломео Пиньятелли. Папой был тогда Климент IV.

^{232} «То прах бы мой доныне мог лежать...» – Несмотря на просьбы французских баронов, уважавших храброго противника, Карл Анжуйский отказал Манфреду в почетном христианском погребении на том основании, что он умер в раздоре с Церковью. Таким образом, тело Манфреда было похоронено возле моста на реке Капоре.

^{233} «А ныне где лежат Манфреда кости?..» – Пиньятелли, архиепископ Козенцы и личный враг убитого короля, не дал ему покоя и в этой могиле, вероятно, насыпанной народной любовью. Кости отлученного от Церкви не должны были почивать на неаполитанской почве. Поэтому архиепископ приказал опять выкопать их из земли и со всеми церемониями, сопровождающими церковное проклятие, рассеять по ту стороны границы.

^{234} Верде – по старинным свидетельствам, это приток Тронто, впадающий в эту реку близ Асколи и на некотором протяжении образующий границу между Неаполитанским королевством и Анконской мархией. Впоследствии он был назван Марино, а теперь речка эта носит название Каstellано. Другие без достаточных оснований принимают за Верде нынешний Гариляно.

²²⁰ За миг греха раскаянья годами
Молитвою упорной отвечать...
Когда моими тронут ты мольбами,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания